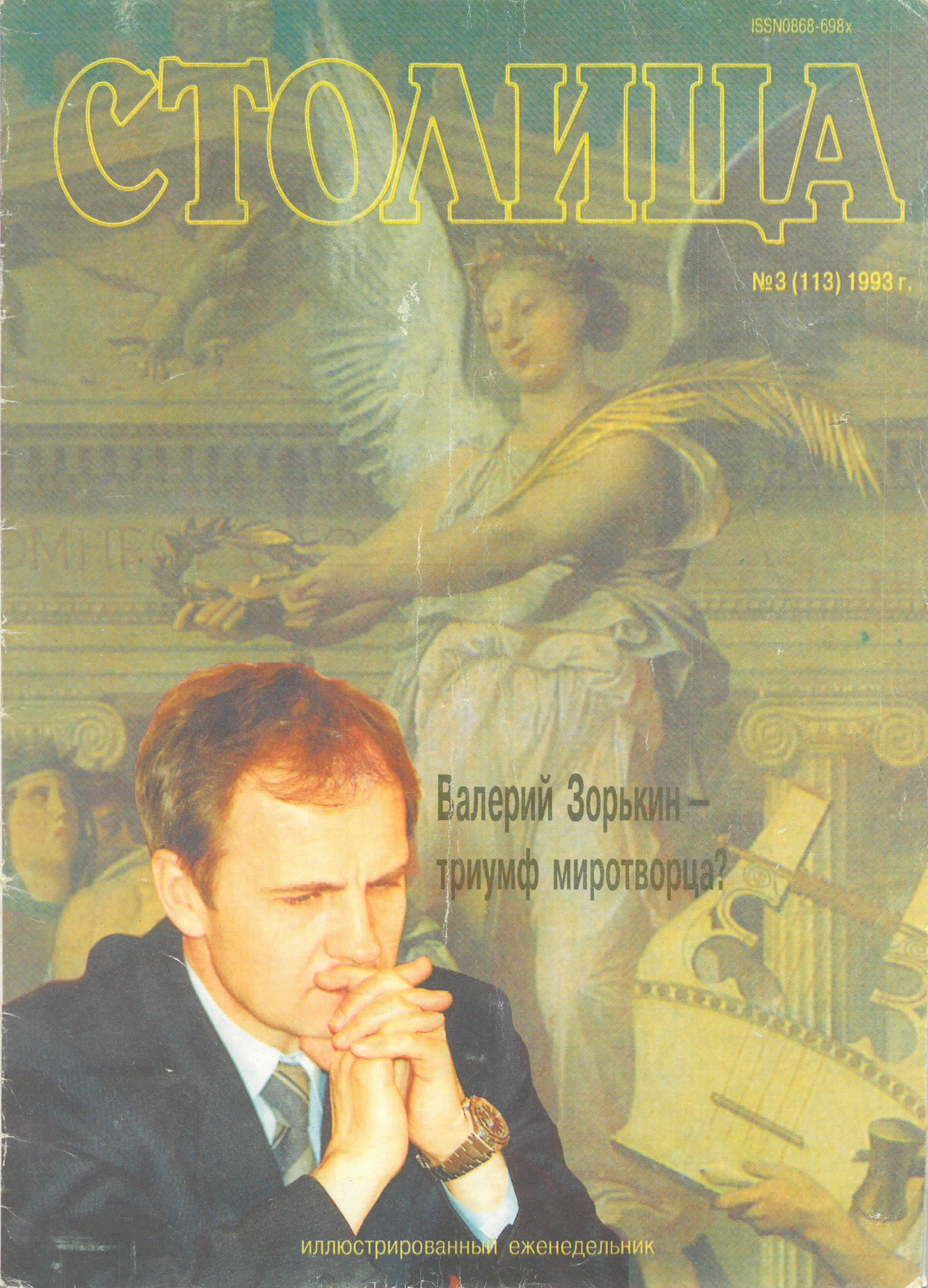

СТОЛИЦА

№3 (113) 1993 г.

The cover features a composite image. In the foreground, a man with short brown hair, wearing a dark suit, white shirt, and patterned tie, is shown from the chest up. He has his hands clasped together in front of his mouth, looking downwards with a serious expression. He is wearing a watch on his left wrist. The background is a classical painting depicting a winged figure, possibly a personification of Justice or Liberty, standing in a grand, classical architectural setting with columns and arches. The figure is wearing a white, draped garment and has large, feathered wings. The overall color palette is muted, with greens, yellows, and browns.

Валерий Зорькин –
триумф миротворца?

иллюстрированный еженедельник

КОРПОРАЦИЯ «ТОВУС» предлагает со склада в Москве лучшие товары народного потребления отечественного и импортного производства по самым низким ценам.

ПРЕКРАСНЫЙ ВЫБОР!

Верхняя одежда, белье и трикотаж, обувь, музыкальные центры, нагревательные приборы, устройства для ручного вязания.

ПОДАРКИ НА ЛЮБОЙ ВКУС ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ И ДЕТЕЙ

телефон 176-77-01
факс 362-01-11

ЖИЗНЬ С ПРОТЯНУТОЙ РУКОЙ

Алексей ЕРОХИН

**...Никогда и ничего не просите!
Никогда и ничего, и в
особенности у тех,
кто сильнее вас. Сами
предложат и сами
все дадут!**

Михаил Булгаков. Мастер и Маргарита

Воланд, конечно, прав — да только вряд ли вы ему поверите. Эва: «не просите!» Не так воспитаны. Неизбывна наша воля к халяве, и страну осеняет тень загибающихся крыл реющего над нею облезлого побирушки-буревестника, сипло кудахчущего: «Дай-дай-дай!» А может, то орел двуглавый, гербовый — ишь, как клювы-то жадно разинуты...

«Вся страна стоит с протянутой рукой», — говорит в фильме Эльдара Рязанова «Небеса обетованные» нищенка из интеллигенток в исполнении Ахеджаковой. Слова самые что ни на есть, извините за выражение, судьбоносные по нынешним временам, достойные войти в будущие учебники истории.

Клянчат заводы, клянчат колхозы, клянчат театры. Клянчат писатели и газетчики, клянчат шахтеры и авиадиспетчеры — ведь что такое есть забастовка, как не агрессивная форма вытребования подаяния? И чего другого можно ожидать от особей, возвращенных в систему подачек? До самых высших степеней и уровней добираться, не могут они изменить своим поведением.

Одно из самых мерзких для меня словосочетаний — «одноразовый шприц». Не в предмете как таковом дело — штука-то полезная, что и говорить. Но несколько лет назад, в разгар горбостройки, все высокие

государственные чины, включая самого главного начальника (как, бишь, он тогда именовался?), почему-то почитали за хороший тон привозить из любого закордонного визита охапки дармовых этих самых одноразовых шприцов, которые для Запада стали тогда своего рода мелкой монетой в обращении со здешними госдеятелями, приличной формой подачи милостыни. И телевизионная картинка с приземляющимся в Шереметьево-2 правительственным авиалайнером непременно сопровождалась одним и тем же комментарием — разнились только цифры: полмиллиона одноразовых шприцов, миллион одноразовых шприцов... Чиновную команду международных побирушек тогда просто зациклило на этих шприцах, и такое создавалось впечатление, что у них там, в верхах, идет своего рода состязание: кто больше зараз хапнет одноразовых. Соответственно и отечественный СПИД подавался как величайшая угроза, якобы катастрофически нависшая над страной, и жалостливо-нравоучительные повествования о бедолагах, подхвативших этот злокозненный синдром, подавались на сладкое в каждом втором издании (пуще всех в прессе наваяли на этом буме листок «СПИД-инфо», бульварная газетка, хитроумно замаскировавшаяся под орган милосердия).

Но как только одноразовошприцевое поветрие у высших чиновников пошло на спад — тут и СПИД как бы сошел на нет, ни слуху о нем ни духу. Просто побирушечья мода сменилась: население принялись пугать голодухой — а начальнички под горестные завывания пропаганды перековались в мешочников, меняющих в заморских краях бумажки со всяческими договорами на так называемую гуманитарную помощь (вполне идиотское выражение на русский слух). И стояла огромная мощная страна по колено в собственном запущенном богатстве, жадно поглядывая из-под руки в сторону западных границ: а ну-ка, кто там еще подкинет нам кулек карамелек и банку тушеночки? «Надо входить в общеевропейский дом!» — бодро драли глотку пустоплясы, и входили мы в этот дом с заискивающей улыбочкой деликатных бомжей, с шапчонкой, протянутой Христа ради. И нам подавали, пряча за любезной grimасой снисходительное презрение.

У одной моей доброй знакомой уже года полтора красуется на кухонном подоконнике похожая на снарядную гильзу гуманитарная голландская банка. «Почто в дело не пустите?» — «Э, нет: я ее на память оставляю. На память о позоре. О нем тоже нужно помнить...» А в телевизоре — мрущие как мухи эфиопские детишки-скелетики: это у них мы еду отхапали. Вот так более наглый и крепкий нищий перехватывает в свою пользу подачку у своего робкого и хилого коллеги.

Но вот и гуманитарная халява закончилась. Теперь отправились кланчить деньги — в долг. А поскольку такие голодранцы порядком уже всем поднадоели, то наши попрошайки стараются вовсю, напуская на себя соответствующий благооб-

В НОМЕРЕ

1 ПОЛИТИКА

В.Кичин:

Национальную гордость и чувство достоинства вернуть отнюдь не патриотические крики. Вернуть к себе уважение — и в первую очередь самоуважение — можно только делом.

6

М.Соколов:

«Комсомолка» и Римское движение премировали В.Д.Зорькина «за гражданский поступок, совершенный им 9—10 декабря на Съезде народных депутатов России».

Эти 5000 ам. долл., конечно, в хозяйстве сгодятся, но не применимо ли к дару суждение, аналогичное известному «бойся данайцев, дары приносящих»?

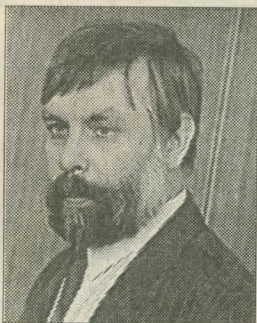
9

Ф.Горенштейн:

Даже если бы удалось избежать многих просчетов и ошибок, альтернатива была бы: нынешний хаос на политических и экономических руинах империи или третья мировая война — атомные руины.

17

2 ЭКОНОМИКА

П.Филиппов:

Уверен: мы будем хотя и медленно, но все же продвигаться по пути реформ. Балансируя на грани гиперинфляции. Создавая умеренный дефицит денег, но побуждая предприятия к структурным перестройкам. Как раз сейчас я занят организацией в рамках ВС стройной системы лоббирования реформаторских предложений и законопроектов. Чтобы наши эксперты отслеживали готовящиеся законы с самого начала разработки и до момента окончательного рассмотрения на заседаниях ВС. Для этого нам необходима отлаженная система в рамках парламентской Коалиции реформ, организационная и финансовая база для квалифицированной работы экспертов. Чего раньше у «демократов» не было.

22

3 ЖИЗНЬ

Е.Аверина:

Что же представляет из себя большинство феминисток? Это женщины, прошедшие жизнь в борьбе. Одним словом, женсовет. Но при этом — женщины! Любящие посплетничать, нарядно одеться...

34

К.Климова:

Вдали от Моссовета и законодательства о жилых и нежилых помещениях творятся удивительные вещи. Главное, убрать квартиру из общего плана распределения жилья, чтобы ни один несчастный очередник туда не сунулся.

37

А.Беляков:

Проститутки имеют свои «законные» 30—40 процентов от выручки «фирмы». В «фирме» «Эммануэль» несовершеннолетним отстегивали по 50 процентов. За отвагу. Тарифы не называю намеренно, чтобы не привлекли вслед за «Московским комсомольцем» за рекламу разврата.

40

4 КУЛЬТУРА

Сергей Пенкин:

Если человек — звезда, то ему не надо до конца открываться перед публикой: чем больше он откроется, тем меньше будет интересен. Я хочу остаться интересным.

46

В.Аллен:

Но в следующее мгновение у меня во рту был язычок Конни.

— Какого черта? — сказал я, отстраняясь. — Напилась? — Ты меня так заводишь, ты не представляешь! — и она повалила меня на кровать.

56

Дмитрий Краснопевцев:

Я родился в стране беспорядка, который преследует меня всю жизнь. И моя идея — это идея противостоящего ему порядка...

62

Москва, 101425, ГСП, К-51, Петровка, 22
Телефоны: 928-23-49, 921-67-45
Телефакс: 921-29-85
Телекс: 413739 autp

Еженедельник «Столица» учрежден Моссоветом 2 июня 1990 г.
Зарегистрирован Государственным комитетом СССР по печати.
Свидетельство о регистрации № 84

Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции. При перепечатке ссылка на «Столицу» обязательна. Редакция в переписку не вступает.

С предложениями о размещении рекламы звоните по телефону:
923-19-71, 928-83-40
По вопросам распространения обращайтесь по телефону:
928-27-69

Главный редактор: Андрей Мальгин

Заместители главного редактора:
Петр Смирнов, Владислав Старчевский,
Владимир Цыбульский

Коммерческий директор: Юрий Бычков

Директор издательства: Борис Рабкин

Ответственный секретарь: Анатолий Остроухов

Главный художник: Владимир Петров

Отдел экономики и науки: Елена Эрикссен

Отдел правовых и морально-этических проблем: Елена Салина

Отдел искусств: Татьяна Савицкая

Отдел международной жизни:

Консуэло Серура

Отдел оперативной информации:

Кирилл Рыбак

Отдел писем: Наталья Туровская

Номер набран и сверстан в фотонаборном центре еженедельника «Столица» на системе «Скантекст—2000», поставленной фирмой «Аутопан» (ФРГ)

Номер подписан в печать 15.01.1993 г.
Тираж 100.000
Цена договорная

Над номером работали:
П.Смирнов, С.Панов, Р.Катеева

© «Столица», 1993

Отпечатано в издательско-полиграфическом комплексе «Московская правда», ул. 1905 г., д. 7. Зак. 5955

разный имидж честного побирушки.

Готовы в случае чего и станцевать — подобно бухому городскому бичаре, пускающемуся в заплетающийся неуклюжий пляс: зрелище куда как гадкое, но, глядишь, в брошенной на грязный асфальт шапке все же оказывается несколько бумажек. Один такой плясун, в частности, постоянно кантуется у станции метро «Речной вокзал»: настоятельно рекомендую правительству и интеллигенции ознакомиться с его небезуспешным опытом.

Какой кесарь — таков слесарь. Одна популярная газета написала про очередную героиню нашего времени: шлюху по вызову. Ремесло ходовое, прибыльное — отчего ж не написать? Тем более со скандальной примесью (а мы почему-то упорно охочи до всяческих скандальчиков). Ну, думают, достали мы благонравного нашего читателя: кинутся на нас, таких-сяких, с дрекольем наперевес, а шлюх этих то ли расстрелять предложат, то ли в сортире утопить. Ан нет. Во-первых, масса волонтерок объявилась, жаждущих приобщиться к доходной профессии, но не знающих как, поскольку подобных ПТУ еще не заведено. Но куда интересней (если такое определение здесь уместно) другая группа откликов. В адрес по-звоночной лярвы посыпались всякого рода просьбы от пожилых женщин, матерей семейств. Уж они-то, банально рассуждая, и должны были бы оказаться яркими антагонистками профессиональной чаровницы: чай, не на простынке всю жизнь горбатились, а концы с концами — в экономическом смысле — свести толком так и не удается. Но одна ничтоже сумняшеся просит купить ей дом. А другая просто караул кричит: «Мне нужна вязальная машина! Ради Бога, купите мне ее!»

Может, это наивно, но я от удивления просто клюв разинул. Нет, не в том дело, у кого просят: работа есть работа, всякий труд у нас в почете, и денежки у деятельниц платной любви, как ни говори, трудовые. Но ведь в том-то и штука, что трудовые, не с неба упавшие, которыми бы как раз грех не поделиться. Но в том-то и беда, что вполне, казалась бы, приличные люди не считают стыдным — клянчить. Это как бы в порядке вещей: заискивая хвостиком, попросить о весьма недешевом одолжении абсолютно незнакомого человека. Кажется, это и есть та самая простота, которая хуже воровства.

Рис. О. Разина

Много хуже. Ничего не было за душой, кроме достоинства — да и с ним готовы так легко распрощаться.

Кстати, вязальную машину та просительница получила: умиленные газетчики расстарались — чем не рекламный козырь в пору подписной кампании, да и профессия сопредельная по древнейшестьи, не так ли? А нынешней Вере Павловне (см. «Что делать?» Чернышевского) в пору не швейные мастерские организовывать, а публичные дома, добросердечные труженицы коих будут благосклонно отстегивать злые суммы в пользу совдеповских попрошаек.

Тем более, что подрастают все новые их поколения. В другой газете опубликовали как-то письмо девочки Насти: захотелось ей куколку Барби — и обратилась она к супруге бывшего советского президента с таковою просьбой. Высокопоставленная супруга куколки, видать, не сыскала, зато умиленные зарубежные доброхоты расщедрились: прислали аж четыре штуки Барбей. Играй, деточка, умилилась газета. Опрометчиво умилилась — потому что редакцию тут же начала бомбить письмами детвора со всей страны. И мне — Барби. А мне — две! А мне — туфли! А мне — печенья! А мне — компьютер! С колоссальнейшим аппетитом раскатали пухлые губки юные халаящи-

ки бывшей Страны Советов. Появись Буратино со своими золотыми за щекой в нашнем детском садике — обдерут как липку, а самого загонят — как дрова.

Господи, не страна, а какая-то прореха на человечестве, напоминающая по форме жадно распахнутый рот: дай-дай-дай! И из птенцов убогого государственнораспределительного гнезда вырастают орлы халаявы.

Попрошайки-соотечественники, цена вам ныне определена: один ваучер. А может быть, эти сиреневые бумажки — повестки, извещающие о том, что подачек больше не будет? С трудом, однако, верится, господа побирушки. Ведь стыд вам глаза не выест — давненько уже придумали в качестве моральной отмазки эту успокоительную поговорку.

И напрасно вы думаете, будто хамство — это обматерить кого-нибудь либо по морде заделать. Увы, не только. Протягивать просительно сложенную ковшиком здоровую руку — это тоже хамство. С наивными, невинными глазами.

Куда несешься так шибко, птица-тройка? Да все туда же — за халаявой.

БЕЗОПАСНОСТЬ РАЙОННОГО МАСШТАБА

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Уважаемая редакция!

В опубликованной в № 49 вашего журнала за 1992 год статье Татьяны Цыбы «МВД районного масштаба» содержится ряд утверждений, не соответствующих действительности.

В статье говорится, что работники Службы общественной безопасности «ходят... с председателем Совета народных депутатов Красновым, охраняют его от до тошного населения». Далее автор статьи утверждает, что эти работники «ушли в подполье», а «руководитель этой службы А.Прихудаилов накануне был уволен за пьянство».

На самом деле, в соответствии с Положением о Службе общественной безопасности Краснопресненского райсовета, утвержденным 02.10.91 по согласованию с районным Управлением внутренних дел, задачей Службы является обеспечение безопасности населения и конституционного порядка, а также проведение общих охраняемых мероприятий и разъяснительная работа среди населения в целях обеспечения общественной безопасности. Служба общественной безопасности, в основном, осуществляет охранную деятельность по договорам с предприятиями и организациями, а также патрулирование территории района, причем за оказанную помощь в пресечении преступлений и правонарушений Служба имеет множество благодарностей от руководства 11 о/м гор. Москвы.

Никогда Служба общественной безопасности не препятствовала встречам или иным контактам предсе-

дателя райсовета А.В.Краснова с, как выражается Т.Цыба, «дотошным населением».

Служба общественной безопасности «в подполье» не уходила, а продолжает существовать и выполнять поставленные перед ней задачи, так как распоряжение «префекта Центрального округа» А.И.Музыкантского о ее роспуске от 23.11.92 № 830р решением Малого совета Краснопресненского райсовета от 29.11.92 № 9 было приостановлено как принятое в нарушение действующего законодательства. Служба продолжает существовать и выполнять свои задачи, а руководителем ее, как и ранее, является А.Н.Прихудаилов, которого никто «за пьянство» не увольнял, да и основания к этому отсутствуют.

При Краснопресненском райсовете существует экологический центр, осуществляющий контроль за экологической обстановкой в районе. Штатная численность центра составляет 6 чел., никакой форменной одежды у его работников, естественно, нет, и никакого отношения к Службе общественной безопасности они не имеют, поэтому утверждение Т.Цыбы о якобы существующей в районе экологической службе с форменной одеждой также не соответствует действительности.

В соответствии со ст. 46 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» прошу опубликовать настоящее письмо как ответ на статью «МВД районного масштаба».

*С уважением,
Председатель Совета*

А.В.Краснов

ОТ РЕДАКЦИИ:

Ответ, или, если угодно, опровержение, присланное председателем Краснопресненского райсовета А.Красновым на публикацию «Столицы», наводит на грустные размышления. Во-первых, на тему: стоит ли верить своим ушам? Дело в том, что сведения, опровергаемые А.Красновым, не вымышлены автором заметки во время бессонницы, а услышаны из уст самого А.Краснова. Лично.

После того, как распоряжением префекта Центрального округа А.Музыкантского «краснопресненская» служба безопасности была распущена, а ее помещения опечатаны с помощью ОМОНа, А.Краснов собрал пресс-конференцию. Присутствующим было сообщено, что распоряжение префекта незаконно, Малый совет Краснопресненского райсовета думает иначе, посему все останется, как Мы повелеть изволили. Корреспонденту же «Столицы» А.Краснов — то ли в знак

особого доверия к журналу, то ли от желания хоть кому-то поведать о наболевшем — сообщил приватно, что руководитель службы безопасности А.Прихудаилов накануне «разгона» был уволен за пьянство, одно из помещений отдано товариществу с ограниченной ответственностью, а служба, возможно, возродится в иной форме, например как экологическая. Теперь выясняется, что слово А.Краснова, — вопреки народной мудрости — воробей и ловится в кулак, едва успев выпорхнуть. Что делать: мы вынуждены принести председателю Краснопресненского райсовета свои извинения за излишнюю доверчивость. Впредь обещаем таковой не проявлять.

Обращает на себя внимание откровенная несуразность отношений, сложившихся между властными структурами. Префект Центрального округа отменяет решение райсовета как незаконное —

а райсовет, как ни в чем не бывало, отменяет решение префекта как незаконное же. Кто, наконец, кому подчиняется в г.Москве и подчиняется ли вообще хоть кто-нибудь кому-нибудь?

Еще одна тема для размышлений. Краснопресненский райсовет, его Малый совет и лично А.Краснов желают повысить уровень безопасности в районе, усилить борьбу с правонарушениями — отлично. И средства для этого находятся, и помещения. И люди. Великолепно. Отчего бы все эти ресурсы (которыми, насколько мы знаем, милиция не весьма богата) не отдать самой милиции? Надо думать, события развивались так: А.Краснов позвонил начальнику РУВД и сказал: вот, у нас тут есть ресурсы — вам не нужны ли? Тот отвечает — нет, спасибо, не надо, у нас всего навальом. И у А.Краснова не остается иного выхода для благих устремлений, кроме как создать (конеч-

но же, «по согласованию с районным Управлением внутренних дел») службу, выполняющую, по сути, те же функции, за которые милиция получает зарплату, «причем за оказанную помощь в пресечении преступлений и правонарушений Служба имеет множество благодарностей от руководства 11 о/м гор. Москвы». (Кстати: почему только от одного? Насколько мы понимаем, их в районе несколько — что же остальные?)

И, наконец, позволим себе высказать предположение, что руководство как 11 о/м, так и окружного УВД были бы не менее благодарны районной власти, если бы она не создавала параллельные структуры, а помогла имеющимся средствами самой милиции. Но районная власть, видимо, на милицию не очень рассчитывает — почему? Интересно было бы узнать мнение заинтересованных инстанций по этому последнему вопросу.

ЧАСТНЫЙ ТОТАЛИТАРИЗМ

Кто сказал, что тоталитарное сознание несовместимо с правами частного лица? Вот издательство «Палей»... Да-да, то самое, которое специализируется на стихах и биографиях обитателей «Матросской тишины», то самое, которое газета «День» объявила своей сестрой. Так вот, эта самая «Палей» объявила о своем намерении бороться за нравственность. Разумеется, не за собственную — за нашу с вами. Она предупредила радиостанцию «Свобода», что, если в ее («Свободы») передачах будут и дальше звучать нецензурные выражения, «Палей»... возобновит глушение этой радиостанции, неосмотрительно прекращенное государством несколько лет тому назад. «Палей» сделает это с помощью собственных глушительных установок — так сказать, в порядке благотворительности. Как поется в известной песне, «сами набьем мы патроны, к ружьям привинтим штыки...».

Вообще-то мы привыкли. И к тому, что всегда

есть кто-то, кому больше нас есть дело до нашей нравственности, причем охраняет он ее в принудительном порядке — как рэкетеры имущество предпринимателя. И к тому, что конторы, именуемые себя «издательствами», собственно издательской деятельностью занимаются разве что в недолгих паузах между митингами и биржевыми сделками. И даже про частное судопроизводство с частным палачом мы, помнится, читали — у Фридриха Дюрренматта. Но одно дело — гротескная пьеса, а другое — наша с вами реальная жизнь. Как бы нам через некоторое время не довелось узнать, что некая столь же патриотически настроенная команда, взяв в аренду московскую кольцевую автодорогу, поставила вдоль нее столбы с колючей проволокой и объявила столицу России своим частным концлагерем.

Впрочем, верить в осуществимость подобных проектов можно только при полной атрофии чувства юмора. Что такое радиостанция «Свобода»

— и что такое издательство «Палей»? «Ай, Моська! знать она сильна...» Ну да, можно, пользуясь старыми связями в Главном политуправлении, приватизировать одну из списанных, но, говорят, еще не демонтированных глушилок, можно с ее помощью учинить какое-нибудь радиохулиганство, но невозможно «частным образом» выиграть холодную войну. И, скорее всего, это понимают и сами авторы затеи, преследующей на самом деле куда более скромные цели. Одна из них — та же, что и у синицы, которая моря не зажгла, но славы себе наделала. Нынче, когда российский обыватель все реже вспоминает о некоторых политиках, те идут и не на такие трюки, чтобы не дать ему забыть о себе. А другая цель — разведка боем, выяснение того, до каких пределов простирается благодушие властей.

Вот этот последний вопрос и представляется мне наиболее интересным. В самом деле, что еще нужно учудить, чтобы власть вспомнила о том, что она власть? Или мы уже достигли социального идеала анархистов и никакой общей для всех власти у нас нет? Хочешь — подчиняешься президенту, хочешь — парламенту, хочешь — съезду народных депутатов СССР или «императору» Алексею Брумелю, а если тебе все они не по нраву — объявляешь полную независимость в границах собственного пиджака...

Но анархисты, проповедуя свой идеал, неустанно подчеркивают: свобода человека не должна ущемлять свободу другого человека. В случае же с «Палеей» и ее обнадеживающими планами мы сталкиваемся именно с преднамеренным и демонстративным посягательством группы лиц на права и свободы остальных граждан. И неважно, насколько это покушение в действитель-

ности опасно — оно прежде всего непереносимо оскорбительно. А посему меня, гражданина этой страны, очень интересует, помнят ли государственные структуры, что само их существование оправданно лишь постольку, поскольку необходимо для осуществления гражданами их прав.

Может быть, наша непрерывно укрепляемая исполнительная власть — ну, не президент, конечно, но хотя бы городской прокурор или просто участковый — напомнит нашим «государственникам» о действующих законах государства? Может быть, и господа депутаты ненадолго отвлекутся от захватывающей игры в «тришкину конституцию» и хотя бы в их любимой и ни к чему не обязывающей форме резолюции выразят свое отношение к самозванным блюстителям национальной нравственности? Может, и уважаемый Конституционный суд осознает, что нарушать Конституцию может не только президент?

Я понимаю, что нынешние российские правители, над которыми тяготеют грехи и советской власти, и Российской империи, очень бояться показаться кому-то нетерпимыми и недемократичными. Я понимаю, что все их внимание поглощено борьбой друг с другом, и если одна ветвь власти в кои-то веки решается занять четкую позицию по отношению к профессиональным провокаторам, как это было в июне во время осады «Останкино», — другая тут же встает на защиту этих самых провокаторов. Я только не понимаю, что делать нам, российским гражданам, которых беспредельная терпимость властей отдает во власть политическим хулиганам?

Может быть, нам следует разобрататься с ними самим — тоже частным образом?

Борис ЖУКОВ

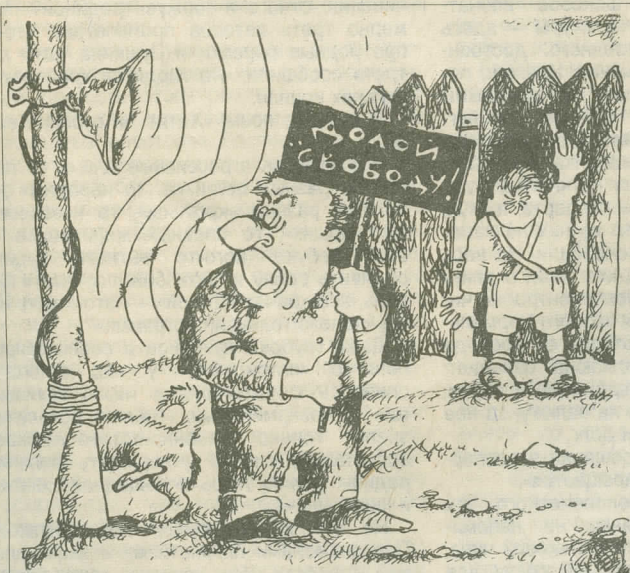

Рис. О. Разиной

Валерий КИЧИН

ФИРМА ВЕНИКОВ НЕ ВЯЖЕТ

Печальной осенью 1992 года в магазине на бывшей Колхозной, ныне снова Сухаревской площади в витрине сиротливо скучал веник. Чтобы никто не перепутал, под ним так и было обозначено: «Веник. По итальянской технологии. Цена 85 руб.».

Если кто-нибудь подумает, что вот уж и веники разучились вязать на Руси, тот будет не прав. Этот конкретный веник связан пусть каким-то хитрым квадратно-гнездовым, но вполне доступным по разуму способом. И я не уверен, что счастливая идея осенила конструктора во время творческой командировки в Италию, где он и подсмотрел совершенно уникальный, сугубо итальянский метод на фирменном заводе «Веник ди Милано». И еще менее уверен, что московской индустрией была закуплена в Италии лицензия, с полным пакетом «ноу-хау», на производство именно такого веника из импортных материалов.

Скорее всего, перед нами типичный для нравов развитого СНГ рекламный трюк, позволяющий многократно завязать цену на предмет первой необходимости. Эманация психологического состояния общества, которое категорически не верит в собственные возможности и признает только иностранное. Хотя и вечно кричит о своей гениальности и «особенности».

Состояние, конечно, привычное. Нелюбовь к «немцу» от века сочеталась у нас с комплексом неполноценности перед лицом цивилизованной Европы; вся русская литература полна таких трагикомических ноток, один лесковский Левша чего стоит: подкова импортную блоху, чудо свершил, «немца» перецеголял, знай наших! — вот только блоха после этой операции пере-

стала прыгать.

Тем не менее подкованная, на зависть недругам, блоха надолго стала нашей национальной гордостью.

С другой стороны... Знаете, каким плакатом встречает наша родина и немцев, и французов, и всяких прочих шведов в приветливом аэропорту Шереметьево? Первое, что видят гости, — табличка на нескольких языках: «Запрещается предлагать сотрудникам паспортного контроля валюту».

Это, повторяю, первое и, думаю, самое незабываемое, самое шоковое впечатление в стране великой культуры — здесь забыли чувство собственного достоинства. Или его кто-то отменил. Или оно погибло в постигшем страну историческом катаклизме. Но его нет больше, ибо пограничники, славные ребята в зеленых фуражках, сидят в своих кабинках как ни в чем не бывало, нажимают на кнопки, вглядываются в иностранные паспорта, иногда даже улыбаются. И никто из них не замечает, что их публично оскорбили. На весь мир. Потому что каждый, кто стоит в длинной очереди к паспортному контролю, читает эту диковинную для любого нормального человека фразу, которая в переводе с бюрократического воляпюка означает: вы приехали в страну мздоимцев и воров, которые особенно падки на валюту, за нее забудут про честь свою и долг.

И еще вспоминается дощечка в зоопарке: «Кормить зверей воспрещается».

А больше ничего человеческого эта шереметьевская диковинка не напоминает. И хочется спросить у некоего чина, придумавшего оскорбительный сразу для целой страны плакат: не стыдно?

И у наших национал-патриотов тоже

спросить хочется: вот вы волнуетесь по поводу какого-нибудь Макдоналдса на Тверской, это чистое и вкусно пахнущее заведение вас оскорбляет одним своим существованием — что же здесь-то молчите? Почему там, где достоинство страны и нации действительно поругано — нищетою, повсеместной грязью или глупостью, — вот именно там молчат наши патриоты? Настоящего оскорбления, унижения и обиды — не чувствуют. За честь державы не сражаются?

В России слов о «гордости великороссов» говорилось всегда немало. Но тема эта теперь зашла в тупик: любой разговор о патриотизме стал подозрителен, такой стойкий коричневый тон сумели у нас прирешать к чистейшим, в основе, краскам. В этом смысле никто так успешно не работает против идей национальной гордости и патриотизма, как наши патриоты, — слушаешь их и поневоле призадумываешься: чем тут гордиться? Вот этими перекошенными от злобы лицами, что можно увидеть на митингах возле Останкино? Газетами, источающими ненависть и прославляющими то черную сотню, то ГКЧП, то фашизм, то Гитлера? Невежеством, объединяющим вокруг себя толпы обманутых и натравленных? Политиками, вожделяющими большой крови — во имя, естественно, «народного счастья»?

Или народом, позволившим своей стране стать жандармом для соседей и пугалом для целой планеты? Или вечными теориями о том, что без страха не будет великой России, что лишь из-под палки умеет работать русский человек и что пока не придет новый Сталин и не понастроит лагерей — не возродится Русь?

Руками, которые разучились выпекать самый вкусный в мире хлеб и теперь создают худшие в мире машины, платья и типографские краски? Семейной атмосферой в стране, где человек человеку хам, где вместо ремесел процветают воровство и беспредел, а искусства ищут спасения за границей?

Недавно в одной из московских школ десятиклассникам задали тему для сочинения: отчего я горжусь родиной? Примерно треть авторов пролепетала что-то про родные березки и Пушкина, зато две трети сообщили, что гордятся храбростью русских воинов.

И мы еще поем: «Хотят ли русские войны?»!

Послушаешь агрессивные кличи то патриотов разных оттенков, то народных депутатов разных «крыльев», то невзоровских «наших», то славных жириновцев — все требуют кого-то выгнать, судить, объявить войну и дать бой, сослать в Сибирь, все кричат «Долой!» — это и есть наша «положительная программа»?

Даже глубоко духовное в своей основе понятие «патриотизм» у нас отчего-то слиплось с категориями чисто «силовыми» и казарменными; целые поколения знали только «военно-патриотическое» воспитание, словно утверждать величие родины можно лишь в нещадной схватке, и никак иначе.

Но это криминальный тип мышления. Под знаменами патриотизма и национальной гордости нас зовут к гражданской войне.

Под этими знаменами уже теперь разру-

шаются Тбилиси и Сухуми, эти красивые, зеленые, райские города. Под этими лозунгами гонят с обжитых мест «русскоязычных» в некогда гостеприимном Узбекистане и умной, спокойной Прибалтике. Такой патриотизм, такая национальная идея дарят человечеству лишь слезы, смерть и разруху.

Расстрелять, сгноить, разрушить, саблями порубать — конечно, легче легкого. Между тем если думать все-таки не о войне, а о мире, то национальную идею можно утверждать только в созидании. Национальная идея не может стоять на травле правительства, недоверии к мировому капитализму или ненависти к «инородцам» (прибалтам, русским, евреям, «лицам кавказской национальности»...). Негодной правительственной программе надо противопоставить годную. Но — столь же конкретную и ясную.

Ибо национальная гордость — чувство позитивное. Идея вообще заслуживает этого имени, если она — конструктивна. Именно такая позитивная и конкретная национальная идея вынесла японцев в ряды лидеров мировой науки и техники; они сотворили свое экономическое чудо и горды тем, что стали первой электронной державой в мире. Французы горды Бальзаком, Лувром, духами и виноградниками; швейцарцы — сырами и нейтралитетом, американцы — автомобилями, хайвеями, самыми высокими зданиями и самой демократической конституцией.

У советских по-прежнему собственная гордость: мы горды тем, что умеем бить морду.

Хотя гордиться можно лишь построенным. Придуманым, изобретенным, нажитым, сотворенным, обогатившим страну и мир. Чувство реального патриотизма воодушевляется не самой многочисленной в мире армией оторванных от реального дела людей, не вечной нашей готовностью давать отпор и видеть в соседе врага. Оно одухотворено Василием Блаженным, Кремлем, Третьяковкой, «Евгением Онегиным», «Ленинградской симфонией», ракетой Циолковского, первым спутником, гением Сахарова, первоклассной нейрохирургией...

«Сила есть — ума не надо», гласит русская поговорка. Думаю, именно в обманчивой легкости этого рецепта — одна из разгадок: как еще классики отмечали, на громадных просторах России лень и сонливость слишком часто правила своей лунатический бал, порождая самые химерические видения. Зато уж если богатырь пробудится... Вот этим сейчас и заняты «опозиционеры» всех мастей и оттенков: пробудись, мол, Россия, восстань от сна! Пока нет внятного ответа. Но если будет — что ж, возымеется тогда страна за ту самую «дубинушку», которую пытаются ей навязать в качестве едва ли не национального символа, и станет молотить всех и все, что под руку подвернется? Без разбора и смысла, пока не очнется в ужасе, осознав вдруг, что опять светлого будущего не построила, а только порушила остатки того, чем гордилась. Мы опасно близки сейчас к этому пределу.

Чего добивался Гайдар, мы по крайней мере знали. Он это пытался теоретически объяснить. Обосновать. Убедить, правда, так и не сумел, проиграл. Хорошо, го-

тов поверить сердитой, рвущейся к микрофонам, оппозиции: никуда не годятся его планы. Всем сердцем разделяю горе обездоленных старушек, бедствующих ученых и артистов, пустующей деревни... Но единственное, чего жаждет услышать избиратель, если не потерял еще веру в своих избранных, — это конкретные слова о конкретном деле.

Потому что конечная задача здравомыслящего человека — не премьера скинуть, а изменить ситуацию.

Но у нас вся энергия уходит на то, чтобы — скинуть. Дальше традиционный туман. Нужны реформы, но не за счет народа — сказал нам новый премьер. Отлично, думаешь, прекрасная мысль. Но за чей-то счет их проводить надо? Надо — отвечают нам, невозможно больше без реформ. Так за чей же тогда? — спросишь.

И не получишь ответа.

Потому что ответа у оппозиции, как правило, нет. Ведь и оппозиция кормится не за чей-то там счет, а — все тот же, народный. И если что сделать планирует — опять-таки не за дядюшкин, а за народный, родимый. Только в отличие от Гайдара лукавит, финтит и делает вид, будто можно что-то в государстве переустроить, не затратив на это ни сил, ни ума, ни копейки.

Гайдар пришел и сразу сказал, что он намерен сделать, — насколько помню, первым в нашей советской истории. Обычно никто не говорил о трудностях, и тем более не говорил, как их преодолеть. Нам сообщали, что нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме. Вот здорово! — ликовала страна и принималась ждать обещанного коммунизма. Потом нам обещали выдать каждому отдельную квартиру к такому-то году. Раз обещают — значит, так и будет — думала страна и еще вдохновенной трудилась на великих стройках благосостояния для слуг народа всех уровней.

И с честью завершала эти стройки. Эпоха оставила множество таких исторических памятников — правительственных курортов, партийных особняков и генеральских дач — один краше другого.

Правда, квартир для каждого — так и не оставила. Наверное, помешало, как всегда, враждебное окружение.

Гайдар ничего такого не обещал. Он не волновал вечно возбужденное романтическое воображение большевиков пламенными словами. Он был конкретен, деловит, прагматичен. И был изгнан.

Оппозиция же была романтична, как горьковский Данко, пламенна, как Жанна д'Умалатова, неконкретна, как постановление ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении». И она победила.

Помню, как настойчиво добивалась телевизионная репортерша в своем летучем (в самолете) интервью с новым премьером, что же теперь намерено предпринять руководство страны. Не добилась. Это на прагматичном Западе соревнуются не премьеры да президенты, а программы и идеи, пусть хотя бы декларированные, но — обнародованные, предложенные на общественный суд. У нас же давняя традиция: сначала придем к власти, а потом уж будем думать, как народ облагодетельствовать.

Реформы, обещают, продолжатся. Только маршрут опять тонет в чащобе — но

что за беда! Кому нужно, поди, знают.

Нет, не любят у нас говорить о деловых программах. Все больше об «основных направлениях»... Хотя как раз основные направления ясны и без всяких депутатов — дело это божье, кому в рай, а кому в преисподнюю, не на земле, так на небе.

Но конкретный расчет да ползучий прагматизм, если верить авторам «духовной оппозиции», глубоко чужд духу народа. Они все больше не о хлебе или, не дай Бог, колбасе, они — по части национального самосознания. Вот и бросает наше больное общество, как в лихорадке, из жара в холодный пот, от пламенного лозунга — к плакатику в Шереметьево, из мани величия — в синдром самоуничтожения.

То «весь мир насилья мы разрушим» — то пресловутый «венник по итальянской технологии».

То «читайте, завидуйте... я другой такой страны не знаю...» — то «англоязычные» полуграмотные вывески, нахально сияющий неон «Slava Zaitsev» на проспекте Мира и Тверская, куда русскоязычному да безвалютному и ходить бесполезно.

«Духовная оппозиция» по этому поводу неустанно (и провокационно) твердит об «оккупации». Хотя перед нами просто очередная глупость и лизоблюдство, наш родимый комплекс неполноценности в действии.

Комплекс опасный. От него рождается раздражение, потом озлобленность, потом неизбежная агрессия.

Но лечиться от него новыми лошадиными дозами ультрапатриотических воплей бессмысленно — не поможет. Лечиться можно только — делом. Работой. Реальной. Осмысленной. Чтобы знал человек, что и во имя чего он делает. Чтобы мог порадоваться красоте и целесообразности сотворенного. Чтобы вернулось чувство мастера.

И с ним — спокойное и мудрое, некрикливое чувство собственного достоинства.

Но — мастера, а не «воина». Хватит уже, повоевали. И довоевались.

Наша «постперестройка» заполнила прилавки импортными товарами — дорогами по цене и однообразными по ассортименту. Головы заполнила разнообразным мусором — идеологическим, псевдонаучным, квазикультурным. Души — тревогой, отчаянием и чувством нового унижения.

Так что тема «национальной гордости великороссов» снова становится главной. Без этой гордости страна — это ясно — не выживет. В лучшем случае станет Богом забытой провинцией, где уж и венника без иностранной помощи не свяжут. В худшем — кончат жизнь братоубийством.

Но гордость эту и чувство достоинства вернут отнюдь не патриотические крики, митинги да газетки с крестом-свастикой. Вернуть к себе уважение — и в первую очередь самоуважение — можно опять-таки только делом. Не «партийным» и даже не «патриотическим». Просто — делом.

Мы тут с места не сдвинемся, пока этап всеобщего крика и рвачества не сменится эпохой бурного и амбициозного развития собственных ремесел. Чтобы великая страна смогла с гордостью сказать миру: да, наша фирма веников не вяжет. Она делает лучшие в мире компьютеры.

оппозиции не вообще, а лишь к тем действиям президента, которые, с нашей точки зрения, не будут соответствовать курсу реформ. Так что если говорить об оппозициях в нашем парламенте, то все это... пустые слова. Если бы у нас были настоящие выборы — по партийным спискам, — то можно было бы говорить о какой-то партии, которая набрала большинство на выборах и посему является правящей, а другие, не набравшие голосов, естественно, были бы к ней в оппозиции. А у нас... Если есть депутаты, находящиеся в двух, а то и трех фракциях сразу, — разве это серьезно? Они голосуют в зависимости от того, кто является сегодня их соседом по столу...

о всеобщей ваучеризации... Далее, мы очень удовлетворены тем, что на место Махарадзе сел Яров, а на место Авена — Сергей Глазьев. Мы сразу сказали, что Авен работать не может... То же самое видно и по Козыреву, который не котируется и в самом МИДе. А недавняя его выходка в Стокгольме?! Он же бедного Игльбергера чуть до инфаркта не довел...

В наступившем году наша фракция намерена переключиться на предстоящую избирательную кампанию. По выборам нового депутатского корпуса. Ведь VII съезд, проголосовав за согласительное постановление «О стабилизации конституционного строя Российской Федерации», на наш взгляд, тем самым резко приблизился к перевыборам депутатов. Мы будем работать над организацией движения «Смена — Новая политика», чтобы выйти за рамки парламента. С перспективой создания политической партии. А в парламенте будем продолжать работать над законами: мы же единственная фракция в Верховном Совете, которая профессионально — с привлечением экспертов — регулярно занимается законодательством; около 40 процентов всех законопроектов проходит через фракцию.

МИХАИЛ АСТАФЬЕВ (сопредседатель оппозиционного блока «Российское единство»):

— К кому мы в оппозиции? Мы с самого начала были в оппозиции к президенту. И не надо лукавить: нас вовсе не большинство, как уверяют «демократы». Мы никогда не считали себя в оппозиции персонально к Гайдару. Просто Гайдар воплощал некий курс, к которому (а не к конкретной личности) мы и были в оппозиции. Вот сейчас Гайдар пропал, а курс правительства тот же: ключевые люди-то остались — и Чубайс, и Козырев... Это лишний раз доказывает, что причина была не в Гайдаре, а в Ельцине. Пока Ельцин имеет контроль над правительством, проблема не решена.

И какую бы там оппозиционность «ДемРоссия» ни изображала, все это имитация: в любой критический момент они будут поддерживать президента, его курс, это ясно. Если бы Ельцин сдал дела кому-то другому и... оставался бы на своем посту формально, мы ничего против не имели бы. А он к себе тянет всю власть и ведет нас туда, куда мы не хотим. Поэтому мы считаем, что его надо этой власти лишиться.

Что мы планируем в 1993-м? В каждом конкретном случае будем отстаивать интересы страны, как мы их понимаем. Мы же не «Гражданский союз», которому надо было спихнуть одних, чтобы сесть затем в их кресла... У нас нет особых требований, кого назначать или не назначать министром. Кто поменяет курс, того мы и будем поддерживать. Будем, например, бороться против введения президентской республики, бороться за истинную свободу слова на ТВ — чтобы там в равной степени были представлены все точки зрения, в том числе и наша. А не как сейчас — раз в месяц...

Григорий КРОШИН

ОППОЗИЦИЯ — СЕБЕ?..

Все смешалось в доме Белом... Правые стали левыми, левые — красными, красные — коричневыми, коричневые — правыми крайними, последние — первыми, консерваторы — реформаторами. Полная каша в лозунгах, жуткая давка у микрофонов перед телекамерами, настоящая куча-мала, со всамделишным мордобитием, перед столом президиума. Все это называется — «политборьба по-российски». Прошлый съезд, слава Богу, кончился раньше, чем прошлый год. Который тоже канул вроде бы без особых эксцессов: хотя и с новым премьером, но со старым кабинетом. А что с «политборьбой» в парламенте? Какова расстановка сил? Кто справа, кто слева, и главный ребус: кто, собственно, к кому в оппозиции? Неужели, как и в ушедшем году, большинство — к меньшинству? Или будем, наконец, как и во всем мире — наоборот? И что ожидается в парламентской борьбе в 1993-м? На эту кучу-малу вопросов отвечают и «слева», и «справа», и из «центра» вожаки основных парламентских течений:

СЕРГЕЙ ЮШЕНКОВ (координатор фракции «Радикальные демократы», один из лидеров парламентской Коалиции реформ):

— Не секрет, что мы являемся меньшинством в парламенте и находимся в оппозиции к правящему большинству и непосредственно — к председателю ВС РФ Руслану Хасбулатову. Что касается нашего отношения к президенту и правительству, то, если помните, мы ведь высказывали им условную поддержку: одни шаги мы одобряли, другие — нет. В частности, мы очень резко выступили против шага президента на VII съезде — выдвижения Черномырдина (Ельцин, мы убеждены, мог и должен был выставить кандидатуру Гайдара). И на недавнем съезде «ДемРоссии» мы решили быть в

Наша Коалиция реформ, находясь в меньшинстве, является оппозицией большинству. А та «оппозиция», которая так себя официально называет... По отношению к кому она оппозиция, если она сама — большинство? К самой себе, что ли? А фракция «Смена — Новая политика», «Гражданский союз» — это тоже никакой не «центр», как они себя называют. Это просто группа людей, которые пытаются использовать противоречия между двумя основными нашими блоками — Коалицией реформ и «Российским единством». В зависимости от того, что им сейчас выгодно, они поддерживают голосованием либо нас, либо «Рос. единство»...

Что собираемся делать в 1993 году? Известна дата, к которой мы будем усиленно готовиться, — 11 апреля, референдум по Конституции. Вопрос будет стоять так: парламентская у нас должна быть республика или президентская? Но ведь парламентская — это, по-нашему, означает — советская... Мы же — за нормальное правовое государство, президентскую республику с цивилизованным механизмом противовесов. А в парламенте мы — как меньшинство — будем добиваться, чтобы те или иные законы, противоречащие курсу реформ, не прошли...

ОЛЕГ ПЛОТНИКОВ (координатор фракции «Смена — Новая политика», входящей в блок «Гражданский союз»):

— У нас сейчас спокойное отношение к тому, что происходит в парламенте. Что касается правительства, то я даже не знаю, находимся ли мы к нему в оппозиции или нет. Мы по-прежнему в оппозиции к отдельным министрам. Причем разные люди нашей фракции назовут вам разные фамилии таких министров... Я, например, назову прежде всего Чубайса, который, по моему, не способен вести приватизацию. Его идеология — это идеология «тарского нашествия». Я имею в виду указ

Максим СОКОЛОВ

TIMEO ROMAIOS ET DONA FERENTES*

Но всплеск любви к судейским вряд ли был бы столь силен, если бы он не укладывался в устойчивую (хотя, к счастью, вроде бы затихающую) традицию поисков кумира. Сперва любили власть представительную — «вся власть Советам!», «прогрессивный российский парламент», «Белый дом» — как белый корабль, плывущий в царство свободы», и т.д., — чтобы несколько погодя, насмотревшись на VI—VII депутатские съезды, вызывающие в памяти «Капричос» Франсиско Гойи, повторить вслед за мрачным испанцем: «Сон разума рождает чудовищ». Любили и власть исполнительную — «и теперь тебя, я знаю, не сломить, не запугать, президентом всей России мы поможем тебе стать», «первый всенародный президент», «Ель-цин! Ель-цин!», — чтобы, хотя и не сочтя президентско-министерскую компанию достойной кисти Гойи, с унынием убедиться в том, что президент «не может обещать нации ничего, кроме крови, пота и слез». Не то чтобы данное Черчиллем в 1940 году обещание всеми было сочтено вовсе не уместным в применении к нынешним российским обстоятельствам, но естественно, что, даже если кто и согласится с горькой правдой, звучащей в словах бывшего первого лорда Адмиралтейства (соответственно бывшего первого секретаря Свердловского обкома КПСС), желания скакать козлом от радости такая правда вызвать не может. Тем более удачно в качестве повода для скачков подвернулась власть судебная.

Публику влекла к проф. В.Д.Зорькину приятная на фоне двух прочих истасканных ветвей непочатая свежесть судебной власти, и она обратилась к Валерию Дмитриевичу с пожеланием:

*...Если ты небес избранник,
Свой дар, божественный посланник,
Во благо нам употребляй:
Сердца собратьев исправляй.*

**Судя по газетам,
«зорькинский арбитраж»
на VII съезде народных
депутатов вроде бы
несколько поднял
традиционно низкий в
России авторитет
судейских. Впервые в
стране, где, по
свидетельству В.И.Даля,
не было сложено ни
одной пословицы в
похвалу судам, общество
начало хоть и не
пословицы слагать, но по
крайности восхвалять
видного представителя
судейского сословия
проф. В.Д.Зорькина за то,
что тот применил ко всем
надоевшим
исполнительной и
законодательной власти
мудрый принцип
капитанши Василисы
Егоровны Мироновой —
«разбери, кто прав, кто
виноват. Да обоих и
накажи».**

*Гнездятся клубом в нас пороки.
Ты можешь, ближнего любя,
Давать нам смелые уроки,
А мы слушаем тебя.*

В отличие от пушкинского Поэта председатель Конституционного суда (КС) отнюдь не шуганул общественность ни латинским ругательством *procul este, profani**, ни более удобопонятным:

*Подите прочь — какое дело
Поэту мирному до вас!
В разврате каменейте смело,
Не оживит вас лиры глас!*

— а вместо того стал с видимым удовольствием раздавать интервью, выступать практикующим и отставным (вроде М.С.Горбачева) политикам нравственные оценки, грозился предьявить нынешним властям счет за обнищание народа (чрезвычайно конституционный сюжет) и в роли арбитра нации стал чувствовать себя как рыба в воде, благо роль Отца и Учителя позволяла замять для ясности некоторые мелкие вопросы — например, когда же суд собирается рассмотреть подвиги Р.И.Хасбулатова на ниве юстиции и Конституции.

Конечно, к собственно функциям КС все это имело слабое отношение, но вместо того, чтобы как-то яснее определить роль собственной коллегии (закон о КС оказался весьма некачественным и содержит в себе множество пробелов и опасных юридических ловушек), проф. В.Д.Зорькин охотно начал обживать роль верховного арбитра, присущую либо монарху, либо авторитарному «отцу нации» (маршал Пилсудский, генералиссимус Франко), либо — в смягченном виде — президенту парламентской республики. Безотносительно к практической (возможно, высокой) полезности «зорькинского арбитража» суть компромисса сводилась не к выправлению вывихов исполнительной и законодательной

* Боюсь римлян, даже приносящих дары (искаж. Вергилий).

* Подите прочь, невежды (лат.).

власти, не к приведению к сколь-нибудь потребному виду деформированного властного треугольника, а к фактическому мораторию на деятельность двух поссорившихся ветвей власти и к возвышению становящейся над ними власти арбитра. О реальном балансе властей говорить стало совсем трудно, и суть арбитража свелась отнюдь не к установлению равновесия, но лишь к переводу конституционного кризиса из открытой в подавленную форму, причем сама процедура перевода слабо соотносилась с зафиксированными в законе функциями КС и для своего оправдания нуждалась в довольно хлипких юридических подпорках, сводящихся к традиционному в наших северных краях противопоставлению мертвящей буквы закона и животворящего духа целесообразности.

Даже приверженцы Зорькина соглашались с тем, что игра, начатая председателем КС, и сложна, и опасна — оттого, казалось бы, профессору подобало удешевить осторожность, поскольку любой ложный шаг способен разрушить воздвигаемую им сомнительную по своей легитимности и оттого непрочную компромиссную конструкцию. И в этой ситуации председателю КС решило оказать неопределимую помощь Римское движение.

Международная неправительственная организация Комитет «Национальное согласие», именуемая также «Римским движением», премировала В.Д.Зорькина 5000 ам. долл. «за гражданский поступок, совершенный им 9—10 декабря на Съезде народных депутатов России». Все бы хорошо, и 5000 ам.долл. в хозяйстве сгодятся, однако вопрос, не применимо ли к дару Римского движения мнительное суждение *timeo romaios et dona ferentes*, остается открытым.

Дабы объяснить, что склоняет к такой лаокооновщине, имеет смысл для начала обозреть процедуру присуждения другой славной премии ушедшего года — премии Букера, исчисляющейся 10 000 ф.ст. и имеющей целью поощрить деятелей русской словесности. На мой непросвещенный взгляд, главный пафос премии был в напоминании российским беллетристам, что их *belles-lettres* не вовсе забыты, что их любят, ценят и поощряют, и меценатский эффект премии вряд ли изменился бы от того, кого, какое жюри и на основе какой процедуры избрания поощрило бы, — все равно мероприятие по необходимости лотерейное, ибо на вкус на цвет товарища нет. В любом случае изголодавшиеся беллетристы дружно бы спели: *vivat nostra civitas, maese-*

*natum caritas, quae nos hic protegit!**

Тем не менее было приятно наблюдать, с какой серьезностью представители российской словесности обсуждали тончайшие детали букеровской процедуры, как бы показывая, что строгий британский юризм интересен им даже более, чем звонкие британские стерлинги. Случай же с дарами ромеев прямо противоположен, так сказать, чистый «анти-Букер». Букеровцы с редким педантизмом старались, чтобы жена Цезаря была вне подозрений, хотя можно было с уверенностью сказать, что даже в случае возникновения таковых ни от Цезаря, ни от жены не убудет, и уж во всяком случае отсутствие побочных политических эффектов было заведомо гарантировано. Антибукеровцы, напротив, по процедурным и этикетным тонкостям отнеслись чрезвычайно снисходительно, хотя в таком тонком деле, как национальное согласие, вероятность возникновения склизких ситуаций велика до чрезвычайности и никакой педантизм тут не мог показаться чрезмерным.

Склизкость же началась немедленно.

Премиальному институту, только начинающему свое существование, очень важно укрепиться в общественном мнении в образе справедливого ареопага, и тут всегда лучше пересолить, чем недосолить. Отсюда столько хлопот при адаптации премии Букера на русской почве, отсюда и неожиданное решение сугубо шведа Альфреда Нобеля поручить присуждение премии мира норвежцам (боровшимся в то время за отделение от Шведского королевства) — «жена Цезаря должна быть вне подозрений». Римское движение пошло другим путем, и ядро жюри составили деятели культуры (В.П.Астафьев, С.П.Залыгин, Н.М.Коржавин, В.Е.Максимов, Э.И.Неизвестный), известные тем, что два года назад они собрались в Риме и там пособачились не полностью (как обыкновенно бывает с русскими литераторами), а лишь частично. В жюри также вошли руководители обновленной в духе просвещенного патриотизма «Комсомольской правды», поощрившие в свое время литераторов на трудном пути согласия.

Нарушая великий завет не характеризовать «цех задорный людей, о коих не сужу, затем что к ним принадлежу», замечу, что взятые как класс журналисты и литераторы при таких

несомненных достоинствах, как-то: склонность к яркому и образному видению мира и умение припечатать этот мир метко сказанным русским словом, отличаются также и некоторыми родовыми слабостями — невоздержанностью на язык, лживостью, неискренностью, сварливостью, завистливостью, чрезмерной простотой в обращении. Богема, короче. Примение же нравов и обычаев, вполне терпимых в богемной среде, к тонким политическим сферам не представляется особо оправданным.

Изначальную оригинальность всей акции сообщили личности сопредседателей жюри, награждающего любовь к согласию.

Первый сопредседатель, В.Е.Максимов, в каком-то смысле личность совершенная. Известно, что эмигрантский быт вообще куда более располагает к склокам, чем жизнь в метрополии. Известно также, что русская эмиграция всегда устойчиво держала первое место по склочности среди всех других эмиграций. Наконец, известно, что В.Е.Максимов заслуженно снискал лавры первого склочника во всей русской эмиграции. Поэтому получение премии национального согласия из рук, так сказать, кубического склочника должно, вероятно, сильно поднять авторитет проф. Зорькина. Но дополнительную пикантность ситуации придает опубликованное в премиальном номере «Комсомолки» от 31 декабря программное интервью В.Е.Максимова. Сопредседатель сообщил: «...моя гражданская и профессиональная репутация от этой шушеры (оппонентов. — М.С.) уже не зависит... и я пользуюсь случаем, заверяю эту шпану, что позабочусь об этом, а возможностей для этого у меня более чем достаточно. Настоящая борьба за демократию только начинается, и я сделаю все, что в моих силах, хоть и небольших, чтобы избавить современную Россию от этой интеллектуальной и политической саранчи... жалкий визг всякого рода сявок... не вызывает у меня ничего, кроме брезгливости и презрения. Визжат они, сидя над бездной, куда их в ближайшее время столкнут крестьянские вилы».

Отчасти это и проясняет причины выдающейся репутации В.Е.Максимова: в русской эмиграции чего только не бывало, но публично изъясняться с оппонентами не просто грубо, а в манере пахана — это даже и по парижско-эмигрантским меркам не вполне *comme il faut*. Более того, как раз накануне, 30 декабря, Л.Г.Парфенов в своем очередном «Портрете на фоне» представил нам

* Да здравствует наш город, милость меценатов, которая нам здесь покровительствует! (из «Гаудеамус игитур»).

любимого всеми Е.П.Леонова и тем самым оживил в памяти незабвенные речевые обороты, как-то: «пасть порву», «моргала выколю», «рога пообломаю», отчего образ несомого В.Е.Максимовым национального согласия стал еще пластичнее, а В.Д.Зорькину, служившему прежде при Академии МВД, интервью номинатора, должно быть, приятно напомнило речевой этикет изучавшихся им в былые времена зон строгого и особого режима. Такой выдающейся совковой гиньольности сознательно вряд ли сумел бы достичь даже склонный к особому пасквильанству художник слова — злосчастный председатель КС оказывается в положении юной пионерки, которой почетную грамоту за прилежание в науках и примерное поведение прилюдно вручает регулярно совершающий ходки в зону и наклонный к дебошам гроза коммунальной квартиры дядя Володя.

На фоне В.Е.Максимова его товарищ по сопредседательству С.П.Залыгин, конечно, меркнет, хотя и его послужной список несколько странен. В 1990 году Сергей Павлович требовал от ВС СССР не принимать с великим трудом утрясенный Закон о печати (один из немногих актов, которым союзный парламент заслужил благодарность в потомстве), доколе президент СССР лично не обеспечит его журнал бумагой и типографскими мощностями в должном количестве. В сентябре 1991 года он же вместе с В.В.Аксюцием и И.В.Константиновым публично отстаивал территориальные претензии России к соседям и гневно клеймил бездумную и беспочвенную оппозиционность интеллигенции, не желающей безоговорочно поддерживать президента России (президента СССР — проехали) во всем, в том числе и в данном вопросе. Теперь Сергей Павлович (в мае 1989 года на I съезде народных депутатов СССР советовавший литовцам сидеть и не высываться, поскольку перестройка пришла к ним из Кремля) предписывает интеллигенции новый образец для поведения: «Наши первые интеллигенты — декабристы вышли против власти». Разумеется, все мы люди грешные: «Позвольте рекомендоваться: я петербургский либерал. Люблю в идейках завираться, но кто не врал? Но кто не врал?» — однако же нельзя ли было для дебютирующего премиального института выбрать фигуру менее сервильную и не столь изолгавшуюся.

Конечно, на худой конец можно возразить, что все не святые, кто-то подличал, кто-то хамил, с кем не бывает, а главное — нынешняя бестре-

Рис. О.Разиной

петная гражданско-согласительная позиция. Но даже в этом случае остается минимально необходимое требование хотя бы внешней нейтральности и беспристрастности и хотя бы в отношении конфликта между президентом и съездом, арбитражем которого занимался лауреат В.Д.Зорькин. Однако тот же любимец наш, В.Е.Максимов, выступая в декабре по ТВ, однозначно одобрил действия съезда, вознамерившегося менять государственный строй не в открытую, но тайно, причем объяснил, что точно так же обстоит дело и во французском Национальном собрании. Это уже чистый случай так называемого вранья: действительно, Франция дважды в этом веке капитально меняла конституционное устройство (гибель Третьей Республики в 1940 году и гибель Четвертой Республики в 1958-м), однако при неизмеримо более драматических обстоятельствах (приближающиеся германские танки в 1940-м, фактическое осадное положение в Париже в 1958-м) депутаты Национального собрания голосовали публично и поименно. Нехорошо облыгать парламентариев приютившей тебя страны.

Что же до исполнительной власти, согласитель характеризует ее таким образом: «Не износив еще большевистских башмаков, они спешат на демократическое торжище, разваливая, разрушая и затапывая все у себя на пути: экономику, государственность, культуру. Практически это власть мародеров». Разумеется, В.Е.Максимову, если убеждения его таковы, ничто не мешает вместе с парижским соседом Эдичкой Лимоновым записаться во Фронт национального спасения к Илюше Константинову — у нас плюрализм, но какова цена премии национального согласия, полученной из рук столь энергично настроенного человека, и какова цена арбитру, из таких рук эту премию получающему, — это уже думать самому председателю КС.

Этим, однако, зловредность казуса не исчерпывается. Более того, предосудительные человеческие качества некоторых членов жюри оказываются сущей мелочью на фоне куда более прискорбного обстоятельства: раздавать премии и тем самым поневоле вторгаться в деликатнейшие вопросы судоустройства и конституционного права пожелали не какие-нибудь невежественные сантехники, а литераторы, носители высшей духовности, то есть люди, от имени которых поэт и сложил бессмертные строки:

*По причинам органическим
Мы совсем не снабжены
Здравым смыслом юридическим,
Сим исчадьем сатаны.*

*Широки природы русские,
Нашей правды идеал
Не влезает в формы узкие
Юридических начал.*

Ибо в рамках этих «форм узких» казус, устроенный литераторами, порождает вопрос: председатель КС заслуживает премии за то, что, осуществляя «декабрьский арбитраж», он действовал в соответствии с законом или — скажем мягко — не совсем в соответствии?

Оба ответа оказываются хуже.

Если «зорькинский арбитраж» был проведен в строжайшем соответствии с Конституцией и законами, тогда мы сталкиваемся с интересным прецедентом: частные лица материально поощряют судейских за исправное несение ими своих обязанностей. Человеку, который, как государственники из римского жюри, не находит данную ситуацию совершенно дикой, по меньшей мере неуместно плакать о распаде государственности, ибо как раз при полном распаде такое поощрение и может иметь место.

Если встать на более распространенную точку зрения (разделяемую и рядом членов КС), согласно которой проф. Зорькин явно превысил свои полномочия (при этом часто добавляют, что превышение полномочий извинительно, ибо председатель КС действовал в состоянии крайней необходимости), то картина оказывается еще более интересной: высший хранитель законности материально поощряем за попрание закона из соображений целесообразности.

И в любом случае вроде бы замятый для ясности проклятый вопрос — «может ли верховный охранитель Конституции даже в случае крайней необходимости отступить от нее?» — вновь выходит на первый план.

Между тем все было бы гораздо проще, если бы римско-комсомольские поборники национального согласия сообразили, что принцип несменяемости судей, традиционно положенная судьям чрезвычайно высокая оплата, наконец, причудливые мантии и парики, придающие судейским вид священнослужителей, — все это придумано не просто так, но с целью выделения судей в некоторую особую категорию граждан, от которых общество требует чрезвычайной щепетильности, но которые зато пользуются безусловным авторитетом, позволяющим с порога отвергнуть подозрения о наличии в их деятельности суетных соображений. В случае с судейскими (да еще и на фоне тяжелой российской

наследственности) жена Цезаря взаправду должна быть вне подозрений. В особенности — подозрений в корысти, тщеславии и политической ангажированности. Строго говоря, если бы председатель КС всегонавсего издал в журнале «Юность» под псевдонимом Зорий Валерькин пасторальную повесть о любви и дружбе, и то факт получения гонорара лицом, занимающим такую должность, мог бы стать предметом порицания. Пастораль с В.Е.Максимовым — случай неизмеримо более кляузный, и, если председатель КС достаточно скоро не откажется от ставящего его в ложное положение дара и публично не объяснит своим усердным не по разуму почитателям, что, не говоря уже о политической, есть еще и куда более строгая судейская этика, трудно надеяться на то, что при общем головокружительном обвале рейтингов его минует чаша сия.

Если же учесть, что председатель КС не сумел в резкой форме отмежеваться ни от увеличения судейских окладов и званий, предпринятых президентом (т.е. фактически одной из тяжущихся сторон) в разгар суда над КПСС, ни от чудовищно бестактных набегов исполнительной власти на Горбачев-фонд в момент запутанной перекрестки суда с М.С.Горбачевым, тогда принятие еще более бестактной премии может окончательно перевести вопрос о беспристрастности и политической неангажированности третьей власти в разряд анекдотических. Опасение вряд ли праздное — разве не бесконечно большое количество бестактностей, допущенных парламентом, привело к тому, что затрибунные апелляции российских депутатов к нуждам и чаяниям своих избирателей не вызывают более ничего, кроме усмешки.

В свое время, пылко клеймя М.С.Горбачева, проф. Зорькин указывал, что президент СССР живет как будто в чужой стране. Где живет Михаил Сергеевич — это в самом деле вопрос на засыпку, но в случае с верховным судьей никакой сложности в таком вопросе нет: председатель КС по смыслу своей должности и в самом деле обязан жить как будто в другой стране, где хамство, глупость и бестактность, в полной мере явленные римскими комсомольцами, встречаются немедленный и жесткий — не то что в России — отпор.

Впрочем, поскольку предположение, что верховный судья России в должной степени снабжен «здравым смыслом юридическим, сим исчадьем сатаны», — всего лишь не обязательная верная гипотеза, дальнейшие пути Конституционного суда так и остаются неисследованными.

«УЛЫБЧИВАЯ БАРРАКУДА»

БИЛЛА КЛИНТОНА

*Еще раз
о следующей
первой леди
(Макбет)*

Фото ИТАР — ТАСС

«Теперь, наверное, мы не скоро увидим снова, как Хиллари Клинтон печет печенье», — хмыкнул 3 ноября ведущий последних известий телекомпании Эн-би-си Том Броко, когда выяснилось, что Билл Клинтон победил и его 45-летней супруге Хиллари, которую консервативный журнал «Нэшнл ревью» назвал «улыбчивой барракудой», больше не нужно изображать из себя примерную жену.

Профессиональный адвокат и левая активистка, Хиллари Клинтон взялась за скалку после того, как помощники Клинтон взяли за голову: дело было в конце апреля, и клинтоновцы опасались, что их корабль идет ко дну, ибо по крайней мере у 40 процентов американцев было о Клинтоне скверное мнение. 20 апреля еженедельник «Тайм», одним из редакторов которого является студенческий друг Клинтон — первый переводчик мемуаров Хрущева Строб Тэлбот, вышел с такой шапкой на обложке: «Почему избиратели не доверяют Клинтону».

Опросы показывали, что многие избиратели считают Клинтон довольно-таки скользким типом, который умеет навести тень на плетень и никогда не говорит ничего прямо. Но его жена нравилась опрашиваемым еще меньше: многие смотрели на нее, как на настырную дамочку, рвущуюся к власти и намеревающуюся «командовать» в администрации своего мужа. Публицист Дэниэл Уоттенберг напечатал в консервативном журнале «Америкэн спектейор» огромную

разоблачительную статью о Хиллари Клинтон под заголовком «Леди Макбет Литл-роковского уезда».

Трое советников Клинтон представили ему в конце апреля детальный план перестройки его имиджа, занимавший 14 машинописных страниц через один интервал. Идея была в том, чтобы создать кандидату образ честного, простого парня-идеалиста, а его супруге — радушной, любящей жены. С тех пор Хиллари Клинтон и взялась за скалку и до самых выборов с ненавистью раскатывала тесто для домашнего печенья.

Она не говорила уже больше, как когда-то, что, «проголосовав за него, вы получите и меня», а сам Клинтон больше не повторял нашумевшее замечание: «Выберите меня — и получите за те же деньги двоих». Хиллари показывала иногда когти, как, например, в интервью с журналом «Вэни-ти фэр», в котором она заявила без всяких доказательств, что у Джорджа Буша тоже была любовница, но, в общем, ее образ подвергся изрядному косметическому ремонту, и ее муж победил в ноябре, хотя, разумеется, не только по этой причине.

Сейчас «Уолл-стрит джорнэл» спросил Клинтон, будет ли его жена присутствовать на заседаниях нового американского кабинета, и будущий президент США сказал: «Надеюсь, что да... Она больше знает о многих вещах, чем большинство из нас». Как заметила «Вашингтон пост», если бы кандидат Клинтон заявил нечто подобное летом, то этот промах гарантировал бы ему газетную шумиху

на несколько недель вперед. Сейчас, однако, выборы позади, и, как показал опрос «Уолл-стрит джорнэл» и Эн-би-си, многие американцы уже сжились с мыслью о своей «первой леди», принимающей активное участие в государственных делах. 63 процента, например, сказали, что она вполне может быть советницей мужа, хотя большинство считает, что ей не место в новом правительстве.

На самом деле Клинтон в любом случае не мог бы назначить ее ни на какой пост в связи с так называемым «законом Бобби Кеннеди», принятым в 1967 году, чтобы не допустить повторения ситуации, когда Джон Кеннеди мог назначить своего брата Роберта министром юстиции США. Представители Клинтон говорят, тем не менее, что Хиллари будет присутствовать на заседаниях кабинета, и в свете заявления нового президента, что он за 20 лет не принял без жены ни одного важного решения, можно предсказать, что она будет немало влиять на государственные дела, пытаясь утянуть мужа влево.

Профессиональные феминистки, имеющие в Америке особенно буйный характер, разумеется, до смерти рады вознесению этой несентиментальной женщины, которую вышеупомянутый Уоттенберг называет «Винни Манделой американской политики». «Таймс» напечатала статью Сюзан Фалуди, прославившейся книгой с красноречивым подзаголовком «Необъявленная война против американских женщин» (по утверждению автора, эту войну ведут против них мужчины). Статья посвящена воспеанию Хиллари, которую автор характеризует как «независимую женщину, весело и открыто вступившую на общественную стезю». Скоро повеселимся и мы. Если Хиллари выполнит свою заветную мечту и настроит американских детей почем зря подавать в суд на родителей, то скоро здесь сложится целый класс юных сутяжников.

Впрочем, судьба Павлика Морозова дает надежду, что взрослые найдут способ борьбы с этим социальным злом. Конечно, этот план Хиллари афишируется лишь как дымовая завеса: истинная цель — максимально умножить аборт, число которых при таких детках и в самом деле может увеличиться безмерно. Быть может, даже процентов до ста.

Хиллари Клинтон являет собою самый убедительный довод против обобществления жен, попавшийся мне на глаза за многие годы.

Владимир КОЗЛОВСКИЙ

Нью-Йорк

Владимир КОВАЛЕНКО

О КРОВОЖАДНОМ ВИЛЬГЕЛЬМЕ, МИРОЛЮБИВОМ НИКОЛАЕ И ПРОСВЕЩЕННОМ ПАТРИОТИЗМЕ

Марк Захаров прославился тем, что сжег перед телекамерой свой партбилет. Теперь он публично сжигает работу Ленина «Социализм и война» и прочие труды основателя КПСС, в которых говорится о причинах возникновения первой мировой войны. Ленин писал: «Действительная сущность современной войны заключается в борьбе между Англией, Францией и Германией за раздел колоний и за ограбление конкурирующих стран и в стремлении царизма и правящих классов России к захвату Персии, Монголии, Азиатской Турции, Константинополя, Галиции и т.д.» (Полн.собр.соч., т.26, с.162).

Г-н Захаров опубликовал в «Известиях» пространную статью «Американская звезда или двуглавый орел?», в которой утверждает, что «Россия не помышляла о какой-либо войне, тем более о так называемой «империалистической».

Конечно, многие так называемые простые люди в России (да, пожалуй, и в любой стране) любят произносить фразу: «Мы — самые миролюбивые... Мы никогда ни на кого не нападали, а на нас — все... Мы только оборонялись...» При этом желательно, чтобы говорящий придал своему лицу скорбное выражение.

Однако непредвзятый взгляд на историю и простой подсчет позволяют легко установить, что Российская империя за последние 250 лет своего существования вела больше агрессивных войн, чем любое другое государство в мире: завоевывала Польшу и Финляндию, покоряла Кавказ и Среднюю Азию, отнимала у Китая Дальний Восток и т.д. Я вовсе не призываю вернуться к границам XVII века, но правду знать всегда полезно.

Так представляли себе германские империалисты передел Европы после войны. Карикатура Б.Ефимова

Европа и величайшая в мире монархия — Россия. Карикатура В.Росса. (Начало века)

Что значит — «Россия не помышляла о войне»? Это красивая абстракция. А истина конкретна. Россия — это кто? Хотел ли войны питерский токарь или, допустим, ярославский мужик призывного возраста? Верю: ни Боже упаси! Но точно так же не хотели ее австрийские рабочие и немецкие бауэры. А вот что касается лиц, облеченных властью...

«Россия в 1914 году не имела никаких территориальных притязаний, никакой бравады, никаких амбиций», — пишет Марк Захаров. Но слышали ли вы о лидере партии кадетов Милюкове, который настолько рьяно требовал завоевания черноморских проливов (под лозунгом «Крест на Святую Софию»), что даже снискал себе прозвище «Милюков-Дарданельский»?

Не будем, однако, принимать на веру слова Ленина. Может, этот — в современной интерпретации — кайзеровский агент, продавший Россию за 70 миллионов марок, и впрямь нахально врет. А прав, наоборот, режиссер, утверждающий, что «...Германии

и ее дряхлой союзнице Австро-Венгрии суждено было унизить Великую империю (т.е. Россию. — В.К.) и предъявить свои непомерные притязания на Балканы, черноморские проливы, Черное море, Константинополь, Турцию и Иран». Но если правда, что Германия притязала на Турцию, то логично было бы ожидать, что последняя стала бы союзницей России и воевала бы против Германии. Однако известно, что Турция тогда... воевала как раз на стороне Германии и против России! С трудом также верится и в желание Германии присоединить к себе Иран. Далековато. Но что Иран, как и Турция, искал защиты у Германии против британской и особенно российской экспансии — это верно. Ведь Россия чуть ли не с петровских времен то и дело откусывала от него кусок за куском. Азербайджанцы до сих пор не могут слышать имя Грибоедова, потому что благодаря ему азербайджанский народ уже почти два столетия расчленен надвое. При чем и по сей день в Иране живет

больше азербайджанцев, чем в бывшей Азербайджанской ССР.

Начало первой мировой просвещенные патриоты рисуют в духе соответствующего манифеста Николая II: защитница свободы вступается за маленькую Красную Шапочку, на которую разинул пасть кровожадный австро-немецкий Волк. Что ж, это традиционный взгляд. Царские и советские (начиная с конца 30-х гг.) историки написали тысячи книг и статей о том, как Российская империя «поддерживала национально-освободительное движение на Балканах». Но знает ли кто, что инородцы в Австрии или «гяуры» в Турции пользовались несравненно большей личной и национальной свободой, чем даже великороссы в России? Смешно говорить об «освобождении славян», когда в России мордовались славяне собственные — поляки и украинцы. А знает ли он, что в 1849 году «защитница свободы» посылала войско в помощь австрийскому Волку — для подавления венгерского национального восстания?

Вернемся к первой мировой. Вот фабула событий. Независимое государство Сербия в результате балканских войн 1912—1913 г. увеличивает свою территорию почти в два раза. Тут же Белград при поддержке России начинает претендовать на Боснию и Герцеговину, находящиеся в составе Австро-Венгрии. (Насколько другие южные славяне хотели жить в «великой Сербии», мы видим и сегодня.) Группа сербских террористов переходит австрийскую границу и 28 июня 1914 года в Сараево, центре Боснии, убивает наследника престола Франца Фердинанда. Так сказав, австрийского царевича Алексея, только взрослого. Он расстрелян вместе с женой. Дело нештучное. 23 июля (т.е. почти через месяц) Австрия предъявляет Сербии ультиматум: в 48 часов запретить все антиавстрийские организации, прекратить антиавстрийскую пропаганду, уволить несколько офицеров по списку, указанному австрийцами (надо понимать, сербских макашовых и алкснисов), наказать пограничников, переправивших террористов через границу, и допустить австрийских представителей к расследованию убийства. В случае отказа Австрия угрожает... нет, не «дойти в два часа» до Белграда (подобно недавнему заявлению генерала Лебедева), а лишь порвать с Сербией дипломатические отношения. Требования серьезные, но отнюдь не людоедские. В ответ бойкая Красная Шапочка: а) обращается за помощью к России; б) объявляет мобилизацию;

в) за 10 минут до истечения срока ультиматума соглашается принять все условия, кроме последнего. Разумеется, если бы Австрия очень хотела мира, она могла бы искать компромисса, но, поддерживаемая Германией, она все же отзывает свое посольство из Белграда, начинает ответную мобилизацию (но не у русской границы!) и 28 июля объявляет войну Сербии. Цепная реакция: Германия — за Австрию, Россия — за Сербию, Франция и Англия — за Россию и т.д., со втягиванием все новых и новых стран. Наиподлейшую роль здесь сыграла Англия, которая фактически толкнула Германию на войну, так как до последнего момента английское правительство заверяло кайзера в своем нейтралитете. Немцы были готовы воевать с Россией и Францией, но никогда не полезли бы в драку, если бы знали, что к дуэту присоединится вся мировая Британская империя. А так — осмелевший германский тигр бросился на русского медведя, дабы решить, кому из них кушать балканских овечек.

...После объявления Австрией

войны Сербии Россия, которую, как мы знаем, вообще никто не трогал, 29 июля объявляет частичную мобилизацию. Вильгельм II указывает в телеграмме Николаю II:

«Вся тяжесть решения ложится теперь исключительно на тебя, и ты несешь ответственность за мир или войну».

Но 30 июля Россия объявляет всеобщую мобилизацию. Германия требует ее отменить, угрожая также объявить мобилизацию. Российское правительство не отвечает на этот ультиматум и не прекращает мобилизации. После этого и Германия 1 августа объявляет мобилизацию и вечером того же дня объявляет войну России. В ноте германское правительство всю ответственность за развязывание войны возлагает на Россию.

Я вовсе не оправдываю Германию с Австрией — тем более, что формально войну начали именно они. Но одинаково грязно выглядят в этом деле все. Свалка хищников, каждый из которых лицемерно сваливает вину на другого. И изображать дело так, будто «Россия подверглась немотивированной агрессии», — чушь, ибо, повторяю, ни Австрия, ни Германия России вообще не трогали. Ах, ну да, конечно: «заступиться за нашего друга Сербию». Но зачем уверять, что Россия не имела никаких амбиций? Вот и вышло: одни — «за братскую Сербию», другие — «за братскую Австрию».

Россия не хотела войны? Полноте! Из воспоминаний генерала А.А.Брусилова известно, что за три месяца до выстрела в Сараево в штабе Киевского военного округа была проведена игра — операция против Австро-Венгрии. Россия имела секретный план австро-венгерского стратегического разветвления на случай войны, купленный у начальника австрийской разведки полковника Редля, и, зная карты противника, «наголову разбила» его в этой игре. Это придавало уверенности царским генералам, которые, однако, не знали, что австрийцы разоблачили предательство Редля и коренным образом изменили свои планы.

Правящая каста России восприняла начало войны с громадным облегчением. По внутренним причинам. После Ленского расстрела 1912 г. в стране начался новый революционный подъем. В первой половине 1914 г. произошло больше стачек, чем в 1905 г. Буквально накануне войны (уже после выстрела в Сараево) в Питере была расстреляна демонстрация путлиловских рабочих (двое уби-

тых, 50 раненых), и на Выборгской стороне вновь появились баррикады. Война была прекрасным поводом объявить в столице чрезвычайное положение, разогнать Думу, сослать бунтовщиков на фронт. Напрасно Марк Захаров полагает, будто Цусима чему-то научила царское правительство — ничему она его не научила...

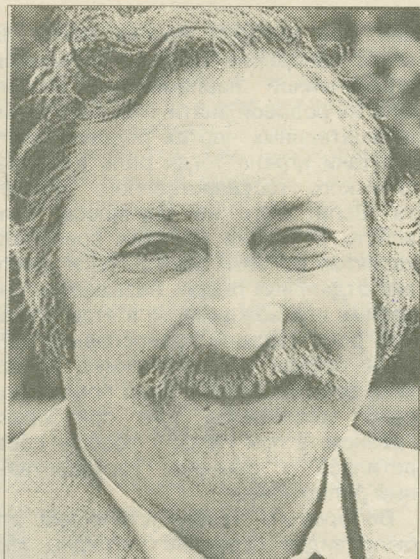
Маленькой победоносной войны, однако, не получилось. Три года дьявольской мясорубки привели в конце концов к октябрю 1917 года, или, как выражается г-н Захаров, к «большевистскому предательскому мятежу», который «выглядит сегодня чудовищным антинародным злодеянием». Увы! Злодеяния были потом. А вначале большевиков поддержали, потому что Ленин «нажатием кнопки» прекратил войну, которую теперь уже Временное правительство собиралось вести «до победного конца». А как же иначе? Ведь министром иностранных дел в нем стал не кто иной, как Миллюков, который тут же заявил: «Если мы, русские, претендуем на обладание Константинополем и проливами, то этим мы ничуть не посягаем на национальные права Турции, и никто нам не вправе бросить упрек в захватных тенденциях. Обладание Царьградом всегда считалось исконной национальной задачей России».

Говорить правду — задача неблагодарная, ибо многим она, чувствую, очень не понравится. Но делать это надо, потому что история повторяется... Только «национальные задачи» сегодня помельче (уже не Константинополь, а всего лишь Крым; кусок североказахстанской степи; какой-то там Ивангород...), а перспективы, учитывая характер современного оружия, еще страшнее. Не дурает ли «патриотов» участь того двуглавого орла? Ведь не лично германский агент Ленин сбивал его прикладом...

Марку Захарову, впрочем, орел очень нравится. Он для него — «двуглавы красавец», который «органично и закономерно вписался в российское православное естество, зорко устремив свой взор одновременно...», и т.д.

Поневолу возникает вопрос: что есть статья Марка Захарова? «Патриотическая» пропаганда или дилетантская попытка переосмыслить историю? Мы очень любим и уважаем Марка Анатольевича как большого художника. Но вот уж воистину беда, коль историю начнет тачать художник...

Фридрих ГОРЕНШТЕЙН

Лингвистика как инструмент познания истории

Почти десять лет тому назад, с конца 1983 года, периода для истории ясного и неподвижно-застойного, мной вдруг начал овладевать «исторический невроз». Так в тяжелый душный день хочется ветра, беспокойства, неопределенности. Из этого чувства родился замысел драмы о петровской эпохе, судьбоносной для России и для Европы.

Я вообще убежден, что лучшие замыслы, по крайней мере в литературе, а может быть, не только в литературе, подчинены законам сенсуализма, философского учения, признающего знания достоверными, если в их основе лежит чувственное восприятие. А сенсуализм неразрывно связан с лингвистикой, с наукой о языке, которые говорят чувства.

Можно так сказать: исторический момент в литературе осложнен лингвистическим. Особенно это наглядно в драмах. Есть хорошие исторические романы, однако, на мой взгляд, наибольшего успеха в познании истории достигла драма, где история по-шекспировски, по-шиллеровски звучит.

Позднее, уже задним числом, я обнаружил нечто подобное у ученого XIX века Макса Мюллера, который на

основании анализа языков арийских народов пытался изучить эволюцию этих народов. Разница, однако, научно-исторического сопоставления и литературно-исторического в обращении к разным сторонам общих для народов культурных условий. Наука изучает общеисторические эволюции, но она слишком ограничена строгими логическими правилами и потому не способна охватить и сопоставить мелочи, детали истории, которые и создают в своей совокупности соответствующую учению сенсуализма чувственность знания.

Особенно это наглядно в теории так называемых «скрытых фактов», то есть таких фактов, которые не даны непосредственно в источниках и которые, подобно неизвестному в математических уравнениях, приходится восстанавливать по имеющимся уже данным.

Историк Тейлор пытался поставить на научную почву изучение переживаний, основывая это на том справедливом наблюдении, что скрытые, вытесненные историей факты: верование, обычаи, учреждения — не исчезают без остатка. От них остаются следы, мало гармонирующие с соответствующим строем, но ревностно сохра-

няемые народом. Тем не менее не только Шекспир, Шиллер или Лев Толстой, но даже и Дюма, который весьма непочтителен с устоявшимися, проверенными фактами, в «скрытых фактах», в исторических переживаниях правдивее и глубже маститого английского историка. И наоборот, когда литератор пытается конкурировать с исторической наукой на ее почве и действовать ее методами, он терпит полный крах. Таким показательным крахом является многотомная эпопея Солженицына «Красное колесо». Пошедший научным путем «философии истории», Солженицын пытается подвести идейный итог всего революционного перелома в России 1917 года.

Надо сказать, попытки ввести в истолкование исторических фактов философский элемент вообще не показали особой плодотворности, даже и у Вольтера, пустившего этот термин в оборот. Науку этот метод лишает объективной строгости, художественность подчиняет субъективной идее, т.е. идеологии. Конечно, задачи, поставленные историософией, кажутся грандиозными и соблазнительными. Поэтому задолго до Вольтера, не говоря уже о Солженицыне, многие мыслители пытались использовать «философию истории», чтобы все завершить и поставить «великую всемирную точку».

В своем труде «Политика» Аристотель пытался подвести итог политико-социальному развитию всего древнего мира. В «Civitas Dei» Блаженный Августин пытался охватить мирозерцание всей исторической мысли средневековой Европы. Однако в первом случае, как верно замечено, получились не более чем грубые историко-философские эскизы, а во втором — теологический трактат, проповедующий противоположность мирского и духовного.

На мой взгляд, литератор, обеспокоенный современностью и желающий изучить и восстановить ее исторические корни, должен забыть о своих идеологических и философских пристрастиях, так же как и археолог, осторожно снимающий верхние слои и добывающий все глубже к нижним, или как аморальный гробокопатель, будоражающий мертвых. Да, я бы сказал, в подобной работе надо забыть даже о морали. Мораль необходима в истории живой, в истории мертвой, в истории «обратного хода» надо попытаться взять за образец аморализм «чистой сердцем» природы. Ибо только та история правдива, в которой о мертвых, кто бы они ни были, не боятся говорить плохо, вопреки пословице. Но и не стараются использовать безответность мерт-

веца, чтобы пнуть его ослиным копытом. Особенно когда мертвецу империи 450 лет.

В драме «Детоубийца» из петровской эпохи, оконченной мною в 1985 году, и в диалогах из времен Ивана Грозного «На кресцах», над которыми уже несколько лет продолжается работа, я стремлюсь использовать для познания исторических фактов лингвистику эпохи, причем не только по проверенным источникам, но часто по мифологии и фольклору. Пытаюсь через слова, произносившиеся давно истлевшими устами, ощутить живую суть послемонгольской России, крестьянской Азии, упорно, с энергией, со страстью отрицающую торгово-промышленную Европу. Причем, когда речь идет об отрицании, то хотелось бы иметь в виду не только и не столько славянофилов, сколько западников. Ведь западником был не только Петр I, который строительством Петербурга и захватом Прибалтики «пробивал окно в Европу». Западником был и Иван Грозный, и отец его Василий III, и дед Иван III. Ибо отрицание приобретает еще более опасные черты в неудачном и неумелом внешнем заимствовании. Уже упомянутый выше историк Тейлор говорит в своей «Антропологии», что китайцы, покупая английские суда и не умея с ними обращаться, нарочно их уродуют, превращают их в свои безобразные джонки. Нечто подобное происходит и с западными идеями в России. Лишь тогда, когда России удастся исцелить свои исторические язвы, бытовые, политические и экономические гнойники, берущие начало в XVI веке, западноевропейские идеи не будут служить солью, эти язвы травящей.

Какие же основные язвы были заложены в глубинах русской истории в XVI веке, во времена царствования Ивана Грозного?

Это, прежде всего, двухголовая самодержавно-теологическая власть, созданная православной церковью. Надо сказать, что идейная борьба внутри православной церкви между сторонниками духовной жизни церкви, не вмешивающимися в политическую жизнь государства, и церковными государственниками окончилась победой последних. Самодержавность русской православной церкви возникла раньше государственной самодержавности. Все империалистические и шовинистические идеи, господствующие потом в русской государственности: идеи России — «третьего Рима», идеи особой мессианской роли русского народа и прочие — возникли и развились в церкви. На раннем этапе царствования Ивана Грозного сложилась ситуа-

ция, при которой Россия могла бы стать наподобие Польши монархией, ограниченной парламентом, состоящим из родовой знати. При всех своих отрицательных чертах родовая знать все-таки играла тогда роль демократического государственного элемента. Если этого не случилось, если власть в России на века приобрела характер волевых импульсов и действий отдельных людей, назывались они царями или вождями, то в этом огромную роль сыграла православная церковь: создав неограниченную монархию, церковь вскоре сама попала под сапог деспотизма, уже при Иване Грозном, а при Петре I вообще превратилась в обычный государственный департамент.

Во времена коммунистические это было видно особенно наглядно. Ныне в вакууме идеологии церковь и посткоммунистическое государство назойливо демонстрируют свою взаимную любовь. Не учитывая уроков прошлого, церковь опять использует свою возникшую независимость не для отстаивания своей самостоятельности, а для построения государственной духовно-политической двуглавости. Не говоря уже о все более усиливающихся в церковной среде, особенно под влиянием эмигрантских церковных кругов, реакционных, шовинистических российских антисемитских тенденциях. И это не случайное, преходящее явление, а закономерное, с прочными многовековыми историческими корнями.

Конечно, не в одной лишь России церковь по тем или иным соображениям способствовала созданию неограниченной власти монархии, способствовала победе самодержавной монархии над вельможными вольностями. Такое можно было наблюдать и в Европе, в частности в Англии, в том же XVI веке во времена современницы Ивана Грозного королевы Елизаветы I. Существенная разница, однако, состоит в том, что при неограниченной политической монархии в Англии сохранил экономическую власть СОБСТВЕННИК. Отсутствие собственника в России — вот что прежде всего отмечал английский посол при Иване Грозном Дженкинсон, являвшийся, кстати, активным сторонником англо-русского сближения. В России все были не только политическими, но и экономическими рабами самодержавной власти: и крестьяне, и вельможи, и купцы, не обладавшие свободой действия наподобие купцов византийских. Собственник в России возник слишком поздно, слишком робко и в обстоятельствах приближающегося государственного обвала, что не могло не наложить на него свои психологи-

ческие черты. Да и холопства своего перед властью он до конца преодолеть не смог, поскольку в значительной степени был происхождения мужицко-кулацкого.

Нечто подобное можно наблюдать и ныне в среде посткоммунистического собственника. И это тоже не случайно несчастливо сложившиеся обстоятельства, а историческая традиция, закономерность с глубокими корнями.

Тут обнаруживается и вторая «русская язва», заложённая в XVI веке во времена Ивана Грозного. Окончательная победа московского военно-кочевого образа жизни над новгородским торгово-промышленным. Более столетия, начиная с деда Ивана Грозного Ивана III, современника Христофора Колумба, потратила монголоидная Москва на уничтожение новгородского русского собственника — индивидуалиста, угрожавшего русскому московскому абсолютизму не только и не столько экономически, сколько психологически. Тогда-то и были созданы (созданы искусственно, а не вытекающие из так называемого своеобразия русского характера) основы коллективизма русского человека, все привыкшего делать общинно, «скопом». Созданы за много веков до сталинской коллективизации. Я убежден, по-настоящему сталинской коллективизации как идее сопротивлялось меньшинство. Большинство сопротивлялось чингисханскому тупому насилию, сопровождавшему обобществление собственности. Да и то сопротивлялись главным образом на Украине, где общинная психология, созданная условиями земледельческого труда, была не столь развита.

Во времена так называемой стальной реформы выйти из общины и взять землю согласилось лишь 25 процентов крестьян. Подобное, но еще в более ухудшенном виде, приходится наблюдать и ныне. Колхозное и совхозное крестьянство в массе своей не хочет становиться землевладельцем. Приводятся многочисленные объяснения, точнее, оправдания этому факту, разочаровывающему самые «светлые антисоветские мечты». Многие из этих объяснений справедливы. Но главное объяснение все же психологическое, т.е. чувственное, попадающее под законы сенсуализма и могущее быть выраженным лингвистически, в духе «семенов никитичей» Глеба Успенского, знатока «русских мелочей жизни»: «Мы этим не занимаемся, нешто мы ученые».

Причем если в XIX веке во времена Глеба Успенского большинство

простонародья жило в деревнях, было неграмотно и обладало общинным сознанием, противоположным городскому индивидуализму и быту городских мещан, то ныне после переселения деревенских масс в города и сплошной «социализации труда» в обществе образовалась единая хаотичная деревенско-городская куча, где миллионы «живут как прочие» — «сплошным бытом». Через этот ребяческий возраст человечества прошли все народы, но счастливое сочетание исторических обстоятельств и географических условий помогло народам Европы вовремя отделаться от него, давно забыв об общинах. Затянувшееся ребячество — вот что сделало для России историю мачехой. И к главной причине такого «исторического ребячества» надо отнести азиатско-монгольскую оккупацию, превратившую Россию ПСИХОЛОГИЧЕСКИ из страны Запада в страну Востока. Попытки Новгорода восстановить западничество были насильственно, погромно прерваны главным золотордынским продолжателем на Руси, главным в прошлом монгольским сателлитом — монголоидной Москвией.

В своем труде «Философия истории» Гегель говорит о «сплошном быте» восточных народов, так же, как и Глеб Успенский говорит о «сплошном быте» русского народа. «Сплошная мысль», «сплошная нравственность» и, вообще, «сплошная жизнь» составляют характерную особенность Востока вообще и Китая в особенности, его быт, его лингвистику, состоящую из нравоучительных высказываний, пословиц и поговорок, созданных неизвестно кем, «сплошным умом» и передающихся из поколения в поколение, из уст в уста, не как украшающий фольклорный элемент, а как руководство в повседневности. «Кто чем не торгует, тот тем не ворует» — не сегодня выдуманно это руководство к действию, не вчера, а много веков назад, океаном людским, тогдашними «семенами никитичами» для повседневной жизни нынешних «семенов никитичей». Такова лингвистика русской истории в ее итогах.

Как известно, лингвистика Французской революции подытожена кратким лозунгом: Свобода, Равенство, Братство. Разумеется, речь шла об идеале, а не о повседневной «человеческой комедии». Повседневный европейский западный индивидуализм, обладая высоким производительным потенциалом, далеко не всегда сочетался с нравственностью. Гораздо ближе друг к другу идеал и повседневность на азиатском Востоке, где как раз отсутствие свободы порождает

равенство, в какой-то степени даже братство перед давящей силой деспотизма. «Так как в Китае царствует равенство, то в нем нет никакой свободы, — замечает Гегель, — и деспотизм является там необходимой правительственной формой». Так было при Сталине. И народ эта чингисхановская сталинская деспотия угнетала и калечила физически. Однако когда жестокая сталинская форма деспотии сменилась мягкой брежневской, она стала необходимой формой не только для правительств, но и для большинства народа. Каждый был «ничто», и каждому цена была грош, но Мы были все, и НАС боялся весь мир. За это можно было простить и скудность брежневского «коммунистического» пайка, и глупую скуку брежневской повседневности. Впрочем, интеллектуальная научно-культурная элита, даже из числа вольнодумцев, имела доступ и к привилегированному пайку. В целом о брежневском периоде с тайным вздохом, а иногда и явно вспоминают сейчас как о райском времени. Однако заведомо лгут себе и другим те, кто выстраивает альтернативу нынешнему хаосу и беде на территории бывшей империи брежневской устоявшейся, пусть убогой, скучной, но прочности. Один американский советолог высказался о брежневском периоде как о времени сочетания «пушек и масла». Нет ничего более противоречащего логике фактов. С каждым годом масла становилось меньше, пушек больше. А пушки должны стрелять. Ибо по экономическим законам произведенный в больших количествах товар должен быть реализован. При Брежневе коммунистическая партия выполнила свое обещание, осуществила вековую мечту всякого крепостного, всякого раба, живущего коллективным сознанием: работать мало, но все-таки гарантированно, устойчиво существовать. Споры нет, такое существование привлекательно. Если бы только не эти проклятые экономические законы, которые не мог опровергнуть даже Карл Маркс. Существует экономический термин — банкротство, т.е. несостоятельность. А что делает отчаянный лавочник, когда ему нечем платить по вексялям? Он старается поджечь лавочку. В данном случае пожар мог стать атомным, всемирным. К нему, по сути, готовились все 20 «устойчивых» брежневских лет. Наверное, уже тогда среди брежневских деятелей были такие, которые понимали, не загорится лавочка, придется платить по вексялям, наступит хаос и развал империи. В этом смысле понятно «нелогичное» начало афганской войны. Однако на боль-

шее все-таки не решились, все-таки в последний момент испугались, попытались найти третий путь — «перестройку». Объективная логика фактов доказала — третьего не дано. РАЗВАЛ ИМПЕРИИ И ХАОС НАЧАЛСЯ ПОТОМУ, ЧТО НЕ НАЧАЛАСЬ ТРЕТЬЯ МИРОВАЯ ВОЙНА.

Даже если бы удалось избежать многих просчетов и ошибок (а кто такой провидец?), альтернатива была бы: нынешний хаос на политических и экономических руинах империи или третья мировая война — атомные руины. Из-под атомных руин выбраться вообще было бы некому, но из-под политических и экономических руин выбраться очень трудно.

На кого же надежда? На «плохих» людей с психологией индивидуалистов, которых ради традиционного общинного коллективизма изводили начиная с эпохи Ивана Грозного. На их лингвистику собственника, в которой «мое» подавляет «наше». И напрасны надежды, что на этом пути удастся избежать западноевропейских язв у русского. Перпетуум мобиле не бывает. «Человеческая комедия» будет идти своим путем. Однако тогда в России, как во Франции, Англии, Германии и других странах Западной Европы, человеческие беды, человеческие трагедии, человеческие пороки станут не массовыми, а индивидуальными, не затрагивающими самих основ национальной жизни. И история станет наконец для России не мачехой, а матерью, любящей своих детей и пользующейся в любви взаимностью.

Берлин

РЕГИСТРАЦИЯ ПРЕДПРИЯТИЙ «ПОД КЛЮЧ»

- разработка учредительных документов
- юридический адрес
- нотариальное оформление
- открытие расчетного и валютного счетов

НИЗКИЕ ЦЕНЫ

СРОК ОТ 5 дней

Тел. 928-83-40
928-70-17

СПИРТ — НЕ РОСКОШЬ. В ОТЛИЧИЕ ОТ ШАМПАНСКОГО

Хотя представители Госкомцен настойчиво уверяют, что подписанное под Новый год постановление правительства «О государственном регулировании цен на отдельные виды продукции и товаров» готовилось еще в бытность Егора Гайдара во главе кабинета министров, оно, это постановление, удивительно точно совпало с настроением нового премьера Виктора Черномырдина на «социальную корректировку» курса реформ. Что может быть социальнее, чем сдерживание роста цен на хлеб и мясо, молоко и колбасу, спирт и табак? Теперь все производители этой продукции, равно как добытчики железной руды и бокситов, сталеплавильщики и нефтехимики, лесозаготовители и кожемяки, не могут перешагнуть через пределы рентабельности, установленные правительством.

Казалось бы, радоваться надо, но специалисты кривят рот и сильно сомневаются. Их можно понять: когда такие пределы установлены для предприятий-монополистов — это одно, когда распространяются на всех — это нечто другое. Искусственно сдерживаемые цены в условиях дефицита либо не будут сдерживаться, либо товар просто перекоцует на черный рынок, который хи-

реет только в обстановке открытой торговли и свободного ценообразования. Между прочим, введенные в прошлом году пределы рентабельности для целлюлозно-бумажных предприятий отнюдь не заморозили стоимость бумаги, что хорошо знают все редакции и издательства. А чем хлебопеки или колбасных дел мастера хуже бумажников? Разве что в «регулируемые» отрасли потекут в виде компенсации многомиллиардные дотации. Но тогда уж мы точно узнаем, что такое гиперинфляция.

Новогоднее постановление правительства любопытно не только тем, что в очередной раз мы пытаемся обмануть объективные законы экономики, — как никак семьдесят пять лет живем «поперек» этих законов. Любопытен перечень товаров, цены на которые не регулируются даже для предприятий-монополистов.

Это, естественно, так называемые товары «не первой необходимости». Ну, роскошь всякая: автомобили там, ковры, компьютеры, парфюмерия (с чем надо поздравить наших женщин), радио- и электротовары (а что, вы разве не считаете электротуот роскошью?), шампанское, коньяк и т.п.

Вероятно, социальная озабоченность правитель-

ства не обрадует новоселов, мечтающих о какой-никакой мебели, — мебель, извините, тоже считается роскошью. В этом списке оказались и спорттовары. А еще говорят, что здоровье народа — это чуть ли не государственное достояние. Ерунда: физкультура и спорт — вещи «не первой необходимости». Ладно, мы можем и безо всякого инвентаря трусцой побегать. Но почему, объясните, для пряжи установлены пределы рентабельности, а для тканей из шерсти, льна или шелка — нет? Неужели отрез на платье или костюм премьер Черномырдин и его кабинет считают большой роскошью?

Удивительно все-таки, как любим мы по десять раз проходить по одному и тому же кругу, надеясь, что теперь-то уж идея сработает. Не сработает! Помните, как, пытаюсь привить застенчивей социалистической экономике некие рыночные навыки, разрешили накидывать цену на товары с индексом «Н», то бишь «новинка», и с пресловутым «знаком качества»? И что? Новый бантик на платье с десятилетним стажем давал право на бирочку «Н», а «знак качества» постепенно стал украшать почти все, что с этим качеством рядом не лежало.

Вот и сейчас не будут регулироваться цены на «новые модные швейные и обувные изделия». Значит, скоро вся швейная и обувная продукция будет признана «новой модной». Но я не к тому, чтобы их тоже регулировать. А к тому, что при любых ухищрениях есть только один регулятор — спрос на товар. И он по-прежнему будет диктовать реальные цены, только уже не в магазинах, а на черном рынке. То есть там, куда потечет этот самый товар. Тогда, вероятно, попробуют остановить поток плотной из карточек и талонов, но это мы тоже проходили. Казалось, что прошли...

Короче говоря, вся эта дерготня с ценами не решает главного: предприятиям по-прежнему НЕ ВЫГОДНО выпускать больше продукции, снижая цены на нее. Даже если авторы постановления объявляют сей документ вполне рыночным и продвигающим курс реформ.

ХРОНИКА

Налоговые льготы для баловней судьбы

Если служебное положение позволяет вам прикупить по дешевке (например, по балансовой стоимости) дачу, квартиру или иную жилплощадь, то с 1 января 1993 года ВС России дает вам право не платить с потраченной суммы подоходный налог. Такие же льготы, конечно, будут предоставлены и тем, кто занимается особо выгодной (например, торгово-посреднической) деятельностью и может прикупить себе жилье по рыночным ценам. Минимальная стоимость однокомнатной квартиры на окраине Москвы уже достигла 8,5 млн. рублей. Получить кредит на постройку дачи, например, тоже не очень реально. Словом, обычная для цивилизованного мира налоговая «скидка» у нас коснется очень немногих. Так что государственный бюджет не пострадает: своими налогами его пополнят среднестатистические граждане, которым среднестатистическая зарплата позволяет беспокоиться разве что о собственном прокорме.

Ну а если аппетиты быстро размножающегося чиновничества все же не удастся удовлетворить с помощью налоговых поступлений, то деньги на свою зарплату оно сможет «заработать» самостоятельно. Такой пример уже подан московскими властями, которые славятся наиболее прогрессивными взглядами на вопросы бизнеса. Теперь столичные чиновники за оформление документов, касающихся квартирного обмена, бесплатной приватизации квартир или предусмотренного законом бесплатного расширения жилплощади жителям коммуналок, требуют как со среднестатистических, так и более социально обделенных граждан суммы, достигающие до 50 тысяч рублей. Упомянутые сборы взимаются только за написание официальных бумаг, а вовсе не в качестве платы за приобретение жилплощади. Так что новые налоговые льготы при приобретении жилья к большинству «обычных» граждан не имеют никакого отношения.

Владислав СТАРЧЕВСКИЙ

С.П.

Рис. В.Чумачева

НЕ УВЕРЕН — НЕ ПОКУПАЙ

Падает посещаемость библиотек. С книжных пестрых развалов несут, о горе, не Белинского и Гоголя, а «Радости секса» заодно с брошюрой «Как избежать налогов». Оно, может, и хорошо, но Уголовный кодекс надо чтить, а классиков — читать. Ох, не листал «Двенадцать стульев» миллионер из чувашского города Канаш — трудное, видать, было детство. Иначе стук аукционного молотка и рубленая фраза: «Сорок миллионов — три!» — вызвала бы в его деловой памяти светлый образ Кисы Воробьянинова. Ну, купил на муниципальных торгах магазин — так плати. Заколебался — гони штраф. И выставили ему, горемыке, аж 8 миллионов за незнание русской советской художественной литературы. А ведь финансовые травмы заживают дольше, чем синяки.

Не уверен — не покупай. Сними сначала трубку и, не затратив ни гроша, узнай по телефону, почему ныне СКВ, где можно прикупить «зеленых» или освободиться от дойчмарок. Повезло жителям города на Неве — у них с нового года раздает направо-налево справки о запретной некогда валюте бесплатная телефонная служба. Петербуржцы вечно забегают вперед. В более консервативных регионах перед тем, как раскрыть кошелек, получают напутствие иного рода. В Казани на одном из колхозных рынков, например, работала передвижная мечеть. Сельский мулла (своим не верят, что ли?) благословлял жителей суверенного государства в составе России на удачные покупки.

1993 год, сообщает агентство «Постфактум», вносит разнообразие в пеструю палитру прилавков. В Могилеве поступили в продажу противогазы и бронежилеты. Уплатив за первые 16 (!) рублей, а за вторые 37—39 тысяч, вы

приобретаете уверенность в завтрашнем дне, что немаловажно. А вон нижегородцы со скепсисом смотрят в настоящее, не говоря уже о будущем. Поэтому не поверили, что вагоны с новогодними апельсинами из солнечной Италии попадут по назначению, и гуманитарную помощь продавали по социально низким ценам под охраной местного ОМОНа. Не будешь же каждому продавцу везти бронешилет из Могилева.

Англичане, в отличие от нижегородцев, оптимисты. Когда Альбион становится особенно туманным, самое время ехать в Сочи. Так, вероятно, будет убеждать сограждан английская фирма «Лидер компьютерс лимитед», заключившая соглашение с администрацией этого российского пограничного города. Что ж, самое время приглашать отдохнуть на Северный Кавказ: с одной стороны море, с другой — война. Экзотика.

Да, клиента надо убеждать. Даже в том случае, когда приобретение совершается бесплатно. В Туве чиновники отправились торить горные тропы, чтобы добраться до верховья Енисея. Хотя вселить уверенность в завтрашнем дне в старообрядцев, которые игнорируют ваучеры. Задача не из простых, поскольку многие из них отказываются получать не только паспорта, но даже и пенсии. Брали бы пример с туловцев. В этом году они уверенно купят 51 процент акций своего авиационного научно-технического комплекса, который зарегистрировался как акционерное общество. Так что самолетный парк России, чувствую, будет обновляться быстрее, чем во времена застоя.

А вообще, образ птицы-тройки возникает каждый раз, когда листаешь сообщения информационных агентств. Железный конь идет на смену столь же дефицитной крестьянской лошадке. Первую партию грузовиков «Магирус»

склепали по соглашению с иностранцами на Уральском автозаводе. В тюльтинском торговом центре «Жигули» появились грузовички «Блоун» за 4,5 миллиона «деревянных». Создало их АО «Восточное кольцо», а комплектующие детали и узлы произвели на ВАЗе. Да что там «Блоун»! Омск, к примеру, замахнулся на микроавтобусы «Фольксваген»...

Автомобили, как известно, ездят по дорогам, а на дорогах (это в новинку) появились мытари. Двое соловьев-разбойников из Татарии — Владимир Шалопаяв и Линар Шагиев встали на трудовую вахту в 15 километрах от города Заинска и заявляли проезжавшим, что магистраль приватизирована. Взимали денежки за проезд по частной якобы дороге демонополизаторы...

Нет, в поездку по этой стране без пистолета отправляться нельзя. И, учув нужды россиян в защите от потресания карманов, заводы наперобой осваивают производство разрешенного газового оружия. Анатолий Собчак, к примеру, даже обратился письменно к министру внутренних дел с просьбой разрешить «Арсеналу» производство газовых пистолетов собственной конструкции. С ним-то можно будет спокойно отправиться в путешествие из Петербурга в Москву. Тем более, что в январе две столицы — бывшую и настоящую — свяжет экспресс для бизнесменов и коммерсантов. РИА сообщает, что в фирменном экспрессе № 35/36 купе — повышенной классности. Цены — тоже повышенные: верхнее место — «штука», нижнее — восемьсот рублей. За СВ придется выложить 1.600. Вагон-ресторан работает круглосуточно. Так что покупайте билет, если сумеете, и отправляйтесь в путешествие, более приятное, чем совершил Радищев.

Александр АГОПОВ

ЭКО-НЕВИДАЛЬ

ПОЧЕМ НЫНЧЕ ГАЗЕТЫ

Как выясняется, воевать с газетами — гораздо накладнее, чем просто купить их. Но поскольку Россия еще не богата Максвеллами, приобретают не издание, а желательную информацию. Три ярославские газеты — «Северный край», «Золотое кольцо» и «Юность» — перешли с областным советом на новые, партнерские, отношения. Местный парламент отваливает по шесть миллионов в году двум ежедневным газетам и два — молодежному еженедельнику. А те, в свою очередь, предоставляют площадь под информацию о деятельности советов и администрации. Тексты готовит пресс-служба «заказчика». О качестве и направленности их думать не приходится. А поскольку руководство области обязалось еще содействовать материально-техническому положению газет и заботиться о благе их сотрудников, то невыпущенные критические стрелы придется сложить в колчан. А вы — Хасбулатов, Хасбулатов...

ДАДИМ АМЕРИКАНЦАМ ПО ЗУБАМ

Нью-йоркские стоматологические клиники радостно потирают руки — теперь их клиенты могут грызть самые крепкие орешки. А все рука, то бишь зуб, но не Москвы, а Петербурга. Специалисты фирмы «Неос» наловчились делать резцы и коренные из... сапфировой крошки. Американцам так понравились свойства этих зубных имплантантов, что они приобрели права на их производство. Еще бы: по прочности искусственные зубы приближаются к алмазу, не отторгаются костной тканью. При поштучном изготовлении они обходятся в 1000—1500 рублей. При массовом производстве цена, естественно, снижается. Заокеанские имплантанты стоят около ста долларов и требуют более сложной операции при вживлении.

ДОСТИРАТЬ ТАК И НЕ ДАЛИ

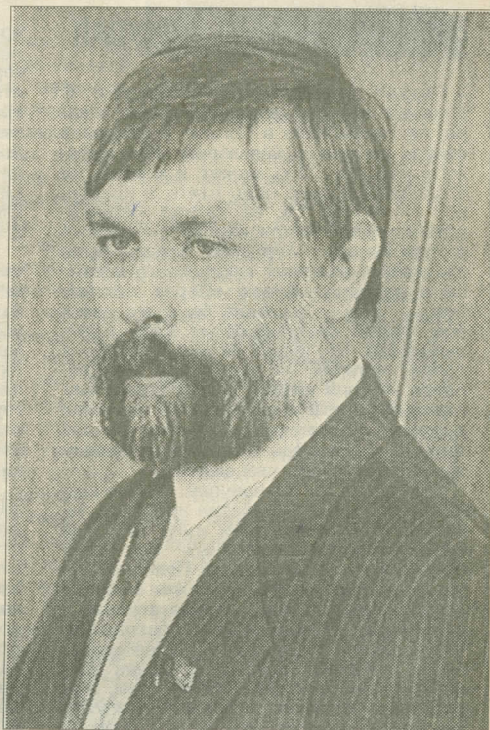
Как известно, контрабанда — один из самых выгодных видов подпольного бизнеса. А контрабанда наркотиков — в особенности. Транспортёры вредного зелья проявляют при этом уйму изобретательности. Таможенники не отстают. Но иногда и им приходится чесать в затылке. Вот, к примеру, ведут они в каирском аэропорту досмотр багажа домохозяйки, прилетевшей из Бейрута, и обнаруживают там больше дюжины мокрых простыней и полотенец. Женщина объясняет: мол, опаздывала на рейс, не успела высушить. Вот дома развешу на солнышке — все будет в порядке. Но бдительные таможенники сначала удивились, а потом помогли хозяйке выжать мокрое белье. В результате в сухой остаток выпало два килограмма героина... На мировом рынке наркотиков находка тянет на полмиллиона долларов.

Я ТЕБЕ — ЗОЛОТО, ТЫ МНЕ — МЯСО

Нескончаемые дискуссии о рынке никак не похоронят древний как мир способ решения экономических проблем — бартер. Но если раньше меняли каменный топор на шкуру убитого медведя, то ныне ассортимент изменился. Московские власти, например, чтобы пополнить столичные запасы, создали обменный фонд. Предприятия, выпускающие дефицит, скорее всего сдадутся под натиском правительства, которое просит их выделить в этот фонд четвертую часть продукции. По прогнозам столичного правительства, сообщают РИА, в него войдет мебель стоимостью аж в 1 миллиард 100 миллионов рублей, на миллиард с лишним трикотажа, почти на полтора миллиарда золота и серебра, а также вычислительная техника, электробытовые товары, грузовики, легковушки и т.д. Взаем нас должны завалить продовольствием. Что ж, поживем — поживем...

Петр ФИЛИППОВ:

«А ВЫ ДАЛИ БЫ ВЗАЙМЫ АЛКОГОЛИКУ?...»

Петра ФИЛИППОВА, 47-летнего санкт-петербургского народного депутата РФ, некоторые противники прежнего правительства называли не иначе как «агентом команды Гайдара» в российском депутатском корпусе. За его активную приверженность реформам, откровенное лоббирование в парламенте правительственных законопроектов «экономического блока». В самом деле, не являвшемуся формально членом ВС депутату-экономисту П.Филиппову удавалось иногда склонить парламентариев к принятию решений, позарез необходимых экономической реформе. Но чаще, к сожалению, не удавалось...

Ровно год назад (в № 5 за 1992 г.) в интервью «Столице»

Петр Филиппов, председатель подкомитета по приватизации Комитета ВС РФ по вопросам экономической реформы и собственности, был настроен в отношении результатов реформы, начатой Гайдаром, весьма оптимистично. Его тогдашний прогноз мы вынесли в заголовок к беседе: «Стабилизация придет через два месяца». Это было сказано в январе 1992-го.

Сегодня на дворе — январь—93.

— Так как же, Петр Сергеевич, прикажете относиться к вашему прошлогоднему прогнозу? Как к неосведомленности экономиста или как к элементарному популизму политика?..

— Не-ет, здесь все-таки ни то, ни другое. Прогнозируя ситуацию, ожидавшую нас в 1992 году, из чего мы могли исходить? Только из опыта других стран, тоже прощающихся с феодально-социалистической системой и пытающихся перейти к рынку. Напомню, что наиболее удачный опыт финансовой стабилизации был достигнут в Польше и бывшей Чехословакии. К сожалению, степень «капитализации» экономики в России оказалась намного меньшей (и, соответственно, поведение наших госпредприятий — более патологическим), чем в этих странах. Посему и не оправдался мой прогноз о том, что финансовой стабилизации нам удастся достичь через два-три месяца. Теперь, по прошествии года, отчетливо видно уже, почему так не получилось.

— Почему же? Опять оказался «не подготовлен народ»?..

— Дело не в народе, а в том, как ведут себя различные госпредприятия: одни ориентированы на рынок, другие абсолютно не воспринимают его. Ну, сравним хотя бы два известных предприятия — «Люберецкие ковры» и Ижорский машиностроительный завод в Санкт-Петербурге. Если первый пытается все время отслеживать потребности рынка в своей продукции и, в зависимости от этого, выбрасывать на этот рынок все новые и новые товары (то есть ведет активную политику завоевания рынка), то второй действует совершенно не по-

рыночному! Скажем, заводчане отгружают трубы строителям. Те звонят на завод: «Зачем вы нам шлете эти трубы? Мы же у вас их не заказывали». Завод им в ответ: «Ну, вы же у нас всегда эти трубы заказывали. Что вам стоит, примите еще вагон. Мы же должны что-то производить...»

И еще один факт. Дирекция Ижорского завода выпросила у государства полтора миллиарда рублей кредита и тут же пустила его... на зарплату и премии! Ясно, что это предприятие ведет себя как временщик: да, мы проели этот кредит, а что вы с нами сделаете? Чувство безнаказанности позволяло (и сейчас еще иным позволяет) отгружать свою продукцию без какой-либо надежды получить за нее оплату — пусть, мол, правительство само расхлебывает кашу, которую оно заварило.

— Непонятно, на что же они рассчитывают? На бартер, что ли?

— Во всяком случае, не на деньги. Мы уже сталкивались с тем, что предприятие (например, знаменитый АЗЛК) в течение длительного времени отказывалось повышать цены на свою продукцию до уровня рыночных. В частности, этот завод продавал по бартеру микроволновые печи намного дешевле, чем была цена спроса и предложения. Забота о потребителе, о доступности цен здесь ни при чем. Это просто означает, что завод отказывается от восприятия рубля как естественного средства платежа. Его больше устраивает привычная распределительная система.

Вы же помните — были опубликованы данные о том, как предприятия торгуют с разными своими контрагентами по разным ценам: старым

партнерам продают продукцию по одной цене, довольно низкой, новым госпоставщикам и госпотребителям — по другой, вдвое большей, а коммерческим структурам — в четверо большей. Спрашивается: почему же за один и тот же продукт они просят разную цену? Да потому, что для них, оказывается, старые «личностные», распределительные связи куда дороже, чем деньги... И такая антирыночная психология госпредприятий удивительно живуча.

Но сегодня деньги заставляют предприятия переходить на новые, рыночные «правила игры». Иными словами, рубль начал работать, хотим мы этого или не хотим. Между прочим, это подтверждается и данными Госкомстата: за октябрь и ноябрь 1992 года рост производства товаров народного потребления (ТНП) в физическом выражении составил 5 процентов в месяц. Понимаете?! Это же сумасшедший рост! Мы в ноябре вышли на высший уровень 1992 года. При этом рост общего промышленного производства, по данным того же Госкомстата, составил всего 0,5 процента в месяц. О чем это говорит? О том, что началась структурная перестройка в народном хозяйстве. За счет сокращения «оборонки» растет производство ТНП. Это и есть первый результат структурной перестройки: замена производства средств производства производством товаров народного потребления. И соответственно — повышение выхода продукции. Ведь в соотношении «затраты — выпуск» перевес у нас был всегда на стороне затрат: наша экономика всегда была затратной. Последние десятилетия мы могли существовать исключительно за счет инъекции в экономику нефтедолларов. Грубо говоря, мы сажали восемь ведер картошки, а собирали — два; и не будь нефтедолларов, мы давно бы уже «отдали концы»... Так вот теперь тенденция пошла в другую сторону, в нормальную — к человеку.

За прошедший год произошли поразительные события. Главное из которых — это действительно то, что мы пока еще не в пропасти. Но, знаете, не оставляет меня все же какая-то досада: население России, которое буквально за руку отвели от края этой пропасти, не осознало этого! В большинстве своем люди недовольны и просто-напросто поносят того, кто их отвел от пропасти. Егора Тимуровича Гайдара.

Вспомните, что было накануне 1992 года. Мы же находились в ситуации, близкой к ситуации 1918 года. То есть дефицит был такой, что деньги превратились в пустые бумажки. На них ничего невозможно было купить. Останавливался транспорт, останавливались сложные производства... Мы были на грани экономического коллапса. (В свое время Пол Пот в Камбодже отменил деньги — и экономика рухнула. Мы чуть-чуть не привели к такому же эффекту, даже не отменяя денег, а обесценив их.) То,

что Гайдару удалось убедить Ельцина пойти на те весьма и весьма непопулярные шаги, которые затем были сделаны правительством (прежде всего отпуск цен), спасло страну! Однако из десяти наших граждан, идущих по улице, на вопрос: от чего спас страну Егор Гайдар? — девять не могут вразумительно ответить. И мне в этом смысле очень обидно за команду Гайдара.

— Ну вот сейчас, допустим, вы объяснили народу, что от пропасти его отвели. Но люди вас спросят: а что с деньгами? Цены-то, Петр Сергеевич, так кусаются, что...

— Да, вы правы. Но смотрите: мы ушли от фиксированных цен к свободным, так? Однако крайности сходятся. Если цены свободные, если они очень быстро растут, может наступить то, что называют гиперинфляцией. Спорят иногда: что такое гиперинфляция? Сколькo, дескать, это процентов? Десять в месяц? Двадцать?.. Бесмысленный спор. Гиперинфляция, если ее правильно перевести на русский, — это просто... паника. Если наступит момент, когда народ ударится в паническое «бегство от рубля», когда в условиях стремительного роста свободных цен все больше и больше товаров будет выпадать из обращения (когда цены на товары растут ежедневно, какой же смысл производителям их продавать — пусть лежат на складах), тогда нас ждет следующее: зарплату будут выдавать ежедневно, а на миллион рублей невозможно будет купить и коробки спичек. То есть те ужасы, которые пережила Германия. Да и Россия в начале века... Чтобы этого не произошло, надо остановить рост денежной массы.

— Что и делается правительством?

— Делалось. Правительством Гайдара. А сегодня, по-моему, во главе правительства поставлен человек, который этого не понимает. И, конечно, хорошо «помогает» ему председатель Центробанка Геращенко. Как происходит качка рынка «пустыми» деньгами? Очень просто: заместитель Геращенко выписывает «лимитку» — маленькую такую бумажку, даже без водяных знаков, которой предоставляются лишние 100 миллиардов рублей, скажем, Уральскому территориальному отделению Центробанка. И дело сделано: на эти 100 миллиардов прибавилось денег в обращении! Почему он их выписывает? Потому что без них могут просто остановиться некоторые заводы. Значит, банк должен «из воздуха» создать эти миллиарды, чтобы предотвратить банкротство предприятий. А они, предприятия, вместо того, чтобы направить эти деньги на совершенствование производства и увеличить затем выпуск нужной рынку продукции, пускают эти «пустые» деньги на зарплату.

— Но надо же людям ее платить!

— Конечно. Но необходимо, чтобы тот, кто берет в банке кредит, знал: ему придется этот кредит **возвращать**, причем с процентами. Пока это-

го не будет, «пустые» деньги триллионами станут утекать на рынок, вздувать и без того высокие цены.

— Вы считаете, что новый премьер Виктор Черномырдин настроен иначе?

— Конечно. В противном случае он разве выпросил бы в первые же дни своего премьерства у Верховного Совета 200 миллиардов на поддержку своего любимого нефтегазового комплекса? Ведь это и есть как раз те самые «пустые» деньги, которые утекут как в трубу. А ситуация-то элементарная: разве вы дадите когда-нибудь в долг алкоголику? Нет, конечно: он же вам не вернет денег, все опять пропьет... Так же и тут. Деньги надо давать исправным мужикам, которые вернут их с лихвой, да еще и насытят рынок своими товарами.

— По-вашему, новый Кабинет не способен удержать курс реформ?

— Кабинет неоднороден по своему составу. На корабле заменили капитана, оставив механика, рулевого, старпома...

— Что, министры тоже должны были уйти вместе с Гайдром?

— Я бы на месте этих министров, наверное, поступил так же: остался, чтобы сделать все для сохранения плавучести корабля. Нельзя рисковать судьбой целой страны. Надо постараться продолжить линию Гайдара: во-первых, резко ускорить приватизацию (то есть поскорее заменить «алкоголиков» на «справных мужиков»), а во-вторых, перестать накачивать «пустые» деньги в предприятия-«алкоголики».

— А можете еще раз рискнуть с прогнозом: что будет в 1993 году?

— Уверен: мы будем хотя и медленно, но все же продвигаться по пути реформ. Балансируя на грани гиперинфляции. Создавая умеренный дефицит денег, но побуждая предприятия к структурным перестройкам.

— Какую роль будет играть Верховный Совет?

— К сожалению, только роль гири на ногах реформ. Его состав резко ухудшился после ротации на VII съезде: доля сторонников реформ сегодня в ВС не составит и трети его членов.

— И что лично вы, депутат Филиппов, намереваетесь предпринять?

— Лично я? Борюсь. Как та лягушка, которая дрыгала лапками и превратила молоко сначала в сметану, а потом — в масло. Один из конкретных путей — то, чем я как раз сейчас занят: организацией в рамках ВС стройной системы лоббирования реформаторских предложений и законопроектов. Чтобы наши эксперты отслеживали готовящиеся законы с самого начала разработки и до момента окончательного рассмотрения на заседаниях ВС. Для этого необходима нам отлаженная система в рамках парламентской Коалиции реформ, организационная и финансовая база для квалифицированной работы экспертов. Чего раньше у «демократов» не было. Теперь, надеюсь, будет.

Григорий КРОШИН

ПРЕДПРИЯТИЕ ИЗГОТОВИТ

ПЕЧАТИ И ШТАМПЫ

ищем посредников
продажа технологии
под ключ
продаем
бильярдные столы
Тел. 208-63-34
Факс: 208-03-63

Наклейки

отличного качества

по низким ценам

2-цветные — 1 кв.см — 30 коп.

3-цветные — 1 кв.см — 35 коп.

Визитные карточки
1- и 2-сторонние.

Тел. 921-44-91

13—14 февраля
состоится семинар

ШАГ-1

Ведущий — Евгений Шолкин
(Россия)

Е.Шолкин практикует технику Свободного Дыхания. Семинар включает в себя как теоретические, так и практические занятия. (Инф. в 5-м номере журнала «Путь к себе» за 1992 год. Статьи о технике Свободного Дыхания публиковались в 12-м, 14-м, 15-м и 16-м номерах журнала за 1991 год.)

Ориент. стоимость — 1500 руб.

Время: с 10.00 до 22.00.

Телефон для справок: 975-40-68

ЧАСТНЫЕ ОБЪЯВЛЕНИЯ

Авторадиаторы, срочный ремонт с гарантией.

Тел. 445-43-54.

Меняю 3-комнатную квартиру (Дегунино) и 2-комнатную (г.Долгопрудный) на съезд.

Тел. 928-22-74 (днем).

Куплю комнату.

Тел. 475-26-38.

Куплю комнату.

Тел. 281-97-17.

Куплю комнату.

Тел. 290-04-12.

ОПТОВАЯ ПРОДАЖА СО СКЛАДОВ В МОСКВЕ:

— товары народного потребления в широком ассортименте;

— кожаные изделия;

— ксероксы формата А3;

— кетчуп;

— лук;

— фруктовые сиропы;

— спирт;

— сигареты.

Тел.: (095) 259-22-42

259-17-79

259-70-82

Факс: (095) 259-22-42

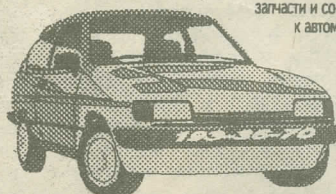
АВТОСЕРВИС

ВНИМАНИЮ ОРГАНИЗАЦИЙ
И ЧАСТНЫХ ЛИЦ!

Предлагаем следующие услуги:

- сход-развал;
- слесарный ремонт;
- кузовной ремонт;
- кап. ремонт двигателей ВАЗ;
- окраска.

Принимаем на комиссию и под реализацию запчасти и сопутствующие товары к автомобилям всех марок.

Требуются специалисты по кузовным работам и окраске машин.

Имеются в продаже

ИНОМАРКИ

За интересующей информацией обращаться ежедневно с 9 до 18 часов по тел.

193-36-70

ТВЕРСКОЕ ПИВО

Пиво имеет повышенное содержание алкоголя, высокую плотность и увеличенный срок хранения.

АО "Тверьпиво" предлагает оптовые и мелкооптовые регулярные поставки

"Тверского темного" и "Тверского светлого"

ПИВА, разрешенного к торговле в коммерческих палатках.

Условия поставки - самовывоз из Москвы.

Цены умеренные, количество любое.

Тел. 231-54-00

233-30-10

ВНИМАНИЮ ЗАРУБЕЖНЫХ ЧИТАТЕЛЕЙ!

Редакция еженедельного журнала
«СТОЛИЦА»
объявляет подписку на 1993 год

По вопросам подписки обращайтесь непосредственно в редакцию по адресу:
101425, Москва, ГСП, К-51, Петровка, 22.

Телефоны: (095) 928-23-49, 928-27-69.
Телефакс (095) 921-29-85.

Стоимость подписки за 1 номер:

Европа: 2,68 USD (обычной почтой), 2,98 USD (авиапочтой);
США, Канада, Израиль, Япония: 2,98 USD (авиапочтой).

Редакция гарантирует рассылку журналов из Москвы в день выхода.

NAME _____

ADDRESS _____

TOWN/CITY _____

POSTCODE _____ COUNTRY _____

13 weeks 26 weeks 52 weeks

Please find enclosed my cheque in favour of STOLITSA WEEKLY

I will pay to your bank account with THE BANK FOR FOREIGN ECONOMIC
AFFAIRS, Moscow, Russia. ACCOUNT NUMBER: 59870531

SIGNATURE _____

Пожалуйста, пошлите этот купон и денежный чек
(или копию платежных документов)
по нашему адресу: 101425, Москва, ГСП, К-51, Петровка, 22. «Столица».

...Не очень хочется употреблять чужеродное выражение «паблик рилейшнз», но от его русского эквивалента «связи с общественностью» веет чем-то совсем уж затхлым. Так что воспользуемся пока сокращением — ПР (мы ведь их любим — сокращения).

Когда два года назад наших политиков и бизнесменов опрашивали, что такое ПР, то 97 процентов из них пожимали плечами. Статистических данных на сегодня еще нет, но, во всяком случае, можно утверждать, что многие граждане, овладевшие «новым экономическим мышлением», стали придавать значение публичному образу (или имиджу, будь он не ладен) своих фирм и контор.

Надо сказать, что пока не всякий русский бизнесмен видит существенную разницу между традиционной рекламой и ПР. Типичные образчики такой путаницы мы имеем счастье ежедневно наблюдать на экране. Сладостное, с придыханием произнесение

ЗА СВЯЗЬ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ — БЕЗ БРАКА!

названий бирж и банков вряд ли способствует популяризации их деятельности среди широких масс нервного нашего населения. Все-таки речь идет не о шоколадках «Марс».

Поэтому проведенный недавно семинар «Системы связей с общественностью» привлек внимание как предпринимателей, так и прессы. Достаточно символично, что проходил он на бывшей Выставке достижений народного хозяйства.

«Особенности работы в России» назывался доклад заместителя председателя «Дойче банка» Вольфганга Зимона, и, в общем-то, таким особенностям, «российской стати», был посвящен весь семинар.

Генеральный директор Промышленно-торгового дома «Станкоинструмент» Юрий Петрович Сегиенок расска-

зывал мне в приватной беседе во время перерыва, как его немолодым сотрудникам, бывшим чиновникам из министерств, сейчас приходится посещать регулярные занятия по ПР. «Люди просто понимают, что это часть их работы в новых условиях».

Но то предприниматели. Политиком ПР необходимы не меньше. Об этом на семинаре говорил заместитель премьера правительства Москвы А.П.Брагинский.

У наших самых «поднебесных» руководителей уже завелись, как известно, имиджмейкеры, но, по идее, любой человек, рассчитывающий на серьезную политическую карьеру, должен иметь в своем штате специального консультанта по ПР. Которого опять-таки многие путают с пресс-секретарем. (Кстати, подозреваю, что такой человек есть у Жири-

новского. Или Владимир Вольфович просто талантлив?) Однако политики у нас учатся дольше бизнесменов. Или вообще не учатся. Можно было бы сказать, что это их проблемы, но, к сожалению, они еще и наши.

...А вот для вас, на закуску, неплохой пример наших ПР. Настоящих. Один очень уважаемый московский коммерческий банк, названия коего не упомяну, дабы не обвинили в косвенной рекламе, ведет тонкую и продуманную политику в области ПР — на то есть там специалисты. Названия банка вы не встретите ни в метро, ни в телевизоре после «Новостей». Свою добрую репутацию у общественности он завоевывает целенаправленными и точными действиями. То хорошую живопись приобретет — выставку устроит, то назначит ежемесячную прибавку к пенсии старушкам своего района. Паблик рилейшнз, господа!

Алексей БЕЛЯКОВ

ДЕЛЬФИН И КУРОРТНИК — ОНИ, ЕСЛИ ЧЕСТНО, — НЕ ПАРА

В городе Геленджике долгое время особой популярностью пользовался плавательный бассейн «Нептун». Здесь даже после окончания курортного сезона всегда было полно отдыхающих и местных жителей. Морская вода с подогревом — почему бы не продлить купальный сезон?

Однако, похоже, купание в бассейне придется отложить до лучших времен. Из-за нехватки средств бассейн «Нептун» приспособили под дельфинарий. Дельфинам воду подогревать не надо — неприхотливы они, не то что избалованные курортники.

А люди? Где теперь заниматься лечебной физкультурой на воде? Где учить малышей плаванию? Может, организовать совместное купание с дельфинами — администрация не против.

Дельфины, конечно, не аку-

лы. Но желающих поплавать вместе с этими умными существами в городе пока не находится...

Дмитрий ЕРМАКОВ

ЗА ЦЕНОЙ НЕ ПОСТОИМ...

То, что произошло в городе Туапсе на открытом конкурсе по продаже предприятий бытового обслуживания, никак не укладывается в голове. На этом аукционе парикмахерская № 6 оценена в 337 рублей и продана за эту же сумму. Невероятно, но факт. Цена за парикмахерскую оказалась даже ниже, чем входной билет на аукцион — он стоил 500 рублей.

Местные эксперты полагают: стоимость стрижки в столь дешевом заведении, видимо, будет, как и в «брежние» времена, невысокой — копейки пятьдесят.

Евгений ДМИТРИЕВ

...А ЗА ВОДОЙ — ДРУГОЕ ДЕЛО

Трудности с обычной водой наблюдаются нынче не только в Сахаре. Например, в Чите воду дают ночью с 24.00 до 3.00. Поэтому весь город ходит невыспавшимся. Днем воду можно получить только на заводах, где она уже стоит денег: на ремонтно-механическом, например, плата составляет пять рублей с человека. Люди благодарны и за это — ведь можно было назначить «таксу» и за литр. «Отоварившемуся» водой выдается квитанция с печатью.

А в близлежащем Агинском Бурятском автономном округе люди ходят мыться в котельные. Очереди выстраиваются с утра, как в баню. Особой популярностью пользуется котельная местного кинотеатра. Цены божеские — 10 рублей с носа.

Тимофей СЕРГЕЕВ

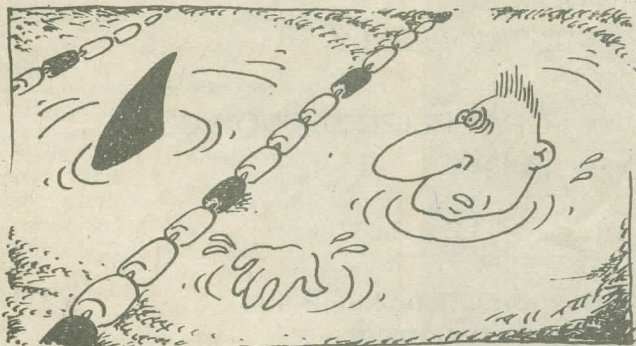

Рис. О. Разиной

100 ТЫСЯЧ ЗА ОСКОРБЛЕНИЕ

Четверть миллиона запросил с еженедельника «Молодость Сибири» житель

Новосибирска Н. Дело в том, что несколько месяцев назад газета опубликовала снимок, на котором истец запечатлен в обнаженном виде. Вопрос о нанесении морального ущерба рассматривал Кировский районный суд Новосибирска. Еженедельник был признан виновным. Редакционная казна уменьшается, правда, не на четверть миллиона, а на 100 тысяч. Теперь на страницах «Молодости Сибири», наверное, будут публиковать только женские фотографии. Пред-

ставительницы прекрасного пола в таких случаях в суд не обращаются.

П. М.

Я ВАУЧЕР ВЗЯЛ БЫ ТОЛЬКО ЗА ТО...

Как это нет пользы от ваучера? Скандал разразился в Рыльском районе Курской области. Оказалось, что здесь приватизационные чеки не могут получить ни много ни мало четыреста пятьдесят человек — нет у них паспортов. Как нет? А вот так! Сколько лет жили без них — статистика не замечала. И с паспортным режимом по отчетности все было спокойно. Словом, спасибо, господин Ваучер! Благодаря тебе народонаселение области увеличилось на целый колхоз.

Дмитрий ЦУКАНОВ

С УМНЫМ ЧЕЛОВЕКОМ И ПОГОВОРИТЬ ПРИЯТНО

Газета «Воронежский курьер» получила интервью

от советника главы администрации области по вопросам политики П.Кабанова. Советник взял интервью у самого себя. Ответственный товарищ сам ставил перед собой важные вопросы и сам же на них отвечал. Редактор газеты все это дело опубликовал. Но предварил только одним вопросом: «Вы считаете нормальным подобные взаимодействия государственного чиновника и прессы?» На что советник ответил: «Интервью было написано мною не конкретно для вашей газеты, а для пресс-службы областной администрации. В какую газету оно будет передано, решалось не мной».

А вообще-то тот текст весьма занятен. Ученый-историк, бывший комсомольский работник, в частности, особо подчеркнул роль своей личности в истории: «Я способствовал развалу комсомола».

Владимир ПРОТАСОВ

И МИЛИЦИИ БОИТСЯ ВСЯ КИТАЙСКАЯ СТРАНА

Надо отметить, что российские жулики не довольствуются уже примитивным

отъемом товаров и ценностей. В свое дело они пытаются внести максимум творчества, выдумки и юмора. Например, в Хабаровске нынче в моде отбирать товары у китайцев и корейцев, но не при помощи кулака, а по предъявлению удостоверения. На иностранных граждан цвет корочек и строгие лица действуют как взгляд удава на кролика. Гости отдают то-

вары и благодарят судьбу, но настоящие стражи порядка очень забавляются, изымая грозные удостоверения, среди которых есть даже «удостоверение алкоголика».

Сергей ТЕПЛЯКОВ

ОЧЕНЬ ЛИЧНОЕ МНЕНИЕ

Если бы я был Ельцин... или, скажем, Черномырдин... слава Богу, я не они, но предположим, хоть это и трудно. Я бы разогнал большую часть экономических советов, комиссий и т.п. и организовал бы вместо них шарашку. Натуральную, за колючей проволокой, с вышками. Собрал бы туда эзков, сидящих за экономические преступления. Не всех, конечно, — некоторых, выдающихся, умеющих работать масштабно и с фантазией. Приносил бы им на прочтение проекты законов, указов, телеграмм Центробанка и т.д. И задавал бы один и тот же вопрос: представьте, что этот закон принят, указ подписан, телеграмма разослана — ваши действия? С учетом их комментариев закон, указ и т.д. корректировать — и только после этого принимать.

Илья РАСКИН

ЕСЛИ БЫ Я БЫЛ ЕЛЬЦИН

Вы скажете: ну да, как же, станут они работать против своих! Конечно, кто-то не станет. А кто-то и станет — при одном, правда, условии. Работа квалифицированная, платить надо хорошо — миллионы. В валюте, естественно. И пусть, отсидев срок, определяются куда угодно, получают свои миллионы в любой точке земного шара и делают с ними что хотят. В любом случае сэкономить на этом можно миллиарды — той же валюты, не говоря о

деревянных.

Отчего мне пришла в голову такая фантазия? Каждый раз, когда слышу об очередных махинациях и хищениях в гомерических масштабах (вроде фальшивых авизо), возникает вопрос: а кто же такой умный создал условия для эдакой малины? Законодатели? Исполнители? Эксперты? Все вместе? Кто-то еще? И что тому виной — глупость ли, разруха ли российская (которая, согласно М.Булгакову, в головах)? Хо-

рошо еще, если так (хотя, конечно, ничего хорошего). Не могу, однако, избавиться от мысли (беспочвенной, конечно), что шарашка давно работает всюю — и не по ту, а вовсе даже по эту сторону колючей проволоки — и имеет право голоса, что у законодателей, что у исполнителей, что у экспертов. Как-то уж больно вовремя у нас принимаются те законы, от которых никому ни жарко ни холодно, а те, что нужны позарез, — ну, никак. А те, что вдруг оказались приняты, — как-то так приняты, что их объехать раз плюнуть. И исполнители хронически оказываются не вполне дееспособными. Так отчего бы не расколоть фронт противника, не попросить господ экспертов поработать на благо отчизны?

Шутка, конечно.

Для нас экология и охрана природы — понятия синонимичные. Хотя очевидно, что здоровье наше — и физическое и душевное — зависит не только от чистоты воздуха и прозрачности воды. Важен внешний вид улиц, важны звуки города, запахи магазинов. Словом, экология не в смысле «солнце, воздух и вода», а экология как наследие, экология как среда, как быт, как уместность, наконец, — вот тема нашего интервью с Юрием Александровичем ВЕДЕНИНЫМ, директором НИИ культурного и природного наследия.

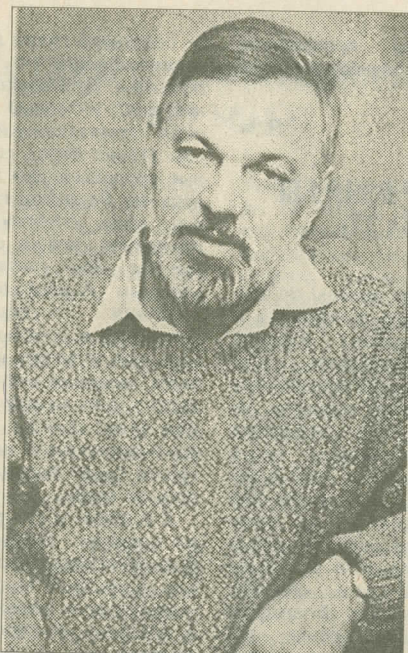

Фото В. Шишова

МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ

— Юрий Александрович, я вас давно искал.

— Правда?

— Да. Уже несколько лет. То есть не конкретно вас, а человека, который бы понимал слово экология так же, как и я. Для которого бы в это понятие входила не только охрана природы, но и домов, планировки, говора, традиций — словом, всего, что окружает человека. Помоему, бездарно спланированный квартал — не менее болезненный фактор, чем, например, содержание озона в озоновых дырах.

— Да-да. Понятие экология эволю-

ционировало. Поначалу оно вообще не было связано с людьми. Экология занималась исключительно условиями существования растений и животных. Затем уже возникла экология человека, ее предметом стала среда обитания людей. Конечно, нужно сохранять леса и реки, но ведь нас окружает не только природа. Это и социальная среда, и культурная среда. Это и соседи, и жители своего города, и приезжие — ведь человеку будет хорошо только среди тех людей, с которыми ему уютно и комфортно. Сегодня же мы все живем в огромном дискомфорте, и это, конечно, связано не только с загрязненностью природы.

— Значит, мы с вами понимаем слово экология одинаково?

— В нашем институте пользуются другим словом — «наследие». Экология — термин, устоявшийся в несколько ином смысле. А наследие для нас — нечто определяющее самобытность и разнообразие культурной и природной среды обитания человека. У нас работают искусствоведы, экологи-природоведы, социологи, экономисты, картографы. Только объединившись, мы можем изучать среду во всем ее многообразии. И сохранять. Ведь без наследия, истории жизнь не может быть полноценной.

— Значит, вы занимаетесь только прошлым, а сегодняшние дополнения к пейзажу, реклама «Кока-Колы», например, как бы и не входит в вашу компетенцию?

— Нет, почему же... Во-первых, между прошлым и настоящим невозможно провести резкую границу. Никто не назовет тот возраст, после которого предмет считается не современным, а старым. И во-вторых, хотя мы и концентрируем свое внимание на изучении прошлого, для нас очень важно, как его сохранять и использовать. Обычно охрану связывают с музеефикацией.

— И даже с некой мумификацией.

— Наверное. Но прежде всего наследие — это часть современной жизни. И нас волнует включение его в живую среду.

— То есть вывеска «Кока-Кола» вполне может появиться на памятнике XVIII века?

— А почему бы и нет? Ведь памятник жил в девятнадцатом веке, жил в начале двадцатого, на нем появлялись какие-то таблички, рекламные щиты. Не следует быть консерватором, просто все нужно делать с умом.

— По-вашему, и на старых улицах уместны современные дома?

— Конечно. Больше того, они необходимы. Я приведу два примера. Один — иностранный, другой — наш.

Первый пример — это Оксфорд. Старинный университетский город, сохранивший свои функции до сегодняшнего дня. Там множество школ, колледжей, институтов. Город, конечно, растет, развивается, появляются новые здания, новые колледжи. Но, тем не менее, в нем остается старый уклад, антураж, обычаи и традиции. Возможно, что-то и покажется сейчас смешным, но, тем не менее, все это вписалось в современную жизнь Оксфорда и делает его неповторимым.

А второй пример — Суздаль. Он был городом монастырей и интереснейших традиционных промыслов. Но монастыри позакрывали, промыслы уничтожили. Город убили, его исклю-

чили из жизни. И стали, по сути, на старом месте формировать новый организм, некое туристское шоу. В монастырях разместили туристские павильоны. И Суздаль стал лубочным, искусственным городом.

Конечно же и в Оксфорд приезжают путешественники, даже приносят немалый доход. Но туризм не является главной функцией этого города.

— И что же, в Москве совсем не должно быть мест, оберегаемых от нового строительства?

— Нет, многие районы Центра должны стать заповедными. Например, Замоскворечье.

— Вместе с улицей Осипенко и трубами электростанции?

— Конечно. Ведь это — памятник промышленной архитектуры определенного времени. Если бы стоял вопрос о постройке там подобного сооружения сейчас, я был бы против. Но раз уж она есть, и была почти столетие... По-моему, и гостиницу «Россия» тоже нужно оставить. Ведь и это — своего рода памятник шестидесятых годов, памятник своей эпохи, своей культуры.

Впрочем, охранять нужно не только здания. И говор, и традиции, и даже сами коренные москвичи — тоже объекты нашего наследия.

— А как быть с отрицательными на первый взгляд, но весьма устойчивыми московскими традициями? Например, с расклейкой объявлений на столбах, стенах и автобусных остановках?

— Раз объявления клеют, значит, это удобно, значит, они должны быть. И они — часть среды обитания. Сам я, как старый москвич, к ним привык. Но можно понять и «отцов города», которые должны следить за чистотой. Они устанавливают специальные доски...

— Которые, как правило, пустуют. А в двух шагах — все в бумажках с телефонной бахромой.

— Значит, не там устанавливают. Не учитывают потребности обывателей. То же самое происходит и с пешеходными дорожками. Когда их прокладывают в одном месте, а люди продолжают ходить совершенно по другому пути.

— И как быть?

— С дорожками выход нашли. Когда благоустроили Васильевский остров в Петербурге, в первую очередь сделали его зимний аэрофотоснимок. И дорожки проложили с учетом тех тропинок, которые протоптали горожане — на снегу все очень хорошо было видно. Наверное, подобный подход должен быть и в случае с объявлениями. Следует установить специальные доски там, где и так объявления вешают. На ав-

Фото ИТАР — ТАСС

тобусных остановках, например.

— Однако сейчас появляются новые остановочные павильоны импортного производства, на которых написано «с нами и ждть приятно», но при этом там нет урн, малюсенькая скамейка, изготовленная к тому же из металла — самого холодного материала, совершенно не подходящего к нашему климату. А наклеенный лист бумаги смотрится предельно безобразно. Ведь стены прозрачные, и все вымазанное клеем «изнанки» — на виду.

— Вот мы и вернулись к экологии. К среде, в которой мы живем. И видим, что она чаще всего отвечает не нашим потребностям, а потребностям «отцов» города, руководителей ГАИ...

— Но ведь их не переделать.

— Переделываться надо взаимно. Нужно формировать и культуру обывателя, и культуру администрации. Ведь и те и другие — продукт одной системы, одной эпохи.

— Кстати, насчет эпохи. Принято считать, что Москву ломали только при советской власти. Но ведь разрушения были всегда, и, по-моему, Константин Тон гораздо больше навредил Кремлю, чем Михаил Посохин.

— Конечно, можно вспомнить и рубеж девятнадцатого-двадцатого

веков. Тогда разрушались сады и усадьбы и на их месте появлялись огромные по тем временам доходные дома. Процесс разрушения наследия шел постоянно, без этого не обходится ни один город. Но я не согласен с людьми, которые разрушениями прошлыми оправдывают разрушения сегодняшние. Нельзя сравнивать наше современника с человеком девятнадцатого и тем более восемнадцатого века. Они, по большому счету, не ведали, что творили. Ведь проблемы охраны природы, искусствоведение как наука стали появляться в России сравнительно недавно, лет сто назад.

— И последний вопрос. Какой вы видите в своих мечтах Москву двухтысячного года?

Тот год будет тяжелым. Слишком мало времени осталось. Разруху в городском хозяйстве к тому моменту не удастся преодолеть. Приватизация жилья окажется очень болезненной. Ведь приватизироваться будут не маленькие коттеджи, а монстры, ориентированные как раз на тоталитарный режим. Перевести продукты одной системы в другую очень сложно.

Я очень хотел бы ошибиться, но, на мой взгляд, все это хотя и грустно, но естественно.

Алексей МИТРОФАНОВ

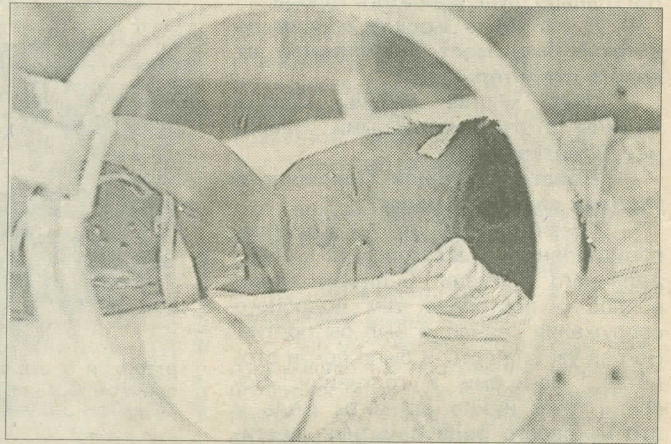
Жить будут все. Даже недоношенные

Впервые в России выходили новорожденного весом 680 г. А с 1 января 1993 г. младенец с весом 500 г. признается ребенком, подлежит реанимации и выхаживанию. В России вводятся международные критерии.

До сих пор новорожденный с таким весом у нас назывался плодом и не имел, по сути, права на жизнь. Он мог быть признан ребенком, лишь появившись на свет на 28-й неделе беременности весом не менее 1000 г. А на Западе выхаживают малышей 22 недель от роду весом чуть более 300 г.

По прогнозам, в связи с переходом к международным критериям формальный показатель детской смертности на 1000 родившихся может возрасти с 17,4 до 25. Ведь младенцы, которые не считались детьми, так и погибали неучтенными статистикой. Зато сколько же маленьких россиян может быть спасено!

Мой собеседник — Татьяна Алексеевна Семенова, главный врач городской больницы № 8 Москвы (а по сути, единственного в России перинатального центра для выхаживания недоношенных детей). Именно там врачи выходили 680-граммового малыша.

В специальных кюветах, где поддерживаются «теплые» условия, недоношенные дети иногда находятся до 4 месяцев

— Татьяна Алексеевна, пока это уникальный случай в нашей стране. Ведь, по статистическим данным, из года в год растет число патологических родов, перевалившее пятидесятипроцентный рубеж. Меньшими темпами, но все же растет и детская смертность.

— Да, около 90 процентов детской смертности приходится на недоношенных детей.

— Почему же, несмотря на снижение рождаемости в России, количество патологических родов не уменьшается?

— Это в значительной мере обусловлено экологической ситуацией в стране. Если раньше считались основной причиной преждевременных родов, допустим, предшествующие аборт, то сегодня это и экология, и заболевания супругов, в особенности женщин. Такие хронические вирусные инфекции, как цитомегаловирусная, токсоплазмоз... Наблюдения показывают, что процент здоровых беременных женщин не превышает 30. И, безусловно, не следует забывать об отголосках Чернобыльской катастрофы. Сейчас мы изучаем эту проблему в сотрудничестве с нашими кафедральными научными работниками.

Сегодня профилактикой преждевременных родов занимаются на кафедрах — госпитальной педиатрии академика РАМН Таболина В.А., акушерства и гинекологии лечебного факультета профессора Макарова О.В. Российского медицинского университета и неонатологии профессора Володина Н.Н. Центрального института усовершенствования врачей.

Это единственное объединение специализированного профиля, существующее в России. Мы занимаемся проблемами преждевременных родов, выхаживания недоношенных детей с массой тела,

начиная от 800 граммов, вопросами лечения невынашивания беременности, мужского бесплодия — как мужского, так и женского, сексуальных расстройств, искусственного оплодотворения и лечения гинекологических больных.

— Как работает система «жизнеобеспечения» недоношенного ребенка?

— С момента рождения он проводит 4—5 суток в особых «тепличных» условиях реанимации и детского отделения родильного дома, где идет постоянная борьба за его выживание, требующая специального оборудования, медикаментов, специальных знаний и своего рода подвижничества от персонала.

— Заместитель министра здравоохранения России Н.Н.Ваганов сказал, что стране нужны как минимум 84 таких перинатальных центра. Но не станет ли непреодолимой преградой для их создания отсутствие необходимого оборудования?

— 80 процентов инвалидов детства — это плохо выхоженные недоношенные дети. Это дети, которые нуждаются в особых условиях и в специальном оборудовании с момента своего появления на свет.

Наше отделение реанимации недоношенных детей может работать и работает только на импортном оборудовании. Вся аппаратура этого плана, выпускаемая по конверсии нашими предприятиями, пока что, к сожалению, совершенно неприемлема.

Зарубежное оборудование мы получили в свое время централизованно. Оно находится непрерывно в рабочем состоянии в течение 8—10 лет. Даже при самом бережном отношении оно постепенно выходит из строя.

А на сегодняшний день мы не получили ничего нового, в том числе и для отделе-

ния реанимации. По проекту в новый родильный дом нам должны были быть поставлены финские кровати для новорожденных. Однако если раньше они стоили по 110 рублей, то теперь каждая стоит 7,5 тысячи долларов. И мы были вынуждены переехать в новый роддом со старыми и весьма изношенными.

Как и во всех лечебных учреждениях, у нас дефицит медикаментов. Нет самого главного препарата для выхаживания недоношенных: сурфактанта, который имеют все страны мира, не говоря уже об одноразовых комплектах белья и прочих «мелочах».

— Несмотря на трудности, у вас, по многочисленным отзывам, «любят беременных», очень внимательный и квалифицированный персонал.

— Пока никто из наших сотрудников не ушел в медицинские кооперативы.

— Как вы относитесь к платной медицине?

— Вся наша медицинская помощь оказывается бесплатно. Частично платные услуги есть только в консультации «Семья и брак». Мне кажется, что за рождение недоношенного ребенка брать деньги с несчастных родителей грешно. Напротив, нужно компенсировать им дальнейшее лечение ребенка. Говорят, что нас спасет страховая медицина. Не верю. Мы не готовы к ней. Как могут платить предприятия, большая часть которых — банкроты? А самому незащищенному слою — студентам, женщинам, в наше тяжелое время отчаивающимся рожать повторно, — кто будет оплачивать медицинскую помощь?

На мой взгляд, платное родовспоможение вообще неприемлемо. Нельзя решать проблемы лечебных учреждений за счет матерей и детей.

Александр ВЕЛИЧКИН

ВОСХОЖДЕНИЕ НА ВШИВУЮ ГОРКУ

Человеку медлительному, вдумчивому поверить в торжество справедливости — на фоне происходящего — очень сложно. Человек этот не падает в обморок от происходящего только потому, что принимает меры предосторожности: радио-телевидение слушает выборочно, а проходя мимо окваказанных торговых точек, глаза опускает долу. К таковым принадлежу и я. То, что я вижу, это не жизнь. Это плохенькое, скудоумное подражание жизни. Состряпанное в большой спешке, это подражание так и зовется к Зоценко, Ильфу и Петрову. Половина коммерческих ларьков маскируется под торговые фирмы с такими, например, названиями: «Пилат» или «Кит»... Проходя мимо «Пилата», я невольно задаюсь вопросом, к чему бы это? Известно, что сей исторический деятель страдал головными болями. Может быть, здесь торгуют болеутоляющими средствами, к примеру, топорами? А может, тут проводят с клиентами философские беседы на тему добра и зла и поступают с ними, как поступил Пилат со своим тощим собеседником? Не знаю, не знаю...

Проходя мимо малого предприятия «Кит», я неизменно прочитываю «ТИК». Вот именно — тик! Для меня все эти странноторговые точки со штанами и тапочками, напитками и бананами так и проходят, как глобальная операция под кодовым названием «Тик». Кому-то, наверное, очень надо, чтобы подавляющее большинство голодающего населения страдало еще и от этой незаметной, но крайне неприятной досады: подергивания щеки, века, а то и головы. Поневоле побежишь к «Пилату».

Какой у нас сейчас капитализм: акулий или еще какой? — спрашивает любознательный телезритель у словообильного политика. Тот крутит-вертит, валяет дурака... А я бы, спроси меня, ответила сразу: обезьяний. Достаточно припомнить вошедшие в моду штаны-трусы с пальмами на сиделке или манеры телеведущих (остроумно обобщенных Новодворской как интердевочки от идеологии). Сплошной «бомонд»!..

Но есть совершенно особая группа названий. Это вполне нормальные и понятные слова (правда, они сильно отклоняются в сторону преувеличения своих заслуг перед добываемым отечеством). Есть в этих названиях нечто гоголевское, гордо-возвышенное, вверх устремленное. Здесь — Воскресения, Восхождения и Возрождения. Занимается малое предприятие штамповкой лаковых брошей, эксплуатируя за рваный трешник целый невольничий рынок женщин-расписанщиц, сколачивает ли гробы для нищих людей за бессовестную цену, а именуется не иначе как «Воскресением». Или подвизается, к примеру, на продаже низкопробной эротической и недалеко от нее ушедшей детективной литературы, а ту-

да же — «Восхождение»!

А не на вшивую ли горку все эти восхождения?! Никаких других высот и возвышений в окрестностях Москвы не обнаружено.

Москва

КУДА ДЕВАТЬ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЮ? РАСПРОДАТЬ ЕЕ ПО ДЕШЕВКЕ!

Давным-давно, когда я проходил срочную службу в рядах доблестной Советской Армии, служил вместе с нами один молодой кубанский казак. Был это розовощекий, дышащий богатырским здоровьем, рослый малый. И частенько, без всякого злого умысла и без желания кого-нибудь обидеть, он, обращаясь к нам, москвичам, говорил: «Вот почему вы все такие худые и бледные, а я такой здоровый и крепкий?» И тут же отвечал на свой вопрос: «А все оттого, что вы слишком много книжек прочитали. Я вот ни одной книги не прочитал, оттого и здоровее вас! Книжки — это вред для здоровья!» Возможно, он был по-своему прав.

Недавно по телевидению показывали репортаж с какой-то там биржи труда. Оказывается, огромное большинство всей массы безработных у нас теперь составляет интеллигенция! Кому она нужна в таком количестве! Технари еще куда ни шло. Они все же как-то ближе к материальному производству! А вот там всякие естествоиспытатели, вроде ботаников или полеонтологов, а тем более гуманитарии — кому они сейчас нужны? Какая от них польза? Хотели в свое время показать, что мы страна поголовной грамотности, что у нас самая читающая публика! Кому и что мы этим доказали?

В России разве что Петр I и Екатерина II ценили работников умственного труда и даже таковых приглашали из Европы. Но это исключение из правил. К тому же интеллигентская среда в России всегда таила в себе опасность. Не следует забывать, что из нее вышли такие отчаянные бунтари, как Герцен, Чернышевский, да и сами большевики.

Теперь у нас настало такое время, когда предпочтению отдается деловым людям, когда все продается и покупается. И я подумал, что для интеллигенции тоже есть выход из положения. Ее, интеллигенцию, можно с выгодой, и немалой для государственной казны, распродать за границу. Устроить эту самую грандиозную всемирную ярмарку-распродажу, что-то вроде аукциона. Маститых ученых можно будет сбавить, например, в Сорбонну или в Оксфорд. А всяких там научных сотрудников да инженеров распродать по дешевке в слаборазвитые африканские или азиатские страны. Не продать, так сдать в долгосрочную аренду до лучших времен.

Одновременно государство избавится от вредного явления, именуемого «брожением умов». Потому что тогда бродить уже в России будет нечему. И

М.АВВАКУМОВА

тогда про наше общество, как про того молодого кубанского казака, можно будет сказать: «Здоровый дух в здоровом теле».

В.ДЕГТЯРЕВ

Москва

ПРИЖАТЫЕ КРАСНОЙ ДУГОЙ

Много сейчас говорят о мрачных годах советской власти, об ужасах большевизма, о том, что и хорошего-то ничего в это время не было. Никак нельзя согласиться с этим утверждением. Все-таки что-то осталось.

Возьмем, к примеру, московское метро. Разве плохое? Теплота и уют станций «Боровицкая» и «Чеховская», мрачная средневековость «Новокузнецкой», помпезность «Проспекта Мира», величественность и красота «Маяковской»...

Но самая потрясающая станция — «Площадь Революции». Еще в детстве я с ужасом разглядывал эти многотонные бронзовые фигуры. И всегда удивлялся: почему все люди там согнуты, сгорблены, как будто придавлены дугами арок из красно-коричневого мрамора. Типажей не много — они часто повторяются. Все фигуры смотрят друг на друга с крайним подозрением, как будто уже сочиняют донос. Станция открыта в 1938 году.

Гениальный архитектор! Обратите внимание — все задавлены, все согнуты и только фигурки детей стоят прямо. Нет ли тут великого смысла? Ведь возраст детей здесь примерно 3—5 лет, значит, этим людям сейчас около 60. И они дожили до дня, когда можно наконец распрямиться. Можно, но не все захотели ходить прямо, как будто поза родителей, осужденных вечно стоять на коленях или в согнутом состоянии, передается детям и застыла уже не в бронзе, а в сознании.

Неужели архитектор станции, рисовавший проект под треск выстрелов красных карателей, отважился выразить свое восприятие революции в этих мрачных фигурах? Сейчас этого никто не узнает. Как у Чуковского в «Тараканище». Можно представить, какого усамого карлика имел в виду Корней Иванович, но имел ли он его действительно в виду?

В любом случае станцию метро «Площадь Революции» нужно охранять как яркий памятник истории России. Пройдет какое-то время, и несчастные, забытые, запуганные людишки, снующие со своими кошельками между бронзовыми истуканами, вдруг осознают истинный смысл этого многопудья. И, может быть, воспитанные, хорошо одетые дети будут разглядывать зверские или тупые лица этих фигур и потом писать в школе сочинения на тему: «Массовый психоз при ослеплении идеей». Или: «Трагические последствия гражданской пассивности населения, запечатленные в металле».

В.КУЗНЕЦОВ

Москва

Красная
площадь

72. Москва. Красная площадь. Исторический Музей и Верхние ряды.
Moscou en hiver.

Москва. Зима
Начало века
Открытки
из коллекции
И.И. Перкина

«Ты появишься из снега...»

Москва. — Храм Христа Спасителя.
Moscou. — Cathédrale de St. Sauveur.

Русская зима — белое с красным. Белый снег, и красная клюква, и красные щеки — эх!

Кровь с молоком.

Курсисточка — ручки в муфте. Прохожий — котелок на уши. Шуба — большая и теплая, городской — большой и важный. Да санный скрип — вместо колесного скрежета.

Зима — время Москвы.

А поездки за город на тройках, а объяснения в любви на катке, а луна над заснеженным куполом храма Спасителя...

Но москвичи уже узнали слово «телефон», и первые громады доходных домов

Храм Христа
Спасителя

Москва. — Москва. № 14.
Чудов монастырь. — Monastère Tchoudof.

Чудов
монастырь

Чистые пруды

вдарили всеми своими этажами по особнякам с колоннами. И открываются рты вслед первому автомобилю, и зажимаются ноздри от гадости выхлопа.

А будущий вождь революции стал тайком появляться в московских квартирах.

И все изменилось. Снег стал красным — от крови, а лица, щеки — белыми — от ужаса.

...Все пройдет. И жизнь когда-нибудь наладится. Но той патриархальной Москвы, что мы видим на старых открытках, уже не вернуть.

Вечная память.

А.МИТРОФАНОВ

Тверской бульвар

Кузнецкий мост

Елена АВЕРИНА

ТОЛЬКО ДЛЯ ЖЕНЩИН

Похоже, что феминизма у нас все-таки нет

Не бывает женщины без мужчины — то есть женщины вообще, равно как и мужчины вообще. Можно ли, собственно, говорить (в социальном, конечно, плане) о женщинах и мужчинах отдельно, а не о людях в целом?

И стоит ли отдавать силы и здоровье борьбе за права только женщин, вместо того чтобы выступать за права человека?

По крайней мере, в нашей стране.

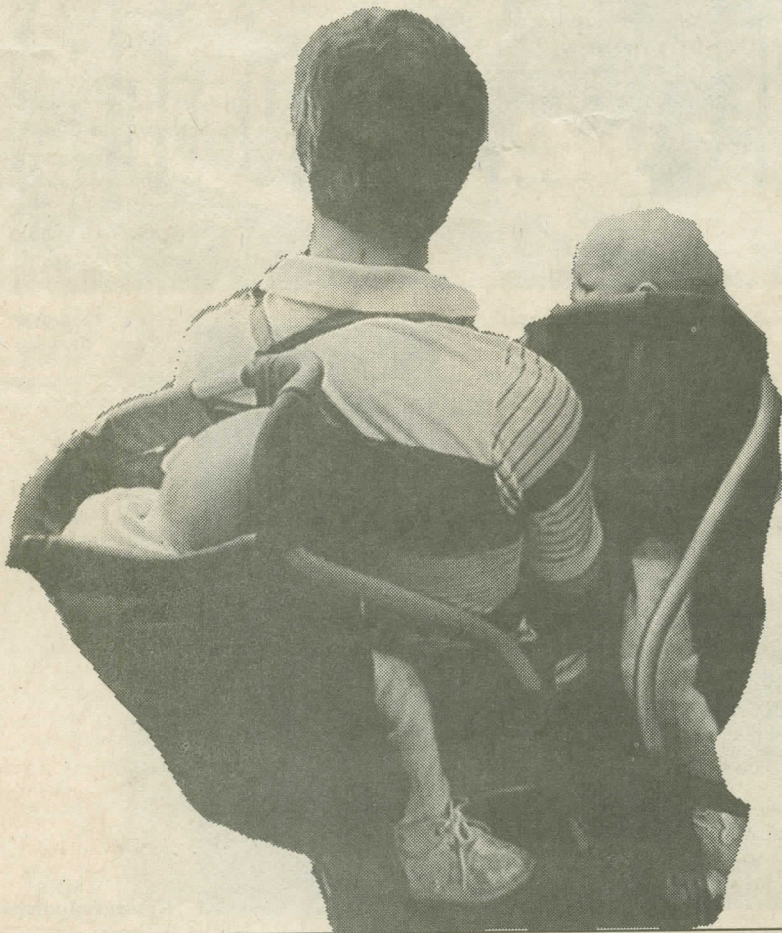

Фото Б. Кремера

Над этими вопросами я и билась, пока ехала в забитом феминистками экспрессе Москва—Дубна на второй Независимый Женский Форум. Он назывался «От проблем к стратегии».

А первый форум проходил в марте 1991 года под девизом «Демократия минус женщина — не демократия». Тогда в Дубну приехали женщины, «осознавшие необходимость изменения патриархатных основ общества». После первого своего форума большинство этих женщин стало называть себя феминистками, что немало всполошило мужчин. Так возродился было отечественный феминизм.

Мужчины знали, что почти все феминистки — лесбиянки, мечтающие заставить мужиков мыть посуду, а сами — этим процессом руководить. А поскольку устроены мужчины немного примитивно и мыслят, как правило, крайностями, то многие из них вообще подозревали феминисток в том, что те не прочь мужиков оскорбить и безжалостно затюкать, чтобы не было лишних проблем.

Стоит ли говорить о том, насколько ненавистен и страшен феминизм для сильной половины (если даже просто общение с решительной и сильной духом женщиной делает их робкими и растерянными)! И ничего, что движение наших феминисток было и остается немногочисленным. «Из искры возгорится пламя, — предостерегают мужчины. — Большевиков тоже было не так уж и много — а вон чего получилось. В Туркмению этих феминисток, в Туркмению!»

Сдается мне, что тут от страха мужчины подрастеряли хваленую аналитичность своего ума. Они не оценили по достоинству нашего экономического положения и уровня жизни. В нашей стране просто не могут развиться такие специфические движения.

Американские феминистки поспособствовали необратимым процессам в своей цивилизованной Америке. Феминизм там уже перестал быть движением и вошел в жизнь. Он победил. Но нам-то до этого далеко как до звезд.

Американки бесились с жиру. Они не ходили на службу, а вместо этого занимались хозяйством с помощью многочисленных домашних машин. В хороших больницах они рожали здоровых детей и отдавали их на попечение квалифицированным нянькам. Целыми днями они смотрели телевизор и листали женские журналы, вечерами же в компании подруг угощались в ближайшем баре ликером. А если становилось грустно, покупали какую-нибудь новую шмотку: нет для женщины лучшего средства, чтобы вновь повеселеть.

Но американкам было скучно, им чего-то не хватало. Прислушавшись к себе, они поняли, что им не хватает работы. Мало того — продвижения по службе, крутых серьезных дел, сотни-другой подчиненных. Так что — скорее освободиться от непосильной обязанности разогревать мужу купленный уже готовым ланч и идти повкалывать. Короче говоря, у американок было все, не было только работы.

У наших женщин было и есть все наоборот. Наша баба может шпалы укладывать, может фирмой руководить — никто не запретит. Для полного счастья ей еще предложат общественную нагрузку. И при этом — некогда лишний час погулять с ребенком, некогда прибрать квартиру или соорудить кулинарный изыск. Наши феминистки, чтобы облегчить женскую судьбу, выступают очень по-феминистки: не за то, чтобы дать ей возможность побольше быть дома, а за то, чтобы муж, разделив или взяв на себя домашние обязанности жены, отпустил ее делать служебную карьеру.

При таких раскладах, как мне представляется, феминизм у нас в обозримом будущем не то что не победит, но так и останется весьма экзотическим движением.

Надо отдать должное феминисткам — они более «продвинуты», нежели обычные женщины. Они хотят заниматься серьезными делами, а их гонят к плите. А они, может, чувствуют, что могут сказать новое слово в политике, в экономике и в остальных «мужских» сферах. Ну рождаются иногда женщины с мужским умом. Однако и борются за свои права они очень по-мужски: прямолинейно и без околичностей. Не применяя проверенной веками женской тактики. Природа дала нам слабость и дипломатичность, черт возьми! Используя все это с толком, любая может добиться для себя того, чего хочет, не примыкая к движениям и партиям.

В прочем, настоящих, убежденных сторонниц движения у нас, скажем так, мало. Что же представляет из себя большинство феминисток?

Да, коня они на скаку, пожалуй, остановят. Это женщины, прошедшие жизнь в борьбе. У них плохо с чувством юмора. Они категоричны, иногда грубы, упрямы, а просьбу начинают со слов: «Послушайте, мне надо!». Одним словом, женсовет, общественные активистки. Но при этом — женщины! Женщины во всем: любящие посплетничать, нарядно одетые, сентиментальные, трогательные и рассеянные.

В Дубне одной феминистке уда-

лось где-то купить сыру. Эта новость вызвала ажиотаж и серьезно отвлекла делегатов от проблем форума. Начало женского форума пришлось на заключительную серию популярного сериала. Феминистки сидели в вестибюле общежития, когда зазвучали сладенькие позывные фильма. Участницы весьма оживились и устремились к телевизору. Но тут за ними прибыл автобус: пора на форум. Вот это была дилемма! Просто «быть или не быть». Кстати, до конца форума многие феминистки в Дубне не досидели и не решили, как переходить «от проблем к стратегии». Потому что у одной муж не кормлен, у другой мама болеет, у третьей ребенок скучает...

Батюшки, да феминизм ли это вообще?

Спите спокойно, дорогие мужчины. Конечно нет. Можно назвать это особой разновидностью, «советским» феминизмом. Но если быть точнее — это достаточно немногочисленное женское движение, в которое объединены (большой частью формально) всякие преимущественно женские организации.

Как сказала редактор американо-российского феминистского журнала «Вы и Мы» Колетт Шульман: «Это движение поиска самих себя: кто мы, женщины? Каковы наши интересы?» Колетт любит говорить красиво. Я скажу проще: интересы наших женщин — благосостояние, спокойствие и счастливые семьи. И в поисках этих интересов они кидаются в женское движение, не разобрав толком, поможет оно им или нет.

Ну, предположим, окрепнет женское движение. Ну, станем мы, женщины, ужасно самостоятельными и деловыми, будет везде нам дорога, будем семьи содержать исключительно своим трудом, а мужчины и всякие слабые отщепенки станут перед нами трепетать. Но где оно, тихое женское счастье? Где?

Феминистки борются за социальные перемены для себя, но, к сожалению, уравниваются с мужчинами в правах и возможностях ВСЕ женщины — даже те, которым это не надо. И мужчины станут по-другому относиться ко всем женщинам, а не только к феминисткам: не будут целовать ручки, уступать место, говорить милые приятные пустячки и — о ужас! — перестанут относиться к противоположному полу «как к вещи»!

Отношение «как к вещи» в понятии феминисток — это когда красивой девушке смотрят вслед, подмигивают, улыбаются, говорят «можно с вами познакомиться?» и вообще оказывают знаки внимания. Это, по мнению феминисток, должно смертельно оскорблять женщину; красота — не

главное в женщине. Главное — ее таланты и способности. В основном — работоспособность. На форум в Дубну приехало множество западных подруг — страшненьких и мужеподобных. Со снисходительной улыбкой смотрели они на представительниц российского женского движения: «Как можно! Они все с макияжем, на высоких каблуках. Красавицами хотят выглядеть. Неужели они не понимают, как это унижает женщину?!» К счастью, такое представление об истинных ценностях наши дамы в ближайшее время вряд ли смогут принять.

Западных подруг задело также то, что на форуме присутствовала парочка представителей ненавистной касты — мужчин. Один оказался феминистом, второй был депутатом Моссовета Валерием Борщевым. Именно его откровенно мужественный вид вызывал протест у корифеев феминизма. На форум, зарегистрировавшись под именем Ольги Шершневой, пытался проникнуть еще один мужчина, но его быстро разоблачили и изгнали — за подозрительное поведение, а вовсе не по причине половой дискриминации.

Депутат Борщев, который оказался к тому же сопредседателем Российского христианско-демократического движения, признался, что их партия очень интересуется женским движением. В основном тем, куда оно повернет. Христиане-демократы хотят, чтобы это движение не было стихийным, а развивалось бы так, как до семнадцатого года. До этого рокового года женщины, как выяснилось, свою кипучую энергию тратили в основном на религию и на благотворительность. В мирных, так сказать, целях. Да кто больше женщины понимает в благотворительности?!

— Надо иногда помочь им найти дело, — сказал Валерий Васильевич, расположившись среди злобно разглядывающих его феминисток, словно диковинный оазис. — Они такие агрессивные, потому что не могут найти применения себе. Ведь это страшно, когда энергия не может найти выхода. Я по нашим депутатам сужу...

На прощание депутат Борщев, откровенно веселясь, поведал мне о безумной идее одной нашей... ну, в общем, феминистки. Так вот, эта одна, явно не нашедшая выхода для своей энергии феминистка, высказалась за создание... женской партии. Глаза ее при этом горели революционным огнем.

Вообще на форуме всерьез задался вопросом о том, «как преодолеть внутренне и внешне барьеры стереотипа женщины, как неподходящего кандидата для карье-

ры политика». Короче, пора женщине выйти на большую политическую арену. И даже создать новую политическую культуру и политического деятеля (то есть деятельницу) нового типа. Что ж, все мы помним и любим Индиру Ганди, Маргарет Тэтчер. Но, к сожалению, плеяда выдающихся современных женщин-политиков не слишком-то многочисленна. Мужчинам занятия политикой удаются как-то лучше. И если женщин в политике очень мало, то это, пожалуй, не столь редкий случай, когда виной тому не дискриминация по признаку пола, а то, что женщины психологически для таких дел совершенно не приспособлены.

Как известно, у них (то есть у нас) эмоциональное преобладает над рациональным. Это наша прекрасная особенность, это отличает нас от ужасно нудных временами мужчин. Что плохого? Но эмоциональность и говорливость только мешают в серьезных делах. Будь то переговоры в верхах или даже женский форум. Когда феминистки приехали в Дубну в марте 1991 года, они первым делом посмотрели друг на друга и разрыдались. Во вторую встречу их перепол-

няла такая бурная радость, что открытие форума и представление участниц заняло пару лишних часов. Потому что каждая (!) участница, прежде чем сказать что-то по существу, сначала долго восхищалась тем, «как здорово, что все мы здесь сегодня собрались». Тоска была смертная. Да! Сразу чувствовалось, что за организацию форума взялись женщины.

Несмотря на то, что на форум приехали все долгожданные 460 участниц, мест в гостинице всем не хватило. Многих отправили в общежитие — даже тех, кто заплатил за свое участие пять тысяч. Да, за участие надо было платить. Но тут же оговаривалось, что если женщину гнетут финансовые трудности, то можно поехать и бесплатно. Несмотря на такие «расклады», очень многие честно заплатили за еду и ночлег. Настоящая феминистка всегда расплачивается за себя сама.

Сплошь и рядом случались тягостные паузы. Все время чего-то ждали, не начинали... Помещение, где проходил форум, похоже, не отапливалось (а снаружи, между прочим, был глубокий минус). Журналистов, в от-

личие от участниц, не кормили (хотя там все выступали в роли участников и единомышленников). У газетчиков попросту отобрали пайку и выдворили из столовой со словами «самим не хватает». И, в конце концов, было невыносимо скучно. Скучно — и все тут.

Единственное, что работало на форуме как швейцарские часы, так это транспорт, управляемый, разумеется, мужчинами. И вот, не в силах перенести более холода, голода и тоски, я вскочила в «форумский» автобус и слезно попросила милого водителя отвезти меня на станцию, потому что я устала и хочу домой. Быстрее ветра промчались мы по городу физиков-ядерщиков, оставляя позади феминисток и их переход от проблем к стратегии. (Впрочем, на станции я встретила их снова — радостную кучку «беглянок».)

И вот я уже подъезжаю к Савеловскому вокзалу, и вот метро. А в метро — множество мужчин! Таких хороших, небритых и не совсем трезвых. И некоторые смотрят мне вслед, улыбаются, подмигивают и говорят — «можно с вами познакомиться?».

НОВЫЙ КОВЧЕГ В ПОТОПЕ ИНФОРМАЦИИ

Во время всемирного потопа Ной построил ковчег и спас в нем от смерти свою семью и меньших братьев.

В наше время газетного потопа новый еженедельник «Московский Обозреватель» спасет Вас от конъюнктурных сплетен и водоплава дезинформации, хлынувших на наше сознание.

К БЕРЕГУ ИСТИНЫ!

Еженедельник «Московский Обозреватель» объединяет лучшие материалы российской печати, предлагает вашему вниманию блестящую коллекцию избранной периодики.

Московский
ОБОЗРЕВАТЕЛЬ

Фирменный Знак

— это первый шаг.

Zventa

И сделать его нужно так, чтобы потом не было мучительно больно

275-58-68
928-99-09
923-19-71

НЕПОДУПНАЯ СТРАЖА

Охранные / промышленные / телекамеры:

- ✓ работа в сумерках
- ✓ малые габариты (вплоть до размеров дверного глазка),
- ✓ высокое разрешение.

ЛЮБЫЕ ОХРАННЫЕ СИСТЕМЫ.

Zventa

275-58-68
928-99-09
923-19-71

Ксения КЛИМОВА

ЗМЕЯ ПОДКВАРТИРНАЯ

С некоторых пор достаточно молодую и не склонную к фантазиям женщину стали посещать неприятные видения. Ей чудится, что в квартире вползают змеи. Шелестя, они скрываются в нежилой комнате, в бездверном проеме, и уже там ведут свою тихую упорную жизнь.

Комната эта стала кошмаром для целой семьи. А наваждение возникло из обычного разговора с соседом, когда она ему — свою жилищную историю, а он ей — свою. Только он выиграл, а она может проиграть.

И тогда жить ей в окружении змей.

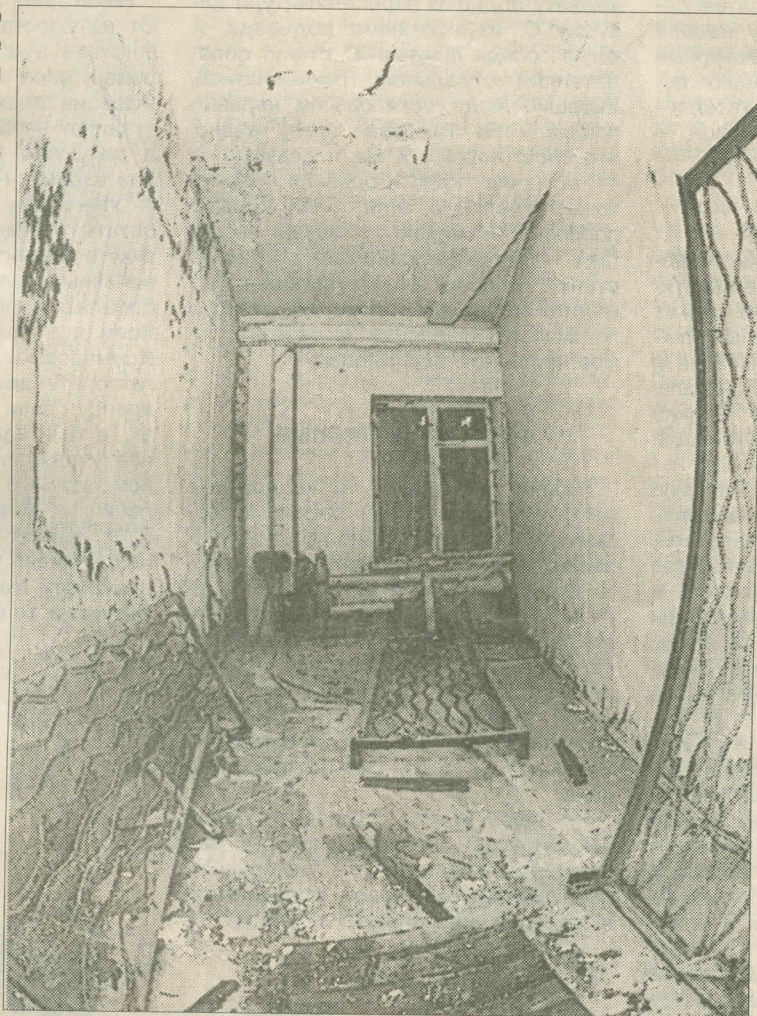

Фото ИТАР—ТАСС

ЗОЛОТАЯ РЫБКА

Что делает человек, поймавший в обычной коммунальной квартире под кроватью своего ребенка змею? Верно, он убивает гада. Так сделал и N, наш сосед. А потом он взял в руки скользкое, но вовсе не такое уж противное тело, задумчиво на него посмотрел и изрек: рыбка моя, как вовремя ты появилась! Уж теперь-то я сделаю себе из тебя настоящую отдельную квартиру! И начинает действовать.

Если бы в этом доме не появились безвредные болотные ужи, коротавшие дни в подвале, стоять бы жителям коммуналки в очереди на квартиры еще несчетное число лет. Но ужам стало холодно, и они полезли вверх греться. Рептилий встретили как родных. Похватав их хладные трупы, три женщины — матери трех семейств, деливших гиблую коммуналку, помчались в сущий тогда еще исполком. Трупы шмякнулись на стол перед замом, ответственным за распределение жилья. Женщины заго-

лосили, что жить и так невозможно, а теперь еще и гады появились. Зам безразлично скривился.

Может быть, дело бы и кончилось легкой начальственной grimасой, но наш N пробился в редакцию телевидения. Сюжет, снятый по его сценарию «Змеи, змеи вокруг, будь им пусто», прошел, что называется, на бис в вечернем выпуске городских новостей, а скандальная московская газета сделала еще и репортаж из прославившейся квартиры. Поняв, что вместе

со славой коммуналки будет расти и слава исполкома, зам назначил комиссию по выяснению жилищных условий.

В ночь накануне визита комиссии трое мужчин — отцов семейств сделали эти условия окончательно невыносимыми. Дом шел под снос, и было создано впечатление, что снос уже начался в отдельно взятой квартире. Они обрушили и раскурочили ломом все, что можно было здесь разнести и изувечить: пол, трубы, штукатурку. Вид был такой, что комиссия дружно покачала головами и торжественно заявила: так жить нельзя. А затем села писать акт. И через пару недель жильцам были выданы смотровые ордера. Кто хотел, быстро переехал, в Центре же, кто не хотел — выбирал между Митино и Перервой.

МАРШ-ПОЛЗОК

Посмеявшись этой истории, соседница N поднялась к себе в квартиру и задумчиво потрогала лом. Может быть, и ей заняться вредительством? Иначе жить ей в коммуналке, а не в отдельной квартире, как она считала, и притом вместе со «змеями». Вторую неделю какие-то «змеи» угрожали взломать ей дверь и вселиться насильно, в ту самую комнату, которую вот уже шесть лет считали нежилой. Здесь перебивала и перенюхала воздух не одна комиссия. Но угарный газ как был, так и остался без цвета и запаха. Хочешь — найди его и напиши о том акт. Не хочешь — не найдешь. И комната может быть жилой, а может — и нет. Жизнь-то идет не по учебникам.

А вдали от Моссовета и законодательства о жилых и нежилых помещениях творятся удивительные вещи. Одни переходят в другие и наоборот, а в щели все время кто-то вползает, просачивается и остается навсегда. Перевести жилое помещение в нежилое способен кто угодно и что угодно, даже обыкновенная водосточная труба. Отклонись она на треть метра — и вода потечет не в трубу с крыши, а по стене, и стена начнет мокнуть и гнить. А когда процесс гниения достигнет внутренней стороны, придет комиссия: врач СЭС, пожарный спец, представитель территориального управления и РЭУ — и решит, что делать, как быть. Объявить квартиру навсегда непригодной, приговорить к ремонту и до той поры считать нежилой или... возможны варианты.

Змей в этот момент пока еще не наблюдается. Они ждут где-нибудь поблизости и своего не упустят. Главное, убрать квартиру из общего плана распределения жилья, сокрыть ее,

замотать, чтоб ни один несчастный очередник теперь уже не района, а территориального или муниципального округа туда не сунулся. Тогда уже в квартиру можно вцепиться и распоряжаться ею. Конечно, не даром. Главное не упустить, потому что муниципальное жилье — чуть ли не последняя возможность выжить змеям.

Что там комната-развалюха в квартире нашей знакомой. Мелочь, хотя и в Центре, где ставки выше. Акт о ее непригодности давно потерян или подевался куда-то. Так выписать же на комнату ордер! И переселить туда девушку С. из соседнего подъезда. А тогда соседи девушки С. станут обладателями отдельной трехкомнатной. Хорошие люди, хотя совсем недавно приехали из Тамбова. Сразу видно, что свои. Хорошо и им, и девушке С. — та начнет качать права и получит тоже отдельную. Или (если хорошо попросит) ей можно тут же ее и сделать — условия позволяют поставить стенку. Корочка, ордер выписан, отменить его может только суд, а в суд жилищное управление на себя же самое не подаст. Все. Вползли!

КРУТЫЕ ЦЕНТРОВЫЕ

Людям, считающим то квадратные метры, то годы своей жизни, проведенные в ожидании сносных человеческих условий, не понять этого тихого размаха. Они будут долго удивляться: ну зачем из обычной квартиры делать нежилой, потом продавать ее под офис какой-нибудь фирме, как будто из жилья негодящего получится хороший офис. Не скажите. Степень увечья каждого квадратного метра может быть сильно преувеличена.

Не будем искать скромных авторов тех бумаг, на основании которых две отличные квартиры в Трехпрудном переулке с прекрасной планировкой и освещением, площадью более 70

метров каждая, были объявлены нежилыми. В акте межведомственной комиссии было начертано: «Нет газового обеспечения». Поставил плиту — и будет. Но зачем ее ставить-то? Вот в чем вопрос. А что такое «сомнительная вентиляция»? Сомневаются, и все тут. Обе квартиры сданы в аренду, и теперь немало бумаги будет исписано и немало полов исхожено в территориальном управлении «Тверское», прежде чем какому-нибудь депутату-донкихоту удастся вернуть их в жилой фонд.

Некоторые местные депутаты умеют на расстоянии распознавать присутствие змей. Знают признаки. Например, если за аренду нежилого помещения плата явно занижена и составляет не 3 тысячи рублей за метр, а, допустим, 100 (не тысяч, а рублей) или вообще 16, по старым расценкам, — здесь они, рептилии. И не надо работать бригаде оперов и ловить за руку в момент передачи в нее недоплаченных муниципальных денег или посыпать купюры меченым порошком. Всем все известно. Но недоказуемо. Коммерсанты все равно станут благодетелями, будут платить за аренду своей хаты по льготному тарифу, а то и как за детское или школьное учреждение. Только в Центральном округе 8 территориальных управлений, в каждом — около десятка РЭУ. Ужель всем вместе не перечесть жилье и нежилые? А депутаты-донкихоты говорят просто: «Убьем». Закусаем, то бишь.

Убить пообещали хозяйку еще одной квартиры, затеявшую змеиную игру. Некая организация предложила женщине, оставшейся одной в трехкомнатной в Центре, переехать в меньшую, на окраину, а за это получить машину и дачный домик. Соблазн был велик, и женщина не устояла. Но схитрила или сговорилась с организацией схитрить: одновременно были оформлены обмен ее квартиры как муниципального жилья и акт о приватизации. Потом хозяйка отказалась выезжать: обещанные машина и домик запаздывали, а фирма не медлила и уже сдала ее хату приезжей англичанке. Та явилась с вещами и долго ничего не могла понять в расправах на чужом языке да в неразберихе чужих бумаг. Хозяйка клялась, что опротестует обмен, но попала в больницу, сломленная заверением, что меняться она будет в морге. Без нее в квартиру вошли, взрезали замки, а вещи ее кинули в угол. И теперь только суд, да и то не сразу, возможно, расставит всех по местам.

Змеиное братство не считается и со славой мемориальных домов. Какие-то гады вползли и в квартиру в доме, отмеченном мраморной доской: здесь жил Аркадий Райкин. Ситуация, сложившаяся в этом доме, проста как пряник. Безвестная жиличка коммунальной квартиры после разъезда всех других обитателей объявила

себя хозяйкой апартаментов и легко приватизировала все шесть комнат. Одна. Но кто как не змеи помогли поселиться ей еще и в соседней квартире! Там она и живет, третируя двумя собаками двух пенсионерок, а свою, шестикомнатную, запродала без всяких промежуточных согласований под офис русско-турецкому предприятию.

РАСКЛАД СПЕ-СИ-ФИ-ЧЕСКИЙ

Все это стало легким и массовым, хоть плачь по ушедшим исполкомам. Хотя, честно говоря, они были ничуть не лучше сменивших их территориальных и муниципальных управлений и префектур. Для вползания интересен лишь сам момент реорганизации, когда образуется пропасть липовых документов, а пропасть настоящим — ничего не стоит. То есть сбóит, конечно, — до миллиона доходят взятки за комнату в Центре. Но об этом: ш-ш-ш...

Змеи знают, что не обязательно уничтожать бумаги на квартире целиком, чтобы ею завладеть. Достаточно в них что-нибудь напутать, переставить, умолчать. Очередник Улановский Б.Я., 1900 года рождения, участник всех войн и революций, стоял в очереди одним из первых. Обладателем ордера на отличную двухкомнатную квартиру в Центре на двоих с дочерью он стал давно, почти два года назад. Та квартира освободилась после смерти жильца, и Улановский даже помог переправить вещи умершего родным в другой город. Но въехать в квартиру не смог — в РЭУ ему отказали в прописке. Почему? «А у вас в ордере неправильно указан

метраж вашей будущей квартиры». Но ведь ордер выдан на основании справки, составленной здесь же, в РЭУ! А РЭУ быстренько наостряло другую справку: что никогда не давало предыдущей справки. Приятно было видеть оба документа, один отвергающий существование другого, скрепленных одинаковыми подписями: начальник РЭУ-1 Пивоваров С.А., техник, бухгалтер... Эта квартира позарез понадобилась кафе для расширения площадей.

Ордер был отменен судом, и Улановский получил другой, вновь на двухкомнатную в Центре. И снова та же змеиная история: по документам в квартире две комнаты — так в справке, а на самом деле — четыре. Опять несовпадение, опять не прописывают. В суд начальник РЭУ не явился.

Когда подобную штуку змеи попытались выкинуть с Сергеем М., бывшим «афганцем» (то есть не дать ему ключи от квартиры, на которую он получил ордер и в которую исхитрился прописаться), он просто созвал депутатскую комиссию и взломал дверь. Лом — сейчас предмет первой необходимости, как и инструменты для взрезания замка. Оказалось, что никто в его квартире не жил, как ему раньше старались внушить в РЭУ. Сергей предупредил, что в случае дальнейших игр позовет на свою сторону однополчан и будет жить здесь, как в осаде.

Примечательно, что все три последние истории относятся к территории РЭУ-1 теруправления «Тверское», очевидно, особенно благоприятной для разведения рептилий.

-Вы погибнете, — сказал недавно по телевизору знаменитый американский советолог. Но смерть он нам предсказал не от бесколбасья и разрухи. — Вас погубит коррупция. Потому что у вас она неостановима, любой чиновник делает что хочет и ничего не боится. А коррупция способна свести к нулю все государственные начинания. — И мило улыбнулся.

А мы ему скажем, что у нас коррупции нет. Что за слово такое неясное? У нас — рука руку моет, и обе чистые. Только змей развелось много. От грязи.

Героиня нашей первой истории решила бороться с рептилиями. И не брать пока в руки лом. Пока она подала в суд. Если и поделят к ней девушку С., то только после того, как комнату переведут обратно в жилой фонд и отремонтируют. По закону. Или сделают отдельную квартиру, что тоже допускается законом.

А ползком — нет. Еще один предмет первой необходимости — бронированная дверь — ждет своей установки. И змеи ждут.

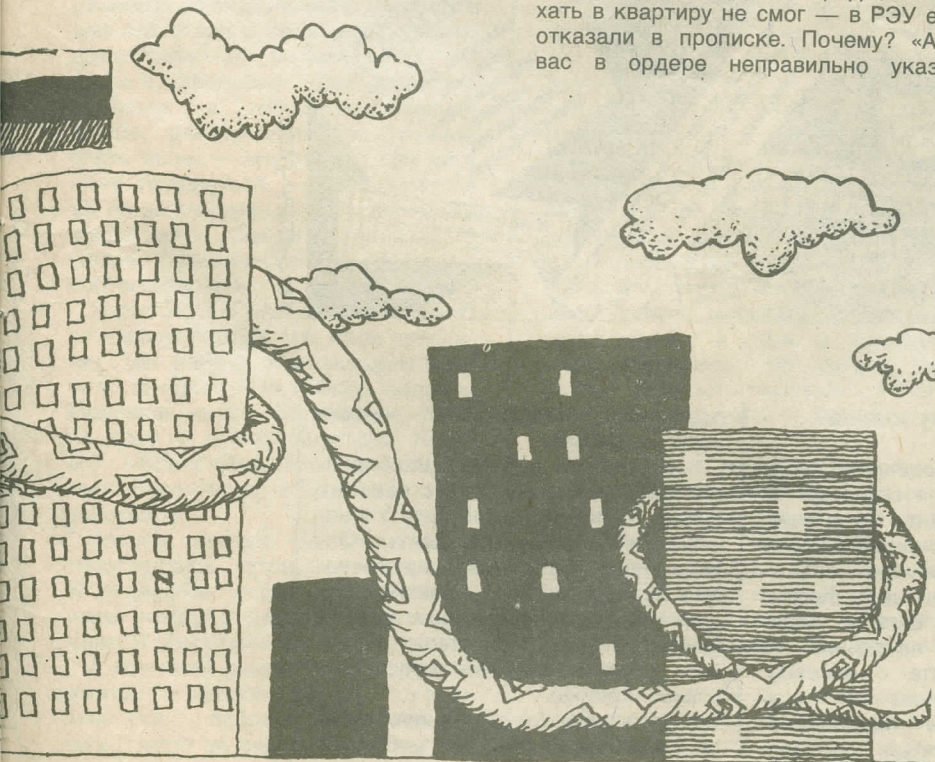

Рис. А. Зайца

Алексей БЕЛЯКОВ

«ЭММАНУЭЛЬ», НА ВЫХОД!

ФОТО ИТАР—ТАСС

По эту сторону закона

...Разумеется, подробности подготовки и проведения операций от меня утаили. Установить же интересные адреса по номерам телефонов — работа для милиции несложная. «А все телефоны ведь были в прессе», — говорит Евгений Александрович Козлов, начальник 10 отдела МУРа (работа с несовершеннолетними). Сейчас он возглавляет временное подразделение из десяти человек, которые

озабочены проблемами «интим-услуг» в Москве.

В результате недавних мероприятий было прикрыто пять столичных фирм: «Эммануэль», «Принц Уэльский», «Анастасия», «Эффект», «Эллада». Две последние существовали в полном согласии с законом, будучи зарегистрированными в префектурах. Только в уставах значились вполне невинные услуги: массажи и прочее.

К уголовной ответственности были привлечены лишь организаторы

фирм и диспетчеры — те, кто принимает заказы по телефону. По статье о сводничестве (до пяти лет). Девочки же — «хвостиком махнули» и исчезли, сообщив на прощание муровцам, что найдут себе новую «фирму», лучше прежней. Их ведь, девочек, можно наказывать лишь в административном порядке: штрафом в сто рублей, скажем. До свидания, девочки.

Муровцы уверяют, что до остальных «фирм» тоже скоро дойдет дело. Поскольку теперь подразделение Козлова передало свой опыт районным милицейским структурам. Говорю: «Не секрет, что милиция кое-где у нас порой честно жить не хочет. Какова вероятность утечки информации о готовящихся операциях?» «В своем подразделении, — отвечают, — мы это полностью исключаем. А на местах... Все возможно».

Надо сказать, что те, первые мероприятия МУРа прошли без сучка без задоринки. То есть обошлось безо всякой детективной романтики со звоном стекла, пальбой в темноте и погоней по безлюдным улицам («Уйдут, Глеб, уйдут!»). Никто не ушел. Только попозже, очутившись «фирмачи» стали выговаривать обиженно: «А почему с нас-то начали? Других, что ли, нет?» Или изумлялись: «Разве за ЭТО несут уголовную ответственность? Шутишь, начальник».

«Зато теперь-то, — продолжают донимать «начальников», — работа для вас стала в семь раз сложнее: объявления об интим-услугах исчезли в одночасье». «Да, теперь это подается в закамouflированной форме: развлечения или массаж, опять-таки». — «Ну так тут вам не к чему придраться — развлекаться УК не запрещает». — «Мы проводим оперативную проверку. Если это те самые «развлечения» — действуем соответственно».

Я пускаюсь в рассуждения о сметке нашего народа. Что если приспишит, так найдут, как закамouflировать. И привожу в пример недавно виденное мною объявление: «Кекс на дом». И номер телефона. Какого? («Крекс-секс-кекс!» — прошептал Буратино и отдал свои пять золотых.)

Козлов смеется: «Мы тоже заинтересовались этим объявлением. И оказалось: люди действительно пекут кексы и развозят их по домам». Я сконфузился.

А вот моим рассказам о целомудренных «эскорт-услугах» (когда красотки просто «обрамляют» бизнесмена на светских раутах) милиционеры не поверили. «Такое

придумывается просто для того, чтобы фирму зарегистрировали. А так — все одно».

По ту сторону закона

Эта волна пошла где-то с лета 1992 года. «Очаровательные девушки украсят досуг состоятельных джентльменов». Или — простенько: «Симп.дев.для сост.муж.».

Помните дискуссии высоколобых психологов, социологов, политологов на тему «Нужны ли нам публичные дома?»? Тема поднадоела, потому что, в конце концов, сколько можно воду в ступе толочь? Но все свершилось как-то само собой. Тихой сапой решилось, что публичные дома нужны, несмотря на законы.

Но хозяйева «смп.дев.» недолго блаженствовали на страницах популярных газет. С последними пускай прокуратура возится, мы же взглянем на наших «эммануэлей» и «принцев уэльских».

Практически все «фирмы» сидят в обычных квартирах. Порой даже однокомнатных. Хотя некоторые позволяют себе апартаменты пороскошнее. Фирма «Эллада», к вашему сведению, арендовала половину детского сада.

Ну, о системе «фирменной» работы уже писалось (см. «Столица», № 51 за 1992 г.). Схема незатейлива, но рациональна. «Смп.дев.» сидят в «конторе» и ждут «минуты верного свидания». «Сост.муж.» звонят и делают заявку: одну «дев.», две «дев.», три «дев.» и т.п. («От чего хотите застраховаться?» — спрашивает ведущий. Шутка.). «Заказ» грузят в машину и везут с охранниками по указанному адресу. Сдают. Охранники получают «бабки». Именно охранники — не девочки. И — время пошло. Если договаривались на час, то — первым делом девушки, а — самолеты потом. Можно продлить вакхические забавы. Тогда девушка звонит в офис и докладывает обстановку. Но деньги все равно получит охранник («Учет, учет и еще раз учет!» — резюмируют муровцы).

Проститутки имеют свои «законные» тридцать—сорок процентов. В «фирме» «Эммануэль» несовершеннолетним отстегивали по пятьдесят процентов. За отвагу. Тарифы не называю намеренно, чтобы не привлекли вслед за «Московским комсомольцем» за рекламу разврата.

Самое занятное — это кадровый состав «смп.дев.». Тут тебе и студентки, и врачи, и художники, и учителя начальных классов. Можно на-

бирать команду для «Брэйн-ринга». Девушки просто подрабатывают, по совместительству, так сказать. Никто особо не предается идиотическим мечтам в духе завиральной «Интердевочки». Сделал дело — гуляй смело, как гласит пословица. И рыбку съели — и... как недавно пошутил спикер парламента. Но о парламенте мы еще поговорим.

«Принцам уэльским» — раздолье: к ним спешат принцессы курские и брянские. «В Москву!»

И Москва действительно начинает походить на третий Рим. Рим времен Гая Юлия Цезаря Калигулы.

Характерно, кстати, что заказы поступают главным образом из гостиниц, из «номеров». Но зовут «нимф» и в офисы, и в сауны. Никак скоро станут звонить откуда-нибудь из Грозного: «Все оплатим!»

Оборот фирм — по полмиллиона в день. «Налогоми не облагаются», — замечают милиционеры.

И вроде бы пока нет проблем с рэкетом, поскольку, как объясняют стражи порядка, за фирмами стоят боссы уголовного мира. Между собой они могут договориться.

Между законами

Труднее договориться боссам законодательной власти. О новом Уголовном кодексе, например.

Когда я поинтересовался у Козлова насчет сроков принятия свежего УК, он усмехнулся: «Это вопрос к Верховному Совету — не ко мне. А Верховный Совет у нас, вы знаете, непредсказуем».

И тут я задал самый «страшный» вопрос: «А раз такая потребность у народа, то почему бы не легализовать проституцию?»

Никто не потребовал от меня покинуть кабинет начальника отдела. Евгений Александрович даже паузы не взял: «Я не знаю, что сейчас лучше. Если легализовать, то мы все равно не сможем сравниться с Западом, где для этого создаются определенные условия и соблюдаются санитарные нормы. У нас же будет просто огромный бордель. А если запретим окончательно — все уйдет в подполье. Вот и надо искать компромиссное решение».

...И оно вроде бы стихийно найдено. Фирмы разворачивают свою деятельность (их ведь далеко не пять, как вы догадываетесь): милиция разворачивает борьбу с ними. Все при деле.

Николай ПОПОВ

ПРОФЕССИОНАЛ

Как Ильич сортиры чистил

Вы много потеряли в этой жизни, если у вас нет хоть крохотного дачного участка. Вот у меня есть. Там не только сад и огород, но бывает и елочки самосевом размножаются. И под Новый год мне не нужно дежурить на елочных базарах ради шкелетины-блондинки, которая через неделю осыпается. Я просто еду за полсотни километров от столицы и рублю свою. Вот и теперь уже в прошлом, 1992 году поехал я с Киевского вокзала почти до Апрелевки в обледеленном полупустом вагоне электрички. Там, в тамбуре, докуривая бычки «Полета», мы с Петром Ильичом Стрешневым и познакомились. Он тоже за елкой ехал.

— Да не нужна мне никакая реклама! — горячился Петя. — Я тебе и так расскажу, коли интересно. Мне скрывать нечего.

Ильич, как и многие москвичи, — дачник. Как и многие москвичи, он неравнодушен к алкоголю. Как и у многих москвичей, у него вечно ворчит жена, которая, конечно же, была недовольна его зарплатой шлифовальщика 4-го разряда. Но, в отличие от большинства, он нашел простой выход — зарабатывать на выпивку самому. Назревший семейный конфликт как рукой сняло.

В большой комнате Петиного дачного домика висит огромная самодельная карта Нарофоминского района с обозначением всех окрестных дачных участков. В

каждом из них красной точкой помечен сортир. Ниже — дата последнего визита с совковой лопатой и ручной «говновозкой», как Петр сам называет свою тележку.

— Это не праздное занятие, отмечать день «санобработки». Потом мои услуги понадобятся хозяевам только через пять—семь лет (в зависимости от емкости выгребной ямы). К тому же все последние годы участки все больше и больше дробятся. Умирают отцы — сыновья не находят ничего лучшего, как тут же разделить наследство пополам, затем еще раз пополам. И на каждом клочке землицы первоначально ставят не дом — сортир. Хоть и дуть будет изо всех щелей — зато собственный! Вот работы и прибавляется. Зимой-то у меня, считай, каникулы, жизнь у дачников замирает. А вот где-то с апреля, когда земля оттает, поеду с говновозкой в первый рейд...

— ...по богатеньким буратино?

— Почему «по богатеньким»? Я много не беру — каких-то шесть-семь пузырей водочки или деньгами. Выгода моя в другом — в самом человеческом дерьме. Народ-то сейчас дурной пошел. Раньше содержимое ямы приходилось чуть ли не вымалывать, а теперь хозяева сами рады отдать любому, кто согласится увезти.

— Так оно ж не коровье, человеческое дерьмо. Оно ж едкое! Какая же ценность?

— Согласен, не коровье. Но есть у меня один секрет, очень простой — в в книжке дореволюционной вычитал, как за год сделать из него преотличнейший компост. Жаль, что мы с тобой эти разговоры зимой разговариваем. Посмотрел бы ты, что у меня летом на моих девяти сотках делается, — так вопроса бы не задавал!

— И что же делается?

— Ты можешь вспомнить размер самой крупной клубники, которую ты когда-либо ел?

— Ну, пожалуй, с крупную сливу.

— А с яблоко крупное не хочешь попробовать? А на полтораметровый зеленый лучок не хочешь посмотреть? А на килограммовый помидор взглянуть?

— М-да, прямо «чернобыль» какой-то выходит. А может, сорта такие, а?

— Правильно, и сорта тоже. Но расспроси соседей моих — я им всем черенки да усы давал. И ни у кого так не вырастает. И Чернобыль тут ни при чем — только удобрение дерьмом и минералкой в пропорции.

— Хорош твой бизнес, Ильич!

— Не люблю я этого слова. Не нажива здесь главное. Знаешь, как мне по нраву? Чтоб хозяин не просто совал меня носом в свой туалет. Хороший хозяин поначалу за стол пригласит, выпьем мы с ним, закусим, поговорим чуток о том о сем. После такого приема и работу хочется сделать на совесть. Понимаешь, хозяин в тебе человека видит — во как! А после работы он угостит чаркой, поблагодарит по-людски. По-русски, понимаешь? Такому хозяину не только яму очистить хочется, но и углубить, сортир подлатать, если гнилой или кособокий. Чтоб и ему приятно было туда ходить, чтоб меня вспоминал добрым словом.

— Ну а семья у тебя как к этому относится?

— Люда, жена моя, уж лет десять как пенять за безделье перестала...

— Зауважала?

— Да не-е... Как к тестю с тещей поедет, так лучше ее дома не ждать, а убраться подобра-поздорову к корешам — звенеть будет до потери пульса, «говновозом» обзывать и тэ дэ. Сам понимаешь, какие родители захотят видеть дочь замужем за... ну, в общем, за таким, как я?! Два раза я завязывал — а узелочек-то сам и развязывался.

Во-первых, дачники все, кому возиться с дерьмом неохота, начинают просить. А во-вторых, где ж столько водочки взять иначе, правда? Людка у меня на почте работает, я вот на заводе... И осаживает назад моя супруга практичная.

Вот Алеша, сын мой, — другое дело. Об отцовском ремесле скрывается, стыдится, значит. Но землю любит и понимает — привил я ему это чувство. А значит, глядишь — и зауважает, когда подрастет. Он тихий, не хулиган. Мыслитель!

Долго мы еще просидели в прогретшемся от печки Ильичовом дачном домике. Рассказал он мне и про то, как лучше устроить сортир, чтобы драгоценное мбе дерьмо не пропадало, в землю бесполезно не уходило. Про печную кладку, которая по сто лет стоит намертво, если подмешать в раствор того же дерьма... Дачникам есть о чем побазарить за жизнь.

— Капитализм, капитализм — не такое уж страшное это слово оказалось. Рабочий человек всегда при капитализме жил. Всегда горбатился на хозяина, а между делом и свой промысел не забывал. Сам посуди: раньше машина, скажем, гравия стоила пятнашку. Так и теперь то же — но полтора-два кило. Прибавляй два нолика — и из «социализма» получишь «капитализм». И шабашники всегда были — только сейчас они предпринимателями называются.

Человек должен получать сполна за свой труд — и в этом моя правда...

У «МММ»
НЕТ
ПРОБЛЕМ!

КУПИТЬ СЕГОДНЯ ВЫГОДНЕЕ, НЕЖЕЛИ ЗАВТРА!

**ВЫБОР ИМПОРТНЫХ ТОВАРОВ
ЗНАЧИТЕЛЬНО УВЕЛИЧЕН,
ЦЕНЫ СУЩЕСТВЕННО
НИЖЕ КОММЕРЧЕСКИХ!**

**ПРИГЛАШАЕМ ПОСЕТИТЬ
НОВЫЙ ВЫСТАВОЧНЫЙ ЗАЛ
«МММ»—ЭКСПО,
ТОРГОВЫЙ ЦЕНТР,
ФИРМЕННЫЙ МАГАЗИН
«МММ»—ОСТАНКИНО.**

В оптовой и розничной продаже:
компьютеры и оргтехника, аудио- и видеоаппаратура,
электробытовая техника, модные одежда и обувь,
продовольственные товары, напитки.

**УСЛОВИЯ ПОКУПКИ ДЛЯ ОРГАНИЗАЦИЙ
И ЧАСТНЫХ ЛИЦ—ОПТИМАЛЬНЫЕ:**
—ЗА РУБЛИ
—БЕЗ ПРЕДОПЛАТЫ
—ПО БЕЗНАЛИЧНОМУ И НАЛИЧНОМУ РАСЧЕТУ
/ЗА НАЛИЧНЫЕ НА 8% ДЕШЕВЛЕ/

 «МММ»—ЭКСПО пл. Революции, д. 2
/музей В.И. Ленина/,
3-й этаж. С 9.30 до 18.00,
кроме воскр. и понед.

ТОРГОВЫЙ ЦЕНТР Варшавское шоссе, д. 26,
м. «Нагатинская». С 9.00 до 18.00,
кроме | воскр.

ФИРМЕННЫЙ МАГАЗИН «МММ»—ОСТАНКИНО
ул. Ботаническая, д. 29, м. «ВДНХ»,
тролл. №№ 73, 36 до ост. Гостиница «Останкино».
С 10.00 до 19.00, кроме воскр.

111-00-65
111-20-70

ПОЧТЕННЫЙ ПОКУПАТЕЛЬ ДОРОЖЕ ДЕНЕГ!

КНИГА! ИСТОЧНИК ЗНАНИЙ!

Джеймс Болдуин
«Комната Джованни»
«Глагол», 1992

Революция, о необходимости которой так долго говорили «меньшевики» (в смысле сексуальные меньшинства), совершилась. Впервые в истории отечественной литературы опубликован откровенно гомосексуальный роман на русском языке — «Комната Джованни» Джеймса Болдуина (1924—1987).

Его имя у нас никогда не находилось под запретом. У официального «литературоведения»

Болдуин как «прогрессивный негритянский писатель, боровшийся против расовой дискриминации» ходил в любимчиках. Признавая его заслуги в данной области, советские критики то ли по неведению, то ли принципиально не интересовались другой стороной его прогрессивности — открыто выраженной позицией в отношении прав гомосексуалистов.

Роман был написан в 1958 году в Париже, имел почти массовый, коммерческий успех, переведен на множество языков и выдержал несколько переизданий.

«Комната Джованни» ладно скроена по всем законам добротной мелодрамы: постоянные психологические перепады, душераздирающие, бьющие через край страсти, извечный любовный

треугольник, конфликт поколений, — в этой книге все для того, чтобы ее «проглотили» даже самые преданные поклонники «Рабыни Изауры» и «Богатых...», которые будут над ней не только плакать, но и смеяться (как дети).

Разница лишь в том, что этот самый любовный треугольник «он+она+он» в данном случае решается несколько «нетрадиционным» путем, и «она» в конце концов все-таки выпадает из игры. «Она», Хелла, куда-то все время тянет несчастного Дэвида, в какое-то, понимаешь, лоно, а тот весь роман крутит с тоненьким да красивеньким Джованни, который, в свою очередь, все время орет и устраивает всем истерики. Сплошные семейные склоки и разборки (мало нам своих собственных)!

Жили бы втроем, — что может быть лучше, удобней и приятней, — так нет же!

Вообще говоря, будь я на месте Дэвида, я, естественно, не задумываясь выбрал бы Хеллу, но, с другой стороны, если бы это произошло в романе, об этом не то что писать — читать было бы скучно. А так — книга написана, опубликована, прочитана, переведена, и — всего-то спустя 35 лет! — доступна отечественному читателю.

В общем, в конце все умерли.

Я.ЭМ

УРОК РЕЦЕНЗЕНТАМ

«Урок женам»
МХАТ им. Чехова,
реж. М.Ефремов

Длинную череду невостребованных актерских талантов я бы открыл именем Авангарда Леонтьева. Одного из наиболее гибких, пластичных, тонко чувствующих артистов среднего «современниковского» поколения. Когда имя Р.Виктюка произносилось едва ли не шепотом, он блестяще сыграл в паре с Л.Ахеджаковой в

виктюковской «Квартире Коломбины». Этот спектакль «Современнику» пришлось «пробивать», скандальные обстоятельства его выхода заслонили собой выдающуюся актерскую работу. Лишь один раз была показана по телевидению многосерийная «Тайна Эдвина Друда» (по Диккенсу) и была запрещена (еще Лапиным) из-за отъезда за границу партнерши А.Леонтьева Елены Кореновой. Мольеровско-булгаковского «Полоумного Журдена», где Леонтьев также сыграл главную роль, мало кто видел — так как поставлен он был на сцене табаковской студии. К тому же вскоре произошла смена актерского состава..

Наконец, снова Мольер — Леонтьев играет незадачливого жениха Арнольфа в малоизвестной пьесе «Урок женам», поставленной опять-таки не в родном «Современнике», а на Новой сцене МХАТа.

А в alma mater на долю А.Леонтьева приходится роль то ли Добчинского, то ли Бобчинского в стабильно обосновавшемся в репертуаре «Ревизоре» и ряд ролей второго плана. Итак, Арнольф. Смешной, ограниченный человек, над которым потешаются даже

его собственные слуги, «человек в футляре», сочиняющий для будущей жены многостраничные правила поведения и презираемый ею за это. Арнольф в воплощении Леонтьева становится фигурой трагической. Он любит! Самоотверженно и нежно. И когда рушатся все его планы, пустыми оказываются все его малохитроумные уловки, когда ясно, что взаимности не дождетя, он застывает на краю сцены разбитый горем. И мы испытываем к нему даже не жалость, а уважение и, может быть, зависть. Конечно, он найдет в себе силы благословить соперника и бывшую свою невесту на счастливый брак. Он заставит окружающих забыть, насколько он несчастлив. Он и сам забудет, что он несчастен. Потому что любовь продолжает жить в нем. Просто удивительно, как удалось режиссеру и актеру вытащить из банального водевильного сюжета эту чистую, щемящую ноту. В единственной опубликованной на этот спектакль рецензии (в газете «Коммерсантъ-daily») сообщается, что ко второму отделению рецензент, не выдержав мольеровской

Сцена из спектакля

скуки, ушел. С чем я его и поздравляю. Если на таком спектакле ему стало скучно, то уж не знаю, зачем он вообще ходит в театр.

A.M.

КОВБОЙ, КОТОРЫЙ НИКОМУ НЕ НУЖЕН

**«Разыскивается опасный преступник»
Фирма «Сабан»,
реж. Г.Гахо**

Помните древний анекдот про неуловимого ковбоя, который только потому и был неуловим, что на фиг никому не был нужен? Так вот главный герой этой ленты, он же бравый комполка, отказавшийся в самом начале перестройки по приказу ЦК вывести свои танки против демонстрантов, он же «опасный преступник», разыскиваемый соответствующими органами, он же ээк, томющийся в лагере, — тоже никому не нужен. По причине полной фальшивости и надуманности этого образа. Впрочем, и весь фильм настолько удручающе плох по всем параметрам, начиная от сюжета и кончая игрой актеров, что, право, даже как-то неловко его и критиковать: куда ни кинь — всюду клин.

И персонажи, чья принадлежность к плохим или хорошим жирно написана у каждого на лице. Плохие — лысые, очкастые, омерзительные партаппаратчики, которые пьют коньяк в кабинете, а лагерного опера и вовсе играет тот самый актер, который в обличье гестаповца измывался над младенчиком радистки Кэт в «Семнадцати мгновениях весны» (так в лентах 30-х годов все меньшевики, эсеры и прочие «враги народа» были сплошь с козлиными бородами и в пенсне). Хорошие, те, естественно, предпочитают водку или в крайнем случае чай, и седина у них лагерная даже после лагеря. Жена героя, конечно же, стерва и реакционерка, а любовница, прошу прощения, любимая женщина, наоборот — кротка, красива и

демократических убеждений. Наталья Белохвостикова ее играет. А сам «опасный преступник» — вылитый И.Калныньш — вечный наш герой-любовник, которому, когда он в гражданском, хорошо сшитом костюме и пьет «кампари» в «Национале», веришь, а когда в ээковской робе, то очень уж грим под глазами заметен. В лагере, конечно, кого-то постоянно «опускают» и избивают разрисованные уголовники, похожие на опереточных разбойников. А видения главного героя точь-в-точь обличительные карикатуры Кукрыниксов периода «холодной войны». Перестройка на экране представлена документальными кадрами — чего бы вы думали? правильно — выступления Горбачева, а переход к демократии — присягой Ельцина на президентство. Народ — массовой, вяло выкрикивающей перестроечные лозунги, а диалоги героев — газетными передовицами того времени. О режиссуре умолчу — трудно рассуждать о том, чего нет. Но хватает — как говорится, «рука бойца колот усталая». Единственное соображение утешило меня после просмотра: при нынешнем затруднительном проникновении отечественных фильмов на отечественный же экран, очень надеюсь, что зрители разминутся с этим «кино». Искренне желаю этого им и создателям фильма. Зачем портить настроение друг другу?

Петр СМЕРНОВ

БЕЗ НАЗВАНИЯ

**Выставка «Сергей Параджанов — художник»
Фотоцентр
Конфедерации журналистов**

История и современность знают немало рисующих режиссеров, но картины немногих смогли стать равновеликими их фильмам, как это было с Сергеем Параджановым. Он получал призы за поиски нового киноязыка, но столь же достоин титулов за неологизмы, внесенные в

С.Параджанов. Автопортрет в раю

язык изобразительного искусства. Эта его ипостась пока не так хорошо известна, как его фильмы «Цвет граната», «Легенда о Сурамской крепости», «Ашик-Кериб». Как-то раз «Столица» уже рассказывала о работах Параджанова-художника, его куклах, инсталляциях, мозаиках, шляпах и веерах, живописи и керамике. Снова хотелось бы повторить тогдашний заголовок «Жить — творить», обнажающий кредо мастера не только как художника (делание искусства из любого материала), но и как личности (превращение самой жизни в творчество, праздник, фейерверк). Наконец, настал день, когда читатели «Столицы» смогут сами убедиться, что гений Параджанова-режиссера не уступал гению Параджанова-художника. В залах Фотоцентра на Гоголевском бульваре открыта первая действительно большая выставка его работ, привезенных из ереванского дома-музея и хранящихся в частных коллекциях. Ее организацию взяла на себя министерства культуры четырех стран — Украины, Армении, Грузии и России и фирма «Ratmos», которой руководит друг и ученик Параджанова А.Атанесян.

Главной темой работ Параджанова была память: он играл с историческими и культурными ассоциациями, использовал самые разные бытовые параллели. Многие работы так и назывались — «Воспоминание» или «Памяти такого-то». О нынешней экспозиции тоже можно было бы патетически сказать «Памяти Параджанова». Тем более что на втором этаже параллельно с ней работает благотворительная выставка-продажа работ российских художников, среди которых Н.Нестерова, Т. Назаренко, Ю.Кононенко, М.Дронов, Л.Баранов, Л.Гадаев, А.Куманьков и другие. Средства от продажи коллекции, составленной галереей «Вместе», должны пойти на издание трехтомного альбома-монографии о Параджанове. Мастер много раз смеялся над смертью, а со стенда на зрителях иронически поглядывает кукла «Автопортрет в раю». И почему-то кажется, что богохульство не могло быть ТАМ воспринято всерьез, и автор «Ашик-Кериба» улыбается нам сегодня, принятый в компанию учеников святого Луки.

Марина КАМИНАРСКАЯ

Ярослав МОГУТИН

СЕРГЕЙ ПЕНКИН, КОТОРЫЙ ХОЧЕТ ОСТАТЬСЯ ИНТЕРЕСНЫМ

Сергей Пенкин родом из Пензы. История его взлета на эстрадный Олимп — это типичная история советской Золушки: простая семья, пятеро детей, младший поет в церковном хоре, затем злые люди не принимают юного провинциала в столичную Гнесинку, но он упорен — по ночам поет в ресторане, а по утрам метет двор и т.д.,

И ВСЕ КОНЧАЕТСЯ ХОРОШО.

Его любимые слова — *дорогой, дешевый, красивый* (в смысле — дорогой), *красивый* (в смысле — приятный), *приличная публика*. И еще — *мое творчество, настоящее искусство, уровень*. Остальное — почти сплошь междометия. Если первое — это, конечно, из ресторана, а второе — пожалуй, от желания оттуда вырваться, то третье — явно незаемное. Кое-что в его лексикон, наверное, добавили журналисты, старательно переделывавшие в литературную речь трогательно сбивчивые откровения этого уже стареющего «мальчика из провинции», который, проработав десять лет в московских ресторанах, года три назад впервые появился на телеэкране и, несмотря на репертуар «с чужого плеча», пряно-жеманные манеры травести на пенсии, дикие карнавальные наряды и грим спятившей Снегурочки, привлек внимание сильным и приятным голосом, а главное — ослепительной яркостью. Именно ослепительной, поскольку не чем иным, как ослеплением, не объяснить упорные слухи про четырехоктавный (!) диапазон его голоса, элитарность (!) репертуара и смехотворный титул «Принца Серебряного» (!), завоеванный им в честной борьбе с «Роллинг Стоунз» на некоем супершоу где-то в Северной Америке. Все это лишний раз доказывает, что яркость — залог успеха и на эстраде, и в жизни.

Фото А.Белянчева

Ехал я как-то с Пенкиным в его машине, играла приятная музыка. «Это кто поет?» — спросил я. «Это я пою», — ответил Пенкин...

Об интервью мы договаривались дважды. Первый раз я опоздал на пять минут, а Пенкин на час. Во второй — я пришел вовремя, а Пенкин опоздал на полтора часа — вдруг решил подстричься. На следующий день он улетал на гастроли, а накануне выступал в ресторане «Арлекино»: «Девочки! Сегодня даем прощальную «зелень!» — сказал он, надевая шерстяные зеленые китайские перчатки (кажется, недавно они еще стоили рублей шесть). — Вы готовы к «зелени»?»

«Мальчик Жора», похожий на Пенкина

— Я из журнала «Столица»... Ты слышал о таком?

— Нет. К сожалению, нет.

— Ты вообще читаешь что-нибудь?

— Ну, разную прессу, если она интересная. То, что попадает под руку.

— Ты сказал, что последнее время у тебя берут около шести интервью в месяц. Тебе это нравится?

— Я люблю отвечать на вопросы. Все зависит от журналиста: как он их задает и насколько психологически давит на тебя. Есть очень злые, это сразу чувствуется.

— Тебя не удивляет, что к тебе такой интерес?

— Нет, я это принимаю как должное. Меня бы это удивило раньше, лет пять-шесть назад.

— Ты работаешь на этот успех?

— Никогда. Я работаю для искусства. Поэтому сейчас пожинаю плоды. Но тем не менее не останавливаюсь на достигнутом и продолжаю работать дальше.

— Кем ты был до того, как стал артистом?

— Я работал дворником, чтобы выбиться. Вот, пожалуй, все. Ну, когда почтальоном еще, но это в Пензе — для того, чтобы проехаться в Москву, зарабатывал деньги.

— Заработал денег, проехался до Москвы, а потом что?

— Десять раз поступал в Гнесинское училище и на одиннадцатый поступил.

— И тогда ты поверил, что можешь зарабатывать на жизнь голосом?

— Я никогда не думал о том, чтобы зарабатывать своим голосом. Я просто хотел быть певцом. Если бы я из голоса хотел делать деньги, то пел бы «ксюша-юбочка-из-плюша», «я-морячка-ты-моряк» и всякую белиберду и был бы, наверное, известным, ездил бы на «мерседесе», даже летал на вертолете от такой дешевой

популярности. Но я люблю настоящее искусство, а оно не всегда... сразу принимается.

— А тебя не смущает, что то, чем ты занимаешься, находится на грани «юбочки-из-плюша»?

— Ну, если бы я работал на таком уровне, думаю, на меня бы люди, которые платят за билет три тысячи рублей, не ходили. У тех, кто слушает «ксюшу», таких денег нет.

— Ты уверен, что социальный статус и уровень материальной обеспеченности совпадают с интеллектуальным уровнем?

— Ты очень сложно спросил... Я считаю, когда что-то делается неординарно, когда это красиво, тогда на концерты ходит хорошая публика. На моих концертах — мне друзья говорили — создается впечатление, что никаких проблем не существует. Люди приходят в длинных вечерних платьях, в смокингах, с бабочками. Это очень приличные, интеллигентные люди...

— Свой сценический имидж ты позаимствовал у Бой Джорджа или — как его называют русские поклонники — «Мальчика Жоры»?

— Ни в коем случае! Я не хочу быть

похожим на него, потому что таких, как он, можно много назвать: и «Армию любовников», и Принса, и Джорджа Майкла. Нет, просто я нашел что-то свое. Когда я начинал, не было еще этого обилия видеомагнитофонов, клипов по телевизору, у меня и телевизора не было, чтобы увидеть Бой Джорджа. И к тому же Бой Джордж интересен своим обликом, может быть, но поет он очень слабо.

— А на кого ты хочешь быть похожим?

— Я хочу быть похожим на Сергея Пенкина.

Ресторанная критика ресторанной музыки

— Как называется твой музыкальный стиль?

— Ну, это очень дорогая интимная музыка, соло-джаз в стиле Элтона Джона, Барри Уайта... За границей, в принципе, нет никаких стилей. Есть хорошая и плохая музыка. Стили придумали у нас. Я люблю красивую салонную музыку, которая заставляет о чем-то мечтать. Вот это я и считаю искусством! Ты ведь хотел меня задеть, когда сказал, что мое творчество по-

Фото РИА-Новости

хоже на «ксюшу»? Мне даже обидно — я же не работаю на таком дешевом уровне. Чтобы как-то правильно, интересно зажечь публику и развеселить ее, надо иметь талант. Это очень сложно. Например, на «М-Радио» есть какая-то Алена, ведущая. Она не умеет разговаривать, себя преподнести, произносит дешевые словечки — «клево», «класс»... В этом во всем очень много деревни на самом деле, колхоза какого-то непромытого. Такие у нас сейчас добились популярности, микрофонов, и поют все кому не лень! Осталось только глухонемым запеть.

— А ты где стал впервые выступать?

— В трактире «Замоскворечье» на Большой Полянке. Теперь его нет — спалили.

— Что дала тебе ресторанный практика?

— Только очень хорошее. Ресторанные певцы могут петь все, начиная с классики и кончая блатными песнями, не то что эстрадные. Я же не пел никогда в дешевых ресторанах, в пивнушках! Там, где я пел, публика была приличная, и для нее я делал целый спектакль: менял костюмы, от меня пахло парфюмом — это же уровень!

— А в эстрадных конкурсах ты не пытался участвовать?

— В Харькове только однажды, гран-при получил. Но это совсем не то. А на «Юрмалу» я не прошел. Я человек не злопамятный, мне наплевать на этот конкурс, но я не понимаю: зачем надо постоянно по рукам бить — говорить про «ресторанную дешевку»?

Вечные «бородатые» песни

— Что ты будешь делать, когда почувствуешь, что твоя популярность пошла на спад?

— Она на спад не пойдет, потому что я пою красивую вечную музыку. Вот, например, меня всегда просят в конце концерта, чтобы я спел «Feelings», хотя это песня «с большой бородой». Но она — вечная, как вечен

Рэй Чарльз, Луи Армстронг, Элла Фицджералд, Элтон Джон, Стиви Уандер... (Лично я применительно к «вечной» музыке Пенкина вспоминаю строчку «Наутилуса Помпилиуса»: «Эта музыка будет вечной, если в ней заменить батарейки». — Я.М.)

— Почему ты поешь в основном чужой репертуар?

— У меня нет постоянных авторов, потому что это опасно — они начинают быстро задаваться. Я люблю людей-трудяг, поэтому беру неизвестных — они больше вкладывают в работу сил и энергии.

— Кто делает тебе костюмы?

— Какие-то сам делаю, какие-то мне придумывают. Мне даже Вала Юдашкин (к которому я очень хорошо отношусь) делал эскиз, но я ему сказал: «Мне это не подходит». Для меня нет авторитетов, имен, критериев. Для меня важен только я сам.

— Нынешнее время — твое время?

— Судя по тому, как я поднялся за этот год, наверное, мое.

— В каком смысле «поднялся»?

— По уровню популярности. Меня стали показывать по телевизору, я даю сольные концерты, мне постоянно звонят с предложениями... Тьфу-тьфу-тьфу, не сглазить!

— А за границей ты выступал?

— Да.

— В каких залах?

— В ночных клубах, небольших концертных залах.

— И как тебя там принимают?

— Хорошо. Здесь я прохожу более-менее, а за границей — хорошо. Но не во всех странах — на Востоке не очень хорошо меня понимают. А в Европе, Америке — просто... ураган.

— Ты выступаешь под фонограмму?

— Под фонограмму? С чего ты взял?

— Как это у вас называется — «минус один», кажется?

— Да, под музыкальную фонограмму. Но сам пою всегда живьем. Поэтому я и Пенкин!

Очень строгий и любит только женщин

— Ты изменился, когда стал популярным?

— Я стал более серьезным.

— У тебя есть недостатки?

— Да, я постоянно опаздываю. Я очень непунктуальный, вспыльчивый... много можно назвать недостатков. Но когда дело касается творчества, я очень строгий.

— Благодаря твоему имиджу многие воспринимают тебя как представителя гомосексуальной субкультуры.

— Я думаю, что каждый судит в меру собственной испорченности. Я вполне нормальный, приличный человек с нормальной психикой и люблю только женщин.

— А каких?

— Красивых. Меня окружают всегда очень красивые и интересные женщины. В жизни я люблю все красивое, поэтому мне нравится проводить время с красивыми людьми. Какая-нибудь девушка из ПТУ меня никогда не поймет...

— На передачу «Тема» о сексуальных меньшинствах тебя пригласили или ты сам пришел?

— Пригласили. Я даже не знал, о чем там будет идти речь. Сказали «о любви», и все. Я к тому же опоздал на час, потому что у меня была еще съемка в цирке для новогодней передачи. Вообще-то я не люблю, когда роятся в моем белье, поэтому не всегда на все вопросы отвечаю искренне. Лучше просто не задавать такие вопросы. Мне кажется, если человек — звезда и поэтому вызывает слишком большой интерес, то ему не надо до конца открываться перед публикой: чем больше он откроется, тем меньше будет интересен. Я хочу остаться интересным.

Пенкин сейчас нарасхват — он «дорого стоит», да и сам себя «ценит недешево». Говорит то, что думает, и так, как умеет. Но все-таки пришлось его речь сильно «причесать».

Лауреат международных конкурсов русский фольклорный ансамбль «Карагод» предлагает сотрудничество всем заинтересованным лицам.

Тел. 438-31-87.

Меняю 1-комн.кв., 19 кв.м, кухня 6 кв.м, с/у раздельный, 4-й этаж 9-эт.дома, две остановки от м. «Ясеново», и комнату 14 кв.м на Дмитровском ш., одна соседка, на 1-комн.кв. с большой кухней, м. «Савеловская» — м. «Рижская», Северо-Западный округ.

Тел. 971-21-93.

ЧАСТНЫЕ ОБЪЯВЛЕНИЯ

Сногшибательные шоколадные конфеты финской фирмы «Фазер» (с алкогольными и другими начинками) мелкими партиями.

Тел. 923-19-71.

Куплю комнату.

Тел. 475-26-38.

Продаю модели «Санта-Мария» в масштабе 1:125 и модель подводной лодки в масштабе 1:200.

Тел. 342-94-56.

Меняю 3-комн.кв., 51 кв.м, на Кутузовском пр. (15,2+17,2+18,6), изолированные комнаты, кухня 8,5, на 2-комн.кв. от 30 кв.м в Киевском р-не и 1-комн.кв. от 15 кв.м в любом р-не.

Тел. 243-63-00.

Подготовка в МГИМО и ГФА дорого, эффективно, с гарантией.

Тел. 164-60-24, 195-37-67.

Александр МАРГОЛИН

Наполеоновы сны

От автора. Все события в этой сказке являются вымышленными от начала и до конца. Все совпадения с именами известных исторических деятелей — случайными. Автор категорически отвергает любые обвинения в намеренном искажении фактов, которых не было. Его единственная цель — заставить читателя поплакать над вымыслом.

С утра Наполеону, мэру Москвы, не везло. Проснулся он от страшного холода — не работали батареи центрального отопления. И завтрак был из рук вон неудачный: на кухне его ждал пустой стол, на который раздраженная жена швырнула миску ячневой каши со словами: «Вот до чего ты нас довел!» И не стоило ей объяснять, что сейчас всем тяжело, что надо потерпеть, потом будет легче, — несознательная жена только поджала губы и вообще перестала разговаривать.

В довершение ко всему оказалось, что не работает телефон. Наполеон тяжело вздохнул: пришла беда — отворяй ворота. Уж он-то знал, какие теперь предстоят мятарства. Запрос на телефонную станцию, один, другой, третий... Потом долгие и безнадёжные поиски обрыва на линии. Попутно, конечно, подвыпившие ремонтники оборвут еще несколько линий, пойдут жалобы, все будет требовать, чтобы в первую очередь чинили именно им... Считай, недели как не бывало. И это в то время, когда столько неотложных проблем городского хозяйства ждут своего решения.

Наполеон вышел на улицу и поежился. Служебного «Мерседеса» у подъезда не было. «Вот уж действительно, не везет так не везет!» — мэр только руками развел. Надвинул шапку на уши и пошел на работу пешком. Два телохранителя, Александр Македонский и Вильгельм Завоеватель, еле поспевали за ним следом.

Ах, московская зима! Лишь изредка подморозит, да выглянет солнце, как встарь. А так — задернуто небо чем-то серым и промозглым, и нет улады взору ни в небе, ни на земле. И столбик термометра, словно Гамлет, колеблется у нуля. Сырость, сырость, слякоть — и вся зима.

«Вот, — утешал себя мэр, — лично иду по улице. Вместе с народом. Как большой демократ». Углубившись в эти до некоторой степени утешительные мысли, он не заметил, как оказался посреди моря разлитого снега и грязи. Назад дороги не было, а путь вперед загороживала куча грязного рыхлого снега. В куче было четыре глубоких дыры, ловкие прохожие просовывали в них ноги и так довольно быстро переправлялись через сугроб. Наполеон посмотрел — и сделал так же. Но, засунув ногу в первую же дыру, он почувствовал, что дыра не пустая, а наполнила водой. Ощущение было такое, словно холодная жижа мощным потоком льется в ботинок. Очевидно, дело было в скорости. Медлить было нельзя, и Наполеон мгновенно оказался по ту сторону сугроба. Теперь в обоих ботинках была вода, но чувствовалось, что в левом воды больше, чем в правом.

Мэр снял левый ботинок и вылил воду. Поодаль стоял Македонский, он выливал воду сразу из обоих ботинок. На высоте был верный Вильгельм: он зимой и летом ходил в сапогах и теперь стоял с безучастным видом, жевал жвачку.

— Я холода не боюсь, — сказал Наполеон. — Закалка! И всем советую закаливание. Без этого нынче не проживешь. Правильно, Вильгельм?

Вильгельм сделал вид, что он тоже всем советует закаляться,

но промолчал. А Наполеон направился к центру Москвы.

Новоарбатский проспект встретил мэра многолюдной толчеей. Естественно было ожидать, что люди сбегутся посмотреть, как высокое начальство делит с народом его беды и радости. Но никто его не заметил. Все смотрели себе под ноги. Наполеон тоже посмотрел вниз, но ничего особенного не увидел.

Поверхность тротуара покрывал обычный городской мусор, который за последние годы так примелькался, что на него перестали обращать внимание. «Может, окурки ищут?» — мелькнуло в голове у мэра. Ему уже сообщили, что сигареты опять подорожали, к тому же он всегда считал, что в хозяйстве должны быть использованы все резервы. Он уже похвалил свой народ за экономию и бережливость, но мысль об окурках пришлось тут же отвергнуть: кроме мусора на тротуаре было полно воды и снега. А размокшие да раздавленные окурки, всякий знает, уже ни на что не годны.

«Но откуда столько снега, — удивился Наполеон. — Вроде давно никаких осадков не было». Снег и впрямь не был похож на свежее выпавший: бурый, цвета помоев, он многое повидал на своем веку. Нога уходила в него, как в болото.

Мэр про себя матюгнулся покрепче, но вид сохранил достойный и опять стал изучать тактику окружающих — ведь пользуются же как-то люди этим тротуаром, ничего. Приглядевшись, мэр заметил, что из жидкой грязи то тут, то там выдаются небольшие, но надежные ледяные бугорки, по ним-то и прыгают находчивые москвичи и таким образом избегают купания в холодной жиже.

Наполеон примерился и прыгнул прямо в бугорок. Тот оказался неожиданно скользким, левую ногу повело вперед, правую — налево, мэр замахаля руками и стал похож в эту минуту на танцора прославленного Краснознаменного ансамбля песни и пляски Советской Армии имени Александра. Некоторое время он удерживал неустойчивое равновесие, но с непривычки сбился с ритма и рухнул в лужу.

Когда он поднялся, вид его был ужасен. Вокруг сновали юркие горожане, прыгая с бугорка на бугорок. Рядом стояли испуганные телохранители. Надо было сдерживать гнев и сказать что-нибудь историческое.

— Дворники подкачали, — сказал мэр. — Уж сколько раз им зарплату повышали. До десяти тысяч в месяц довели, да, видно, мало: нет стимулов производительно работать. Вот когда будем им платить по сто тысяч, тогда они языком будут улицы чистить. Правильно, Македонский?

— Так точно! — ответил Александр Македонский. Он никак не мог привыкнуть к так называемой демократии и упорно не вступал в споры с начальством.

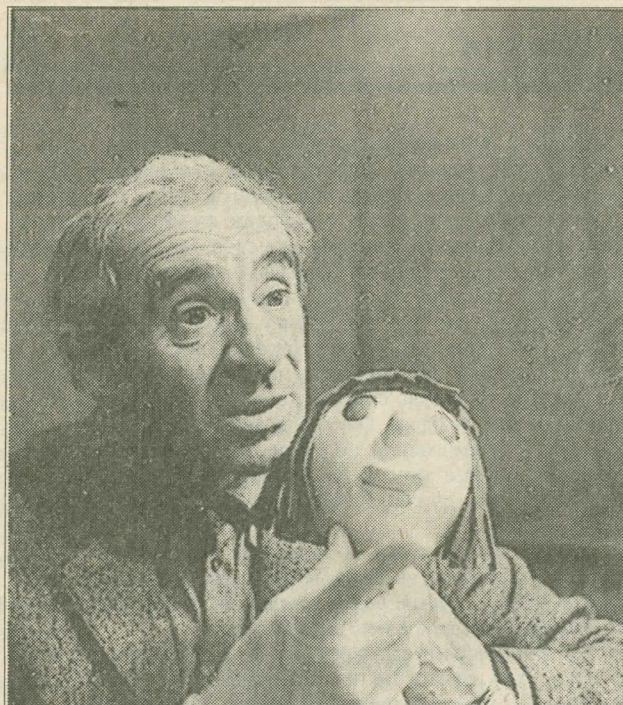
— То-то, — сказал Наполеон и решительно направился к мэрии.

Хотя с ним и были все согласны, в глубине души он сомневался, что повышение зарплаты приведет к чему-нибудь путному с этим народом. Плати ты дворнику хоть сто тысяч, хоть миллион, хоть миллиард. Он, может, тогда совсем работать не станет: купит акции какого-нибудь РТСБ или ММЖХ, приватизирует завод и начнет стричь купоны. А ты вкальвай, заботься о них. Не понимают, не хотят жить цивилизованно. Тоска... Ну да ладно, посмотрим кто кого.

Шум возле мэрии прервал невеселые думы Наполеона. Работники мэрии сгрудились у закрытых ворот, злобно ругаясь с плечистыми охранниками. Оказалось, что здание мэрии захватила известная валютная проститутка Катя Ягодка с целью открыть здесь престижный публичный дом. Катка еще с вечера навербовала бомжей на Савеловском вокзале, выдала им смену белья, форменную одежду студента стройотряда и поставила караулить мэрию.

Теперь Катка из окна второго этажа строила глумливые рожи и размахивала указом Петра Великого о передаче здания мэрии ей, Катке, в частную собственность.

Наполеон протер глаза — и проснулся. Был страшный холод — не работали батареи центрального отопления.

ЗИНОВИЙ ГЕРДТ

— Меня поражают, особенно в кино, актеры, способные служить искусству за гроши. Но не меньше поражают и столь же известные люди, из-за бешеных гонораров снимающиеся в чем попало, а потом пытающиеся подводить под это «концептуальную базу». Я горько смеялся, когда увидел по ТВ одного большого актера, долго объяснявшего суть нового «философского» фильма. А потом показали фрагмент из этой картины, где он минут пять гладил голый зад какой-то девицы. А вот по-настоящему прекрасный фильм — это «Анкор, еще анкор!» Петра Тодоровского, где замечательные артисты играют замечательно тонко и умно.

Не перейдем ли мы все в ближайшее время в категорию бывших зрителей — этот вопрос, похоже, встал уже со всей остротой: в театры, кино, на концерты и выставки почти не ходим, в лучшем случае смотрим телевизор или гоняем «видюшник». А ведь музы не молчат, даже когда «говорит» рынок. По крайней мере, они не молчат для тех, кто сам имеет к ним отношение. Вот мы и решили обратиться к нашим «звездам» с вопросом: что произвело на них самое яркое впечатление в искусстве за последнее время?

«Звездный»

МАРИЯ МИРОНОВА

— Ох, ну какие тут впечатления, когда все последнее время я занималась только тем, что отбивала наш Дом актера у чиновников! Спасибо, если удавалось хоть почитать что-нибудь. Прочла вот замечательную пьесу Олби «Эти высокие женщины», которую будет ставить Олег Табаков и в которой я сыграю одну из главных ролей. Ну а «просто так» читаю документальную книгу Роберта Мэсси «Николай и Александр». И не перестаю удивляться: ну откуда этот англичанин знает такие подробности царской жизни, даже цвет штор у них в спальне?!

АЛЛА ДЕМИДОВА

— Покорена голосом и обаянием Маквалы Касрашвили в «Тоске», недавно выпущенной в Большом. И это — несмотря на реализм в опере, который я не очень-то люблю. Восхитили тонкость и глубина работы Валентина Гафта в телеспектакле «Кто боится Вирджинии Вульф?», который Роман Балаян сделал по старому спектаклю «Современника». Уж я-то знаю, как сложно что-то изменить в старой роли, которую давно играешь.

ТАТЬЯНА ДОГИЛЕВА

— Никогда раньше не была в театре-студии Олега Табакова — испытывала какое-то предубеждение в отношении новых студий. А недавно посмотрела там «Звездный час по местному времени» и «Ревизора» и просто влюбилась в тамошних актеров. В кино поистине поразила новая «Грета Гарбо» — актриса Уте Лампер в фильме Ивана Дыховичного «Прорва».

МИХАИЛ МИШИН

— Наибольшее потрясение я испытал, не попав на концерт Монтсеррат Кабалье. А если серьезно — произвел впечатление показанный по ТВ старый фильм «Кое-что из губернской жизни», где играют — и как! — Табаков, Калягин, Миронов. Потенциал российских актеров огромен!

Блиц-опрос провел Михаил МАРГОЛИС

блиц

...Строго говоря, не книгопродавца, а книгоиздателя — но уж очень грело воображение знаменитое пушкинское название.

Книгоиздатель — Юрий АГАРКОВ, житель Белгорода. Большую часть жизни проработал в строительстве. Ближе к сорока стал переквалифицироваться в гуманитарии. Поучился на филологическом факультете Харьковского университета, поработал в школе. Сейчас «раскручивает издательские дела». У себя в Белгороде выпускает две городские газеты и, что самое странное, поэтические сборники. Он стал первым издателем Тимура КИБИРОВА, что дало повод Льву Рубинштейну расшифровать название фирмы Агаркова «РИСК» как «Российское издательство стихов Кибирова».

Сам Кибиров хорошо знаком читающей публике (по журнальным публикациям). Отметим только, что согласно неотжившим нашим канонам он остается поэтом-любителем, поскольку работает в НИИ и не имеет допуска к Кастальскому источнику писателей — ресторану ЦДЛ.

От журнала «Столица» в разговоре принимал посильное участие Алексей БЕЛЯКОВ.

Разговор книгопродавца с поэтом и с журналистом

Ю. Агарков (слева) и Т. Кибиров. В центре — собака Том. Фото А. Сытенко

Корр. Как вы познакомились?

Ю.А. Инициатива исходила от меня. Я чисто случайно купил альманах «Время и мы». И кто-то посоветовал мне прочитать там Кибирова, поэму «Сквозь прощальные слезы». И я испытал не просто, как это пишется, «радость открытия», но и жажду встретиться с этим человеком. Довольно быстро узнал его телефон и стал звонить. Тимур назначил мне свидание, опоздал минут на сорок...

Т.К. По уважительным причинам: меня не отпускали с заседания в институте.

Ю.А. А я уже думал, что тебя прозвал, потому что там мелькнул похожий человек — я ведь знал тебя только по фотографии из «Юности». Но встретились...

Т.К. Мы как-то сразу сдружились, можно сказать. И потом, мне страшно понравилось, что именно ты будешь издавать мою книжку. Мне показалось, что это очень правильно, что моя книжка будет издаваться не в «Советском писателе», предположим, не в «Московском рабочем», а в совершенно новом независимом издательстве и именно в провинции. Потому что, на мой взгляд, это соответствует духу моих стихов.

Корр. Поэзия сейчас не слишком рыночный товар...

Ю.А. Да, это первая реакция и у специалистов, и у профанов. Но я считаю, разобраться, что сегодня рыночно и что не рыночно, довольно трудно. Если той же развлекательной литературой, против которой я, кстати, ничего не имею, рынок уже насыщен, то из литературы, так сказать, интеллектуального плана последние два года вообще практически ничего не вышло. Так вот, если плясать от этого и если прилагать усилия к распространению, то любая книжка обязана давать прибыль. Пусть даже это сборник статей по «серебряному веку» поэзии. Я не рассчитываю на какую-то сверхприбыль. Мне вообще сам процесс делания денег неинтересен, при всем при том, что я деньги обожаю. Я издаю только то, что мне нравится.

Т.К. Конечно, так, как покупают «Унесенные ветром», не будут покупать поэзию. Но вот ты говорил о распространении. У нас не умеют и не хотят продавать. Леня. В свое время меня поразила история со сборником «Понедельник». Там был напечатан Рубинштейн, Гандлевский, Пригов...

Ю.А. Кибиров... Прекрасный сборник.

Т.К. Тираж его был, по-моему...

Ю.А. Три тысячи.

Т.К. Да, и эти издатели, кстати, непонятно почему оповестившие весь мир, что сборник выпущен за счет авторов, что не соответствует действительности...

Ю.А. А это как-то связано с налогами. Так что ты этих ребят «заложил».

Т.К. (Улыбаясь) И правильно сделал: они обманывают государство, а мне это не нравится. Так вот, моя жена пошла получать авторские экземпляры, а эти издатели стали внушать ей, что не могут продать тираж. Я не верю, что в Москве нельзя бы-

ло продать три тысячи экземпляров сборника, где есть Пригов, Рубинштейн... Просто люди не хотели этим заниматься.

Ю.А. Можно ведь разные интересные формы находить. Даже не новые. Ну, например, презентация распродажи. Тут и сам поэт, и автографы, и все такое. Вот на Калининском проспекте, в Доме книги, такие вещи же делаются.

Корр. Ну вот я сегодня общался со своими знакомыми — людьми вполне просвещенными. И когда я сказал им, что иду на интервью с издателем поэзии, они попросили узнать, давно ли этот человек не показывался психиатру.

Т.К. Это такие предрассудки...

Ю.А. Это хреновина...

Т.К. Люди просто в плену собственных иллюзий. Может, через двадцать лет у нас, как на Западе, любителей поэзии будут насчитываться десятки. Но пока они исчисляются тысячами и даже, я уверен, миллионами. У нас такая инерция привычки к чтению, и вообще русская культура настолько литературоцентрична... На самом деле никто ведь не изучал спроса. Говорят: читатели требуют этого или того. Кто знает, чего требуют читатели?

Ю.А. Да сколько я на периферии наблюдаю — ни одна литературоведческая книжка не остается на прилавке. Ни одна. То же самое с поэтическими книжками: Бог знает чьи — и все равно расходятся. В начале этого года бывший «Советский писатель» выбросил из плана книгу Аверинцева, мотивировав это тем, что они провели маркетинговые исследования и поступило на эту книжку всего две тысячи заявок. Да не для чтения, а только из чисто снобистских побуждений десять тысяч человек в Москве купили бы ее. Просто в «Советском писателе» в какие-то другие игры играют. Я Пригова спрашиваю: «Дмитрий Александрович, у вас, наверно, от издателей отбоя нет?» «Представьте себе, — говорит. — Вообще их не вижу». В Германии за ними ходят, просят — Рубинштейна, Пригова — а здесь...

Т.К. Наши издатели за время госмонополизма привыкли к тому, что писатели должны у них толпиться. Ну, если сейчас какие-то молодые ребята ходят по издательствам — пусть ходят, в этом нет ничего стыдного.

Корр. Юра, значит, вы сейчас являетесь держателем авторских прав на издание Кибирова?

Ю.А. Пока да...

Т.К. На год. Пока. Правда, вот свои старые поэмы, вроде «Когда был Ленин маленький», я просто, можно сказать, подарил вместе с правами Юре на день рождения. Потому что они ему нравятся.

Корр. А что будет после года, вы еще не думали?

Т.К. Посмотрим, как карты лягут. Как будет с этой книгой.

Корр. А если вы, Тимур, в течение контрактного срока еще с кем-нибудь заключите договор и издадите какие-

нибудь стихи из этой книги?

Т.К. Интересные предложения роятся в вашей голове...

Ю.А. Сложность здесь в том, что на сегодняшний день закон об авторских правах так и не принят...

Т.К. И ты сделать со мной ничего не сможешь...

Ю.А. Нет, ну есть договор...

Т.К. Есть договор. И что ты сможешь со мной сделать?

Ю.А. Как что? Засужу. (Смеется.)

Т.К. Да брось ты!

Ю.А. Сейчас уже есть прецедент. Семья Чуковских шум подняла: кто-то напечатал шестимиллионным тиражом Корнея Ивановича. Уже состоялись суды, санкциями обложили...

Т.К. Ну замечательно.

Корр. Тимур, вы не можете вспомнить, когда вы впервые подумали о собственной книге стихов?

Т.К. Ну, честно говоря, довольно давно. Но я был уверен, что она выйдет на Западе. В свое время, кстати, Розанова и собиралась книгу издавать.

Корр. А переводы какие-нибудь выходили?

Ю.А. Да. Хотя трудно сказать, насколько это переводимо.

Т.К. Я думаю, что поэзия вообще практически непереводаема. По этому поводу есть замечательная история. К Сереже Гандлевскому приехал итальянец, очень хорошо говорящий по-русски, который хотел перевести его. Сережа ему дал какие-то стихи, тот их посмотрел, и Сережа спрашивает: «Вам все понятно?» Тот говорит: «Да-да, все понятно». Гандлевский спрашивает: «А слово «физкультпривет»? «Да-да, конечно: культ личности».

Корр. Вот буквально вчера я читал интервью одного нашего модного писателя, где он говорит о том, что сейчас русской литературы практически нет. Может быть, лет через двадцать...

Т.К. Ну, не знаю, очевидно, у него очень высокие критерии. На мой взгляд, литература есть, и нехудая. Я могу хотя бы своих знакомых перечислить. Даже если бы поэзия ограничивалась тремя именами — вполне достаточно вообще-то для литературы. Бездарности, конечно, очень много, глупости много. Но это всегда было. Посмотреть в пушкинские времена — тоже картина не из прекрасных.

Корр. А литература посредственная — всегда будет издаваться?

Т.К. Конечно. Никогда такого не было, чтобы печатались только шедевры.

Ю.А. По большому счету — вообще все, что пишется, должно печататься. Главное, чтобы была полная воля печатать что угодно.

Т.К. Сейчас плохая литература будет печататься за свои литературные качества: она кому-то будет нравиться. А не потому, что, там, автор — секретарь Союза писателей или у него отец — во Внешторге работает.

Ю.А. А что для тебя плохая литература?

Т.К. На самом деле плохая литература гораздо разнообразнее, чем хорошая. Но я могу такие крайние точки наметить. Долматовский, скажем, — плохая литература и Вознесенский — плохая литература. Все это сформулировал Манделштам в «Четвертой прозе»: плохая литература — это разрешенная литература. Понятно, что имеется в виду не только цензурное разрешение. Разрешенная литература — та, которой дано «добро» читательским, обывательским ожиданием, которая точно совпадает с тем, что «хавают» сейчас.

Корр. Как вы относитесь к авторам, издающим стихи за свой счет?

Т.К. Я нормально отношусь. Другое дело, что я бы этого делать не стал, в первых, потому, что никакого особенного своего счета у меня нет, ну и потом, мне кажется это немножко обидным. Но я знаю, что просто замечательные поэты издавали за свой счет. Всеволод Николаевич Некрасов, например. Почему не нашлось издателя для того же Некрасова? Странно. В свое время молодая Цветаева издавала за свой счет — это было как бы принято. А тут, когда еще в прошлом году выходил сборник Матусовского — не за свой счет отнюдь...

Ю.А. Ну вот у нас есть смешной такой пареня в Белгороде, с какими-то анекдотичными стихами — он уже третью книжку делает. Мама с папой богатые: «бабки» дают ему, вот он и печатает. А потом ездит по всей стране, дарит эти книжки, подписывает. Но хорошо, что есть такая возможность для молодых людей — публиковаться. Кто знает, а может, он гений?

Т.К. Да. Может быть, сейчас появляется молодой человек. Совершенно гениальный...

Ю.А. И вот он напечатал, и это дошло до читателя... Вот тимуровские стихи — они, может быть, сегодня уже другие были бы, если бы в свое время это все уже печаталось: обратная связь с читателем...

Т.К. Ну, кстати, совершенно непонятно, лучше я был или хуже...

Ю.А. Скорее всего, хуже.

Корр. Вернемся к вашей книге. Предположим малопривлекательный вариант. Все было сделано для распространения, но книга лежит. Ваша реакция?

Т.К. Моя реакция... Ну-у, как бы такая легкая печаль: я в книгу деньги не вкладывал (смеется). Поэтому я все время пытаюсь Юре внушить, что она должна быть издана минимальным тиражом.

Ю.А. Я не хочу такой вариант обсуждать. Но в принципе, если в каком-нибудь московском магазине книжка будет лежать, — это уже их проблемы. Они взяли у меня оптовую партию...

Т.К. Поэзию у тебя никакой магазин оптом не купит.

Ю.А. Я в розницу буду продавать. И тебя привлеку. Забьем книгами два грузовика и поведем в турне по России. Продавать.

Т.К. Интересная перспектива.

Сивцев Вражек, до востребования

Где? «В беспредельной вселенной, в солнечной системе, на Земле, в России, в Москве, в угловом доме Сивцева Вражка...» Сотня людей спустя полвека без двух дней, снежным вечером, в освещенном особняке Герцена, даром что не при свечах, в виду рояля, портрета писателя и книжных полок — так состоялся первый вечер, посвященный Михаилу Осоргину.

27 ноября 1942 года судьба наконец отошла от него и, удаляясь, припоминала, как, подобрав его гимназистом в Перми, прошлась с ним после университета по московскому подполью эсеров, закинула в бега на 10 лет, в Италию, потом вернула с издевкой домой, чтобы, прогулявшись под руку по Сивцеву Вражку, втолкнуть на философский пароход 22-го года.

Пароход отчалил тогда не от каменистого берега, как казалось докучному взору красноармейца на пристани, ибо пароход отчалил от Сивцева Вражка и, проплыв все коленица, отразившись по окнам особняков, исчез в тумане чужбины. Тогда из тумана раздался голос: «Выпьем за счастье Родины, которая нас вышвырнула». Голос принадлежал Осоргину. История русского послания в Европе началась.

И вот посланцы возвращаются после миссии: арбатство, «артбратство», следуя неологизму участника вечера... Послание прочитано: роман «Сивцев Вражек» — лучшая книга иностранного писателя в Америке в начале 30-х. Посланнику вручена премия. На нее он покупает земельный участок, почтовые марки, конверты и пишет Горькому: «Помогите мне как-нибудь и что-нибудь издать в России; к изданию книг здесь я совершенно равнодушен...»

Перипетии жизненных странствий Осоргина — от иронично-радикального эссе начала века до руководителя двух масонских лож в Париже — только оттеняют хрустальный блеск его стиля, белого и прозрачного, как черный сафьян оттеняет бриллиант. Роман прозрачен, как весной умытые окна Сивцева Вражка, и непредсказуем, как шальная пуля, летящая по московским перулкам в октябре; и только маленький вектор указывает на магнит, обретавшийся по адресу: Арбат, 55. Но это лишь вектор.

«Охлаждается земля, осыпаются горы, реки мелеют и успокаиваются, все стремится к уровню, иссякает энергия мира — но еще далеко до конца».

Глеб ШУЛЬПЯКОВ

Book из третьих рук

Рукописи-то, может, и не горят...

Исследуя мотив пожара у Булгакова, литературовед Александр Жолковский приходит к выводу, что для писателя это — очищение, обновление, прощание с прошлым. Но это — на бумаге, в жизни Мастер не угорал.

Джером Д.Сэлинджер о пожарах не писал. Зато, если верить «Интернэшнл геральд трибюн», в конце прошлого года этакая пакость приключилась в его собственном доме. О подвздошностях умалчивается, что

понятно: уже много лет писатель живет, как Пруст, анахоретом. Последний раз он появился на людях в 1987 году, когда подал в суд на одного биографа, использовавшего его письма к Хемингуэю без его на то согласия. Тогда же весь мир обошла одна-единственная его фотография — седого, совсем на себя непохожего...

Станет ли этот пожар обновлением, решится ли 73-летний писатель прервать

Рубрику ведет Николай МАЛИНИН

Чу, book

Веселое
имя —
Бродский!

Книжный бизнес на Кузнецком — дело тонкое, Петруха. Всякий раз прислушиваюсь и что же слышу? «Я сегодня одному Сабатини по семь впарил! — А у меня один козел Островского за тонну взял, гы!»

Под флагом упорного слуха, что трехтомник Бродского накрылся (а подписалась на него в «Книжном мире» вся Москва), двухтомник минского «Эридана» шел осенью на Кузнецком по 500—700 рэ. Двухтомник, сделанный довольно топорно, с массой опечаток, в грубом супере — хоть и составленный Виктором Уфляндом...

Как-то милее на его фоне

смотрелся томик «Мифа» «Бог сохраняет все»: по крайней мере, бумага белая, рисунки смешные и стоил в магазинах 50 рублей. На четвертной дорожке продавало сборник эссе Бродского издательство «Слово».

Но вот, наконец, появился и чаемый первый том, издаваемый в Питере «Пушкинским фондом». Тут уж все изящно: и супер, и переплет, и подбор; это собрание будет самым полным на сегодняшний день. Когда подписывался номер, в «Книжный мир» 12 тысяч заказанных экземпляров еще не подвезли, но обещали.

свое затворничество? Или лишь озаботится улучшением пожарной безопасности?

Говорят, что его сейфы набиты рукописями. «Я уверен, что он пишет, — сказал мне известный переводчик Игорь Багров, — он просто

понял, что его время ушло. Америка — как бабочка-однодневка. Она не помнит героев вчерашних дней. Я был там недавно, хотел узнать что-нибудь о Сэлинджере, но никто там и имени этого не знает...»

Book-парад

Столбик новинок русской художественной литературы в «Книжном обозрении» дергается, как ртуть в термометре, неуклонно уменьшаясь. Как-то летом (летом!) он упал до 10 наименований — того и гляди совсем замерзнет!

Из разряда «замерзающего» — отличный сборник (первый у нас) Наума Коржавина («Худлит», 3000). Честно признаться, мое поколение такого поэта не знало, полагая славу Коржавина мифом, самого же его числа героем довлатовских баек. А оказалось — гениальный поэт... Простите нас, Эмка Манделель!

Лучшим же изданием декабря стал трехтомник Игоря Гарина: «Пророки и поэты» (2 тома) и «Воскрешение духа» (3 том). Роскошь издать сей запутанно-изящный труд, писавшийся 30 лет никому не известным автором, могла себе позволить, конечно, только «Терра». Автор в мгновение ока стал знаменит, а тираж — разошелся весь!

Из этого же «клана» — замечательная книга Валерия Мильдона «Бесконечность мгновения». «Совписовская» серия «Слово и культура», начатая книжкой Жолковского (стоившей, правда, 4 рубля вместо 64!), достойно продолжилась интригующим гросс-эссе о незаконченности в литературе.

Совершенно обратное впечатление производит труд Михаила Голубкова «Утраченные альтернативы». Изданный ИМЛИ тиражом пять тысяч, он представляет собою простенькую, по сути перевернутую, схему традиционного советского литературоведения...

Впрочем, незатейливость — еще не приговор. Питерское издательство «Вахта мира» собрало в тонкоsenzную книжку издательскую «Исповедь», «Жизнь без принципа» Генри Торо и «Доверие к себе» Ральфа Эмерсона. Читается как сегодня написанное, а так все просто: «Пути, которыми можно зарабатывать на жизнь, почти все без исключения ведут вниз» (Торо).

«Валетом» же издал «Прогресс» кэрролловскую «Алису» (на английском, с оригинальными иллюстрациями Дж.Тенниела) и первую прозаическую книгу Владимира Набокова — «Аня в стране чудес» (с картинками самого Кэрролла). По-моему, Аня Алисе не уступает, впрочем, решайте сами.

Издав, еще в бытность свою «Политиздатом», мужа, «Республика» выпустила, наконец, и жену. Симпатичный сборничек супруги Сартра, Симоны де Бовуар, включает неизвестное нам досель эссе о маркизе де Саде и три повести (в том числе — великолепную «Сломленную»).

Ужасную книгу выпустило МП «Рарог». В ней собраны два тома «наших задач» Ивана Ильина, выходявших в Париже с 1948 года выпусками вроде розановского «Апокалипсиса». Но ни в какое сравнение с В.В. не идет: жуткая демагогия, ленинизм наизнанку, злоба и масса пустых слов. Продается, однако, книжница хорошо, несмотря на магазинные 250—300 рэ.

А о Розанове вышло первое подробное исследование. Помеченное, правда, еще 1991 годом, оно только что появилось в Москве. Валерий Фатеев не открыл новых глубин и не блеснул слогом, зато выговорился страстно, объективно, и главное — издал все это за свой счет!

Журнал «Путь» начал выпуск собственной «Библиотеки». Первенцы: новый перевод работы Фромма о Гитлере (с присовокуплением «садиста Гиммлера») и книжечка Николая Лосского с «Интуитивизмом» и «Учением о перевоплощении». Сделано все аккуратно и стоит по-божески.

Книга воспоминаний Сергея Рахманинова, записанных его другом композитором Оскаром фон Риземаном, изданная в Лондоне 60 лет назад, бессовестно переписанная нашими «рахманиноведами», наконец-то вышла и у нас. Перевела и отрецензировала ее Валентина Чемберджи, а издала «Радуга».

Вышли сразу две книги Эрнста Неизвестного. Но если первая, изданная Московским философским фондом («Говорит Неизвестный») получилась несколько вялой, вошли туда в основном известные статьи, то «Прогресс-Литера» постаралась. Собрав под красивым супером эссе скульптора об искусстве, она снабдила их сотней иллюстраций и библиографией и продает всего по 150 рублей.

Book-selling

Мыла раму «Панорама»...

Отчаявшись сбыть свои замечательные книги, московские издательства открывают фирменные магазины. В глухом (хоть и Большом) Тишинском переулке, дом 38, открыло свой и издательство «Панорама».

Кофе здесь, правда, как в магазине у Марка Фрейдкина, нет, зато в соседнем, уставленном керамикой зале, есть два кресла — все-таки магазин-салон!

В продаже «Двор» Арк.Львова, двухтомник Салиаса, мемуары Чурбанова; книги «Прогресса» здесь почему-то дешевле, чем на Зу-

бовском («Гелиополис» — аж в два раза); есть «Московский рабочий» — Малиновский, Тихомиров...

Собственно «панорамского» не много. Оно и неудивительно: за последний год похвастаться издательству особенно нечем. Разве что альбомом «Русский балет в плакате»? Широко распространяемая серия нобелевских лауреатов содержит обычно какое-нибудь одно известное произведение, «Библиотека исторического романа» также довольно вторична, разве что вот календарики с Марианной?

Book-аху

Алло, Мотя? Они ищут таланты!

Велик и могуч русский язык, как говорил Тургенев. И жесток, добавил бы я.

Объявление в университет: «Литературная студия МГУ, в которую вы давно меч-

тали попасть, продолжает свою работу. Очередное заседание там-то и там-то».

А внизу постскриптум: «Графоманов просят не беспокоить».

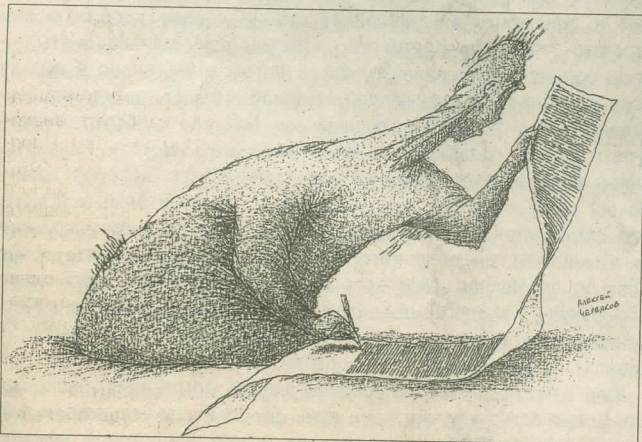
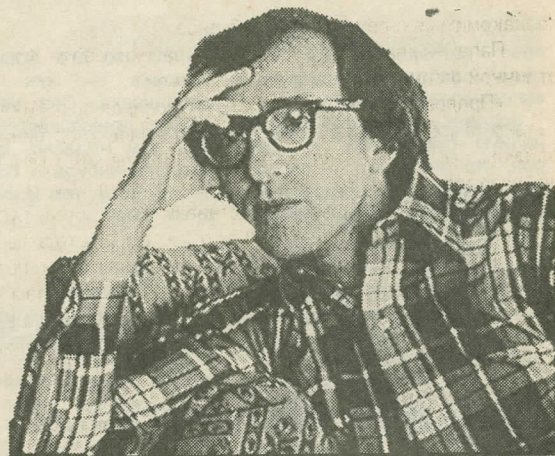

Рис. А. Червякова

ВУДИ АЛЛЕН

ВОЗМЕЗДИЕ

Что Конни Чейзен, на которую мне суждено было с ходу положить глаз, ответила взаимностью, было беспримерным чудом в истории западной части района Сентрал Парк. Высокая, блондинка, с красивыми скулами — актриса, интеллектуалка, — она кружила головы, оставаясь безнадежно неприступной, а обаяние ее живого ироничного ума соперничало с выразительностью всех изгибов, намекавшей на затаенную первобытную чувственность, — и каждый молодой человек на той вечеринке понимал, как отчаянно не хватает в его жизни этой девушки. Что она обратит внимание на меня, Гарольда Козна, тощего, длинноносого двадцатичетырехлетнего, подающего надежды, драматурга и паникера, представлялось *pop sequitur**, сравнимым только с рождением восьмерых однояйцевых близнецов. Конечно, я свободно остро и могу поддерживать беседу на широкий круг тем, но как же быстро и верно сумело вычислить мои скромные достоинства это безукоризненно сложное виденье!

— Ты — чудо, — сказала она, когда после часового обмена внимательными взглядами мы наконец прислонились к книжному шкафу, оставив «Valpolicella**» и закуски. — Я надеюсь, ты собираешься мне позвонить?

— Позвонить? Я хотел бы прямо сейчас уйти вместе с тобой домой.

— Конец света, — сказала она с кокетливой улыбкой. — Честно говоря, не рассчитывала, что все-таки произвела впечатление.

Я постарался сохранить непринужденный вид, но кровь забурлила по артериям в известных направлениях. Я покраснел — вечная история.

— Я думаю, что ты просто ураган.

От моих слов она вспыхнула еще ярче, чем я. Признаться, я совсем не был готов к такому мгновенному согласию. Мое подогретое вином начальство было рассчитано на проведение подготовительных работ с тем, чтобы когда-нибудь, в один из, так сказать, грядущих дней, когда я наконец предложу перейти в спальню, это не оказалось бы полной неожиданностью и не разрушило невыносимо платонической близости. Но мне, существу осторожному, любимой

жертве неврозоз и угрызений совести, предназначалась эта ночь. С пути, который привел нас друг к другу, свернуть было невозможно, и уже через час мы с Конни метались среди простыней, самозабвенно подчиняясь нелепой хореографии человеческой страсти. Никогда прежде у меня не было такой бурной и удачной ночи любви; и потом, когда Конни, утоленная и обессилевшая, лежала в моих объятиях, я размышлял, как именно Судьба собирается взять свои неизбежные налоги. Суждено ли мне вскоре ослепнуть? Или стать паралитиком? Что невообразимо-чудовищное предстоит взять на себя Гарольду Козну, чтобы миры смогли продолжить их гармонический круговорот? Но все это ожидало в будущем.

Первый месяц обошелся без катастроф. Мы с Конни исследовали друг друга и наслаждались каждым открытием. Она оказалась пылкой, искусной и неутомимой, ее фантазия безбрежной, а познания разнообразными и многочисленными. Она могла говорить о Новалисе и цитировала Ригведу. Тексты всех песен Кола Портера знала наизусть. В кровати не ведала запретов и увлеченно ставила опыты: настоящее дитя будущего! — В поисках недостатков приходилось придираться к мелочам. Например, она бывала по-детски капризна. Скажем, в ресторане, как правило, решала изменить свой выбор, и обыкновенно — когда официант уже давно ушел. Стоило мне заметить, что по отношению к официанту и шеф-повару это не совсем удобно, и она страшно сердилась. Кроме того, каждый день меняла диеты, — всем сердцем предаваясь одной, а потом отвергая ее в пользу еще какой-нибудь небывалой, модной теории похудения. Не сказать, что у Конни был лишний вес. Как раз наоборот. Ее фигуре могли бы позавидовать манекенщицы из «Vogue». Но постоянное ощущение собственной неполноценности, которое изумило бы даже Ф.Кафку, доводило Конни до мучительных приступов самокритики. Тогда она называла себя жалким махоньким ничтожеством, не дело которого лезть в актрисы и тем более браться за Чехова. Мои возражения действовали более-менее ободряюще, и я слагал все новые гимны ее душе и телу, впрочем, понимая, что целеустремленность Конни от меня совершенно не зависит, — иначе никакие доводы не помогли бы.

Шла шестая неделя волшебной сказки, когда из-за беспечности Конни все рухнуло в один день. Ее родители устраивали пикник у себя в Лайме (Коннектикут), и мне предстояло наконец

* Здесь: «невероятным» (лат.).

** Марка красного вина.

познакомиться с семейством Чейзенов.

— Папа — класс, — с уважением рассказывала Конни. — И в отличной форме. И мама прелесть. А твои?

— «Прелесть» я бы не сказал, — признался я. Мне действительно было бы трудно оценить внешние достоинства моих близких; родню со стороны мамы я бы сравнил с тем, что обычно разводят в чашке Петри. К своим старикам я испытывал сложные чувства: мы вечно доставали друг друга, ругались, но все-таки оставались близки. Вместе с тем никогда на моей памяти доброе слово не сорвалось с уст домашних, и, подозреваю, с тех пор, как Господь поставил свой завет с Авраамом.

— Мои не сорвутся, — сказала Конни. — Они, правда, любят выпить, но всегда нежны друг с другом. И Дэнни тоже милый. Правда, странноватый, но ласковый. Он сочиняет музыку.

— Мне уже не терпится их увидеть.

— Главное, чтобы ты не втрескался в мою сестренку, в Линдсей.

— Постараюсь.

— Младше меня на два года, страшно заводная и сексуальная. От нее кто только не терял голову.

— Звучит интригующе.

Конни погладила меня по щеке:

— Надеюсь, она тебе понравится не больше, чем я. — Шутливый тон позволил ей деликатно выразить тайные страхи.

— Я бы не беспокоился, — заверил я.

— Даешь слово?

— Вы соперницы?

— Нет. Мы любим друг дружку. Но у нее ангельское личико и аппетитная фигурка. В маму. И при этом довольно приличный IQ* и большое чувство юмора.

— Ты прекрасна, — сказал я и поцеловал ее. Но сознаюсь, весь остаток дня меня не покидали мысли о двадцатидвухлетней Линдсей Чейзен. Боже милостивый, думал я, а если это и вправду настоящий вундеркинд? Что если она на самом деле такое чудо, как Конни рисует? Мог ли такой слабак, как я, не затрепетать при одной мысли о сладких девичьих запахах и звонком смехе сногшибательной чистопородной американки из Коннектикута по имени Линдсей — Боже, какое имя! — и не перевести свой влюбленный — но не прикованный же! — взгляд с Конни на юную шалунью? В конце концов я знал Конни всего шесть недель и, хотя это было чудесное время, все же влюблен в нее, в сущности, не был. Кроме того, Линдсей должна была бы оказаться совершенно чертовски хороша, чтобы я различил слабый свежий ветерок в буре радости и страсти, превратившей эти полтора месяца в сплошной праздник.

В тот вечер я любил Конни, но, когда заснул, в снах моих витала Линдсей. Сладкая малышка Линдсей, восхитительная студенточка с лицом кинозвезды и повадкой принцессы. Я метался, ворочался и проснулся среди ночи с неясным беспокойством и дурными предчувствиями.

Наутро грезы рассеялись, и после завтрака мы с Конни отправились в Коннектикут, захватив вина и цветов. Мы выбрались за город, катили по осенним дорогам, слушая Вивальди на УКВ, и обменивались впечатлениями о сегодняшней рубрике «Культура и отдых». Когда мы подъехали к главным воротам Чейзеновских владений, я снова засомневался, удастся ли запретной сестренке околдовать меня.

— А приятель Линдсей будет? — спросил я шпионским фальцетом.

— У них все кончено, — сказала Конни. — Она меняет их как перчатки. Роковая женщина.

Хм, подумал я, сестренка еще и общительна. Неужели она вправду прелестьнее Конни? Я счел, что это трудно вообразить,

но постарался быть готовым к любым неожиданностям. К любви, кроме, конечно, той, что случилась этим ясным свежим воскресным днем.

Мы с Конни присоединились к пикнику, обильному харчами и выпивкой. Обходя одну за другой сплоченные когорты состоятельных семейств, я познакомился со всей родней; и хотя сестренка вполне соответствовала описаниям — хорошенькая, кокетливая, с ней было весело поболтать, — я бы не предпочел ее Конни. Если бы пришлось выбирать из них двоих, я бы снова выбрал старшую. Нет, в тот день я безнадежно отдал свое сердце совсем другой женщине: потрясающей матери Конни — Эмили.

Эмили Чейзен, 55 лет, энергичная, загорелая, пленительными чертами лица напоминающая пионерок Дикого Запада; седеющие волосы убраны назад, а прелестные округлые линии фигуры образуют безупречные арки, как у Бранкузи*. Соблазнительная Эмили, обладательница широкой белоснежной улыбки и громкого грудного смеха, смесь которых вызывает нежность и волнение.

Ну и протоплазма у этой семейки, думал я! Просто коллекционные гены! И какие устойчивые, судя по тому, что Эмили Чейзен держалась со мной не менее свободно, чем ее дочь. Я не отходил от Эмили ни на минуту, и ей явно нравилось разговаривать со мной, нимало не заботясь о прочих новых гостях. Мы беседовали о фотографии (ее хобби) и литературе. Эмили тогда читала — по ее словам, с наслаждением — какую-то книгу Джозефа Хеллера. Она находила книгу очень забавной и, наполняя мой бокал, сказала с очаровательным смехом: «Господи Боже, вы, евреи, действительно совершенно невероятны!» Невероятны? Знала бы она Гринблатов. Или чету Шарпштейнов, друзей моего отца. Или, по крайней мере, моего племянничка Тову. Невероятны? Они, конечно, милы, но что уж такого невероятного в их вечных спорах о том, как лучше бороться с поносом или как близко сидеть перед телевизором.

Мы с Эмили могли бы часами говорить о кинофильмах, мы обсудили мои театральные надежды и ее новое увлечение — составлением коллажей. В ней безусловно были заложены немалые творческие и интеллектуальные способности, но по разным причинам они не реализовались. Тем не менее Эмили явно была довольна своей жизнью в уютном гнездышке с Джоном Чейзенем, небезызвестным типом человека, с которым хочется пойти в разведку и с которым они любили пообниматься и пропустить по стаканчику. Конечно, в сравнении с моими стариками, которые совершенно необъяснимым образом жили вместе уже сорок лет (вероятно, назло друг другу), Эмили и Джон казались членами нерушимой цирковой династии воздушных гимнастов Лунтс. Моим не удавалось обсудить друг с другом даже погоду, чтобы тут же не начались взаимные обвинения, грозившие перейти в стрельбу.

Когда пришло время возвращаться, мне стало ужасно грустно, и я уезжал в мыслях об Эмили.

— Милые, правда? — спросила Конни по дороге домой.

— Очень, — согласился я.

— Папа — чудо, правда? Правда, классный?

— Ммм. — Честно говоря, мы с ее папой не сказали и десяти слов.

— А мама прекрасно выглядит. Давно ее такой не видела. Тем более, она после гриппа.

— Она удивительна.

— Мне очень нравятся ее фотографии и коллажи. Жаль, отец слишком старомоден, не одобряет ее увлечений. Он вообще не понимает занятой искусством. И никогда не понимал.

— Действительно, жаль, — сказал я. — Надеюсь, это не очень

* IQ — коэффициент умственного развития (результат тестирования, принятого в американской системе среднего образования).

* Константин Бранкузи (1876—1957) — скульптор, абстракционист.

отравляло ей жизнь?

— Очень, — ответила Конни. — Ну а Линдсей? Ты влюбился в нее?

— Она ужасно мила, но совсем не то, что ты. По крайней мере, на мой вкус.

— Я успокоена. — Конни засмеялась и уткнулась мне в щеку. Не мог же я, гнусная тварь, признаться, что мечтаю, как бы снова увидеть ее невероятную маму. И сейчас, пока я гнал в Манхэттен, мой мозг мигал и щелкал, вроде компьютера, надеясь сострять какой-нибудь план, чтобы провести побольше времени вдвоем с этой сногшибательной женщиной. Если бы вы спросили, чего я жду от такой встречи, я бы не знал, что сказать. Но я точно знал, ведя машину через эту холодную осеннюю ночь, что где-то, неизвестно где, надо мной сейчас смеются Фрейд, Софокл и Юджин О' Нил.

В следующие несколько месяцев мне не раз удавалось увидеть Эмили Чейзен. Как правило, это были невинные развлечения втроем: мы с Конни встречали ее в городе и отправлялись в музей или на концерт. Пару раз, если Конни оказывалась занята, мы с Эмили придумывали что-нибудь сами. Конни была в восторге: ее мать и ее любовник оказались способны подружиться. Пару раз мне удавалось подстроиться с Эмили безукоризненно случайную встречу, которая либо перетекала в стихийную прогулку, либо мы решали пойти выпить. Я с одобрением выслушивал ее художественные замыслы, понимающе смеялся шуткам, и было ясно, что мое общество Эмили по душе. Мы разговаривали о музыке, о литературе, о жизни — мои наблюдения никогда не оставляли ее равнодушной. Было также ясно, что она не видит во мне ничего, кроме просто нового знакомого; иная мысль даже не приходила ей в голову. А если бы пришла — она бы ее ни за что не впустила. Да и на что мне было рассчитывать? Я продолжал жить с ее дочерью. Законное сожительство в цивилизованном обществе, где все же принято соблюдать определенные табу. Кем, я воображал, в конце концов, была эта женщина? Какой-нибудь развратной вамп из немецких кинокартин, которая примется соблазнять любовника своей дочери? Честно говоря, я уверен, что потерял бы всякое уважение к Эмили, узнай она в каких-то чувствах ко мне или дай хоть малейший повод усомниться в ее недоступности. И все же я был совершенно без ума от нее. Безумие ввергло меня в невыносимую тоску, и, несмотря на все доводы рассудка, я молился о ниспослании хотя бы малюсенького намека на то, что ее брак не так совершенен, как казалось, или о том, чтобы, сопротивляясь изо всех сил, она все-таки безоглядно влюбилась в меня. Доходило того, что я уже обдумывал возможность умеренно агрессивных шагов, но перед внутренним взором возникали огромные заголовки передовиц в бульварной прессе, и я остерегался любых действий.

Страдая, я страшно хотел рассказать Конни о своих смятенных чувствах и попросить помощи, чтобы вместе распутать мучительный клубок, — но боялся спровоцировать кровавую бойню. И вот, вместо того чтобы проявить мужественную честность, я, как хорек, вынохивал крошки и корочки, которые могли бы намекнуть на чувства Эмили ко мне.

— Я водил маму на выставку Матисса, — сообщил я однажды.

— Знаю, — сказала Конни. — Она в восторге.

— Она какая-то действительно счастливая женщина. Кажется счастливой. Удачный брак.

— Да.

Пауза.

— Ну и... Она тебе что-нибудь рассказывала?

— Рассказала, что вы потом славно поболтали. О ее фотографиях.

— Ясно. — Пауза. — Что еще? Обо мне? То есть, я хочу сказать, я боюсь, что, может быть, я начинаю ей надоедать?

— Ну что ты! Нет! Она тебя обожает!

— Да?

— Дэнни проводит все больше времени с отцом, и ты для нее в какой-то степени заменяешь сына.

— Ее сына? — спросил я с огорчением.

— Думаю, ей хотелось бы, чтобы ее сын так же интересовался ее занятиями, как ты. Был бы ей настоящим товарищем. Более склонным к интеллектуальной деятельности, чем Дэнни. Более чувствительным к ее художественным запросам. Я думаю, ты для нее играешь именно такую роль.

В тот вечер я в отвратительном настроении сидел перед телевизором рядом с Конни, а мое тело рвалось прижаться с иступленной нежностью к женщине, которая явно считала меня таким же безопасным, как ее мальчик. Или нет? Может, все это были просто безосновательные домыслы Конни? Разве Эмили не была бы потрясена, если бы узнала, что некий мужчина, который значительно ее моложе, находит ее прекрасной, сексуальной и обаятельной и мечтает завязать отношения, совершенно не похожие на родственные? Разве совсем невероятно, что женщина ее возраста, в особенности такая, чей муж не вполне отвечает наиболее глубоким потребностям ее души, благосклонно отнесется к пылкому влюбленному? И не придавал ли я с моими мещанскими предрассудками слишком большого значения тому обстоятельству, что живу с ее дочерью? В конце концов, случаются и более невероятные вещи. Конечно, среди художественных натур, одаренных особой глубиной переживаний. Мне следовало еще раз все взвесить и покончить с сомнениями, которые приобрели размах одержимости сумасшедшего. Еще чуть-чуть — и я бы не выдержал; пришло время либо действовать либо выкинуть все из головы. Я решил действовать.

Победоносные кампании прошлого уверенно подсказывали надежную стратегию. Следовало заманить Эмили в «Trader Vic's»*, укромную, слабо освещенную полинезийскую пещеру наслаждений, где было множество темных многообещающих уголков и обманчиво слабые пунши, быстро сорвав все цепи, выпускали яростное либидо из его темницы. Пара «Маи Таи», и можно начинать любовную игру с кем угодно. Рука на колено. Внезапный неумолимый поцелуй. Переплетенные пальцы. Волшебный напиток навеивает свои надежные чары. Осечек не бывало. Даже если доселе беспечная жертва отстранялась с высоко поднятыми бровями, всегда можно было изящно дать задний ход, списав все на эффекты туземных пуншей.

— Прости, пожалуйста, — мог оправдаться я, — у меня поехала крыша от этого питья. Совершенно не соображаю, что творю.

Да, прошло время вежливой болтовни, думал я. Я люблю сразу двух женщин — не такая уж невиданная ситуация. Они оказались дочкой и матерью? Тем заманчивее! Я был близок к истерии. Как при этом и положено, меня переполняла сокрушительная самоуверенность; но следует признать, что в конце концов все произошло не совсем так, как планировалось. Да, однажды холодным февральским днем мы с Эмили действительно пришли в «Trader Vic's». И мы смотрели друг другу в глаза и начинали видеть жизнь во все более розовом цвете, потягивая из высоких бокалов белые пенистые напитки, в которых под маленькими соломенными зонтиками плавали кусочки ананаса, — но на этом все и кончилось. Кончилось потому, что хотя мои естественные, жизненно-важные потребности получили свободу, я почувствовал, что сломаю жизнь Конни. И тогда моя грязная совесть — или, правильнее сказать, возвратившаяся трезвость мысли — не позволила мне положить вышеупомянутую руку на колено Эмили Чейзен и осуществить свои темные желания. Внезапное понимание того, что я всего лишь сумасшедший мечтатель, который на самом деле любит Конни и не имеет права рисковать, чтобы чем-нибудь не причинить ей боли, привело меня в чувство. Да, Гарольд Козн оказался более при-

* «У спекулянта Виктора».

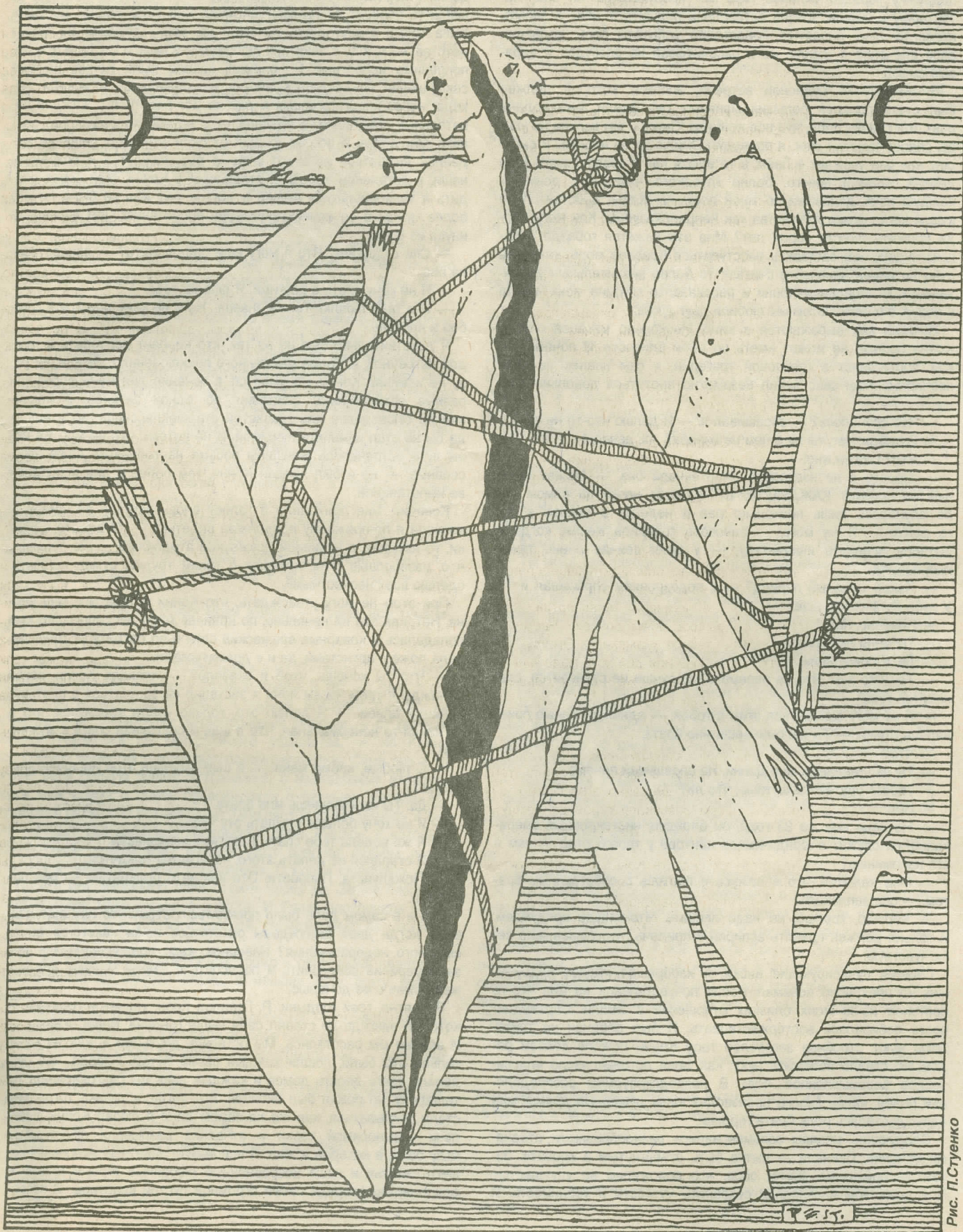

Рис. П. Стуюенко

личным типом, чем мы могли предполагать. И любил свою подружку гораздо сильнее, чем мог предполагать он сам. Катастрофу с Эмили Чейзен оставалось подшить к делу и забыть навсегда. Мне, вероятно, предстояло испытать боль, подавляя свое влечение к Эмили, но я рассчитывал на рассудок и здравый смысл.

В завершение чудесной встречи, апогеем которой должен был стать поцелуй больших манящих губ Эмили, мне подали счет, и я сказал себе, что все кончено. Смеясь, мы вышли на улицу, слегка заметал снег, я проводил Эмили до ее машины и смотрел, как она уезжает в Лайм, в то время как я возвращаюсь к ее дочери, полный нового, более глубокого чувства к девушке, каждую ночь делившей со мной постель. Жизнь действительно сущий хаос, думал я. Чувства так непредсказуемы. Как могут люди прожить вместе сорок лет? Мне это кажется гораздо большим чудом, чем заставить расступиться Красное море, хотя мой отец по своей наивности считает то более значительным достижением. Я поцеловал Конни и рассказал о глубине моих чувств к ней. А она мне. Потом мы любили друг друга.

Наплыв, как выражаются в кино. Несколько месяцев спустя. Конни больше не может иметь со мной близости. И почему? — Как протагонист в греческой трагедии, я сам навлек на себя несчастье. Наш секс начал незаметно портиться довольно давно.

— Что случилось? — спрашивал я. — Я делаю что-то не так?

— Господи, нет, ты ни в чем не виноват. Ах, дьявол!

— Что? Скажи мне!

— Просто я не настроена, — отвечала она. — Может быть, нам не следует КАЖДУЮ ночь? «Каждая ночь» на самом деле случалась лишь несколько раз в неделю, а вскоре и того реже. — Я не могу, — виновато говорила Конни, когда я пытался проявить инициативу, — у меня сейчас очень тяжелый период.

— Какой тяжелый период? — с подозрением спрашивал я. — У тебя есть кто-то еще?

— Конечно, нет.

— Ты меня любишь?

— Да. К сожалению.

— Так что же? Что за перемена? И лучше не становится, становится хуже.

— Я не могу заниматься этим с тобой, — однажды ночью призналась Конни. — Ты напоминаешь мне брата.

— Что?

— Ты напоминаешь мне Дэнни. Не спрашивай почему.

— Твоего брата? Ты шутишь, что ли?

— Нет.

— Но ведь ему же 23 года, он блондин, чистокровный американец, он служит в юридической конторе у твоего отца — чем я его напоминаю?

— Мне кажется, что я ложусь в постель с собственным братом, — она заплакала.

— Хорошо, хорошо, не надо плакать. Что-нибудь придумаем. Я только должен принять аспирин и прилечь. Что-то неважно себя чувствую.

Сжимая пульсирующие виски, я изображал полное недоумение, но прекрасно понимал: Конни почувствовала во мне что-то братское из-за моих близких отношений с Эмили. Справедливость собиралась восторжествовать. Я был обречен на танталовы муки: стройное загорелое тело Конни лежало совсем рядом, но стоило положить руку, как меня останавливало классическое бессмысленное «Ну!». В непредсказуемом распределении ролей, какое всегда производят наши душевные драмы, мне вдруг досталась роль брата героини.

Следующие месяцы ознаменовались разнообразными стадиями мучений. Сначала — попытка быть отвергнутым в кровати. Затем — признание самим себе, что положение не улучшается. При всем том я старался сохранить чуткость и терпимость. Я

вспомнил, как однажды, в колледже, потерпел неудачу на свидании с хорошенькой однокурсницей исключительно потому, что какой-то поворот ее головы напомнил мне тетю Рифку. Девушка была много симпатичнее похожей на белку тетушки из моего детства, но мысль о занятиях любовью с мамминой сестрой все непоправимо испортила. Я понимал, каково было Конни, но моя сексуальная неудовлетворенность накапливалась и искала выхода. Через какое-то время я уже не мог бороться с жадной язвительных замечаний, а позднее — с острой потребностью спалить дом дотла. И все же уходил от окончательных решений, надеялся выбраться из этого шторма безрассудства и сохранить наши, в остальном хорошие, отношения с Конни. Мой совет сходить к психоаналитику вышел в другое ухо, ибо не было ничего более чуждого ее коннектикутскому воспитанию, чем еврейская наука из Вены.

— Спи с другими. Что я могу еще предложить? — посоветовала она.

— Я не хочу спать с другими. Я люблю тебя.

— И я тебя люблю. Ты же знаешь. Но я не могу ложиться с тобой в постель.

Я действительно был не из тех, кто норовит переспать с каждой встречной, и, кроме мысленного приключения с Эмили, ни разу не изменял Конни. Разумеется, в течение дня меня посещали разные естественные фантазии: об одной актрисе, о какой-нибудь стюардессе или глазастой старшекласснице, но я никогда бы не стал изменять любимой. И не потому, что не мог. На моем пути встречались женщины весьма настойчивые, даже агрессивные, — но я был предан Конни, тем более в дни испытаний ее импотенцией.

Конечно, мне приходило в голову вновь взяться за Эмили, с которой я по-прежнему продолжал видеться — то вместе с Конни, то наедине, в невинной дружеской атмосфере, — но понимал, что, разворошив угли, которые с таким трудом сумел погасить, сделаю всех несчастными.

При этом не могу утверждать, что Конни оставалась мне верна. Нет, как это ни печально, по крайней мере несколько раз она попадалась в коварные вражеские сети и по секрету от меня делила ложе с артистами, да и с драматургами.

— Что ты хочешь, чтоб я сказала? — плакала Конни, когда однажды к трем часам ночи я заставил ее запутаться в противоречивых алиби. — Я делаю это, только чтобы убедиться, что я не какая-то ненормальная. Что я еще в состоянии спать с мужчиной.

— С любым, кроме меня! — я был взбешен этой несправедливостью.

— Да. Ты напоминаешь мне брата.

— Я не хочу больше слушать эту чушь.

— Я же велела тебе спать с другими женщинами.

— Я старался не делать этого, но, похоже, придется.

— Пожалуйста. Попробуй. Это какое-то проклятье! — она зарыдала.

Это и в самом деле было проклятье. Потому что как еще называть, когда двое вынуждены расстаться из-за какого-то почти смешного недоразумения? Наверное, кара предназначалась мне за намерение соблазнить и переспать с Эмили Чейзен, продолжая роман с ее дочерью.

Вероятно, грех гордыни. Я, Гарольд Коэн, уличен в гордыне. Я, который никогда не ставил себя выше грызуна. Непостижимо. — И все же мы расстались. Мы остались друзьями и, как ни мучительно это было, пошли каждый своим путем. Правда, нас разделяло всего десять домов и каждый день мы разговаривали по телефону, но роман был окончен. Вот тогда, и только тогда, мне стало открываться, как же на самом деле я любил Конни. Вспомнил невыносимой тоски и отчаяния разрывали прустовскую мглу боли, в которой я жил. Я вспоминал заветные мгновенья нашего счастья и наши несравненные любовные игры и плакал в одиночестве посреди своей огромной пустой квартиры. Я попо-

бывал выбираться на вечеринки, но ощущение бессмысленности жизни не покидало меня. Секретарши и крошки — поклонницы рок-н-ролла вереницей потянулись через мою спальню, оставляя совершенно опустошенным; это было еще хуже, чем вечер наедине с хорошей книгой. Все утратило новизну, и ждать от мира, казалось, нечего: так, отвратительное сумрачное местечко; пока однажды я не узнал потрясающую новость: мать Конни оставила мужа, и они разводятся. Ну надо же, размышлял я, а сердце мое впервые за долгое время билось быстрее обычного, мои старики воюют, как Монтеки и Капулетти, — и прожили вместе всю жизнь. Родичи Конни тихомирно обнимаются и потягивают мартини, а потом — бац! — подают на развод.

План действий был ясен. Полинезийский ресторан. Теперь можно не опасаться смертельных опасностей на нашем пути. Конечно, немного неловко, что я был приятелем Конни, но это больше не создавало непреодолимых препятствий. Ведь мы с Эмили стали просто двумя свободными существами. Мои чувства к Эмили Чейзен, конечно, все это время тлевшие под пеплом, вспыхнули снова. Пусть жестокий поворот судьбы и разрушил наши отношения с Конни, ничто не помешает мне завоевать ее маму. На гребне непомерной, потайной гордыни я позвонил Эмили и условился о встрече. Через три дня мы сидели в тесном сумраке заветного ресторана, и после третьей Бахии она излила мне все о кончине своего брака. Когда Эмили дошла до того места, где она пробует начать новую жизнь, более независимую и творческую, я поцеловал ее. Да, она отстранилась; но не вскрикнула. Судя по всему, она была удивлена; но я открыл ей свои чувства и поцеловал опять. Она, похоже, смутилась; но в ярости из-за стола не вскочила. После третьего поцелуя я понял, что ей не устоять. Она тоже. Я привез ее к себе домой, и мы любили друг друга. Наутро, когда чары пунша рассеялись, она по-прежнему казалась мне прекрасной, и мы снова любили друг друга.

— Я хочу, чтобы ты стала моей женой. — Глаза мои туманились от обожания.

— Серьезно?

— Да, — ответил я. — На меньшее я не согласен. — Мы целовались, завтракали и смеялись строили планы. В тот же день я общил обо всем Конни, готовый к взрыву, которого, однако, не произошло. Я предвкушал разнообразные реакции — от презрительной насмешки до неукротимого бешенства, — но Конни восприняла известие с очаровательной легкостью. Сама она в то время вела бурную жизнь, встречалась с несколькими интересными мужчинами и очень беспокоилась о будущем матери, получившей развод. И вот внезапно появляется юный рыцарь и берет на себя все заботы о прекрасной даме. Рыцарь, с которым Конни была по-прежнему дружна. Этот поворот судьбы представлялся добрым во всех отношениях. С Конни снималась вина за то, что она заставила меня пройти через ад. Эмили ожидало счастье. Меня тоже ожидало счастье. И Конни восприняла известие с легкостью и хорошим юмором, свойственным ее воспитанию.

Мои же родители проследовали прямо к окну своей квартиры, находившейся на шестом этаже, и мешали друг другу выбраться.

— Никогда не слышала ничего подобного! — стонала мама и с зубным скрежетом разрывала на себе одежды.

— Он ненормальный. Ты идиот. Ты ненормальный, — повторял бледный потрясенный отец.

— Пятьдесят пять и шикса*, — кричала тетя Роза, хватая нож для бумаг и поднося к своим глазам.

— Я люблю ее, — протестовал я.

— Она тебя в два раза старше! — орал дядя Луи.

— И?

— И этому не бывать! — ревел отец и заклинал меня Торой.

— Он женится на маме своей подружки? — хрипела тетя Тилли, оседая на пол без чувств.

— Пятьдесят пять и шикса, — рыдала мама, отправляясь искать ампулу с цианистым калием, которую берегла как раз для такого случая.

— Кто они такие? не мунисты*? — спрашивал дядя Луи. — Может, они его загипнотизировали?

— Идиот! Недоносек! — шептал отец.

К тете Тилли вернулись чувства, она уставилась на меня, вспомнила, что происходит, и отключилась снова. Преклонив колени в углу дальней комнаты, тетя Роза на все лады бормотала Ш'ма Исроэль.

— Господь покарает тебя, Гарольд, — вскричал отец. — Господь прилепит твой язык к твоему небу, и погибнут все овцы твои, и все волы твои, и десятая часть от плодов твоих, и...

Но я женился на Эмили, и самоубийств не последовало. Было трое ее детей и с дюжину знакомых. Свадьбу устроили у Конни, шампанское лилось рекой. Мои опоздали: должны были сначала исполнить обещание, данное раньше: принести в жертву агнца. Все танцевали, был прекрасный вечер. В какой-то момент я оказался в спальне наедине с Конни. Мы начали подтрунивать друг над другом, вспоминая наш роман, его взлеты и падения, и Конни заговорила о том, каким желанным я был для нее когда-то.

— Это было упоительно, — горячо сказала она.

— Что поделаешь — с дочкой сорвалось, приходится взять в плен маму. Но...

Но в следующее мгновение у меня во рту был язычок Конни.

— Какого черта? — сказал я, отстраняясь. — Напилась?

— Ты меня так заводишь, ты не представляешь! — и она повалила меня на кровать.

— Что на тебя нашло? Ты что, нимфоманка? — сказал я, поднимаясь на ноги, но безусловно возбужденный ее внезапным натиском.

— Мы должны с тобой переспать. Если не сейчас, то поскорее, — сказала она.

— Со мной? С Гарольдом Козном? Который жил с тобой и любил тебя? Которому было запрещено приближаться к тебе ближе чем на 23 сантиметра, потому что я стал напоминать тебе Данни? Это со мной ты хочешь переспать? С воплощением твоего братишки?

— Теперь же совсем другой расклад! Страшно сексуальный! — сказала Конни, крепко прижимаясь ко мне. — Женитьба на маме сделала тебя как бы моим отцом.

Она снова поцеловала меня и, возвращаясь к гостям, добавила:

— Не беспокойся, папуля. У нас будет масса случаев.

Я опустился на кровать и, уставившись в окно, стал смотреть в пространство. Я подумал о своих стариках и о том, не пора ли покончить с театром и возвратиться в училище при синагоге. Через приоткрытую дверь я мог видеть Конни и Эмили: обе смеялись, болтая с гостями; а на кровати в спальне сидела жалкая поникшая фигурка, и все, что она могла пробормотать себе под нос, было давнее выражение моего дедушки, звучавшее так: «Ой, вей».

Перевел Олег ДОРМАН, 1992 г.

Этот рассказ войдет в сборник Вуди Аллена, который готовится к печати в ВПТО «Киноцентр».

* Мунисты — члены секты, практикующей нетрадиционные методы психического воздействия.

* Шикса — (здесь) не еврейка.

Дмитрий Краснопевцев принадлежит к художникам, сегодня либо почитаемых списком (из каталога программной выставки «Другое искусство»), либо так же оптом обвиняемых в грехе «шестидесятничества». Причина скорее всего в том, что имя слышали все, а работы видели только знатоки и настоящие любители: не мудрено, потому что обе персональные выставки, которые у него были, проходили на квартире Святослава Рихтера (в 1962-м и 1975-м). Лишь в прошлом году в ЦДХ была устроена его первая официальная экспозиция, за которую художнику была даже присуждена новая премия «Триумф». По этому поводу Пушкинский музей только что провел еще одну его выставку. И все встало на свои места — Краснопевцев совершенно уникален в новейшей истории русского искусства. Уникален и автономен от школ, течений, направлений. А если бы все-таки в среде его друзей и коллег по «другому искусству», начинавшемуся в первые годы оттепели, была своя иерархия и табель о рангах, подобная принятой сегодня у концептуалистов, то у Краснопевцева был бы немалый чин, а точнее — сан. Ибо здесь можно вести речь не о службе, а о служении, как бы странно ни звучали эти слова в век инсталляций и хепенингов. Впрочем, есть нечто, примиряющее этого художника с модами современности, — аргументом в

ПОРЯДОК, НАРИСОВАННЫЙ «ЦВЕТОМ АНТИЧНОСТИ»

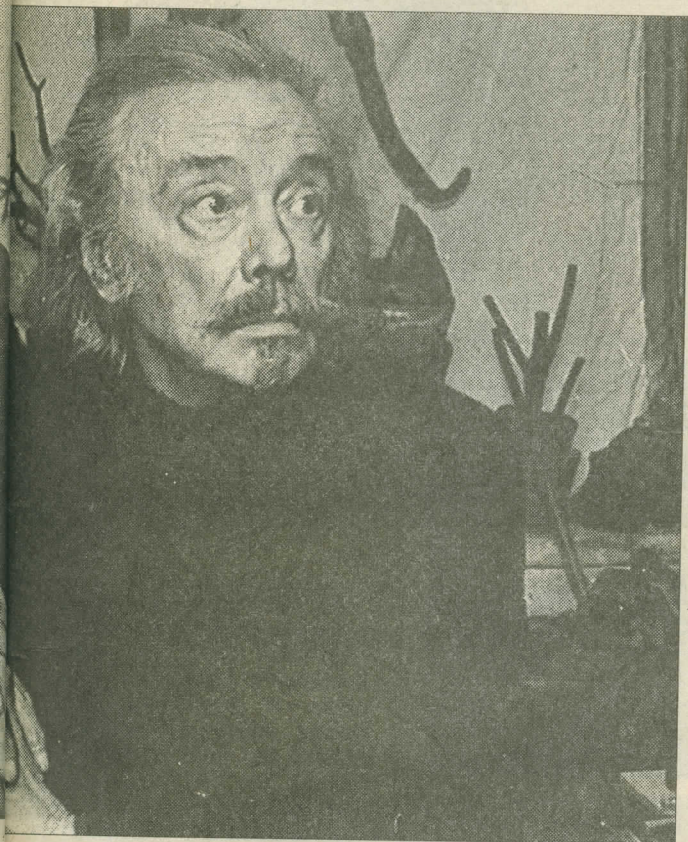
гипотетическом споре выступает сама его жизнь, которой сполна оплачено его искусство. Тем более, что он создал свою «систему метафизического натюрморта, который в некой идеальной очищенной форме воплощает бытие Дмитрия Краснопевцева» (Г.Маневич). Миф Краснопевцева (образ, имидж и прочее), известный с 60-х годов, — не рукотворный продукт плутовства, а самая настоящая правда, а она, по определению, не может выйти из моды.

Итак, человек, чьи работы есть практически во всех приличных зарубежных и советских собраниях, живет в небольшой квартирке на четвертом этаже пятиэтажки-хрущобы в Новых Черемушках. Уже несколько лет он

болеет и из дома не выходит. Его квартира и комната-мастерская уставлены старыми книгами, удивительными камнями — от редких минералов до отшлифованной волной гальки и нежных морских раковин, кувшинами и аптекарскими пузырьками, которые когда-то делались в единственном экземпляре, русскими медными чернильницами и сосудами неизвестного происхождения и назначения, засушенными цветами и странно изогнувшимися мертвыми ветками. Это герои его натюрмортов, одушевленные любовью художника и будто окрашенные светом холодной луны, заменявшей солнце романтикам всех эпох. Работы его за четверть века практически не изменились, разве

только ушли еще дальше от временного, имеющего отношение к нынешнему (и любому) социальному контексту, в сторону вневременного, мистически-экзистенциального. Если когда-то можно было говорить, что черепки и обломки в его натюрмортах — следствие варварства цивилизации и грубых человеческих рук, то позже в них прочитывается как главное — идея неумолимой работы времени, даже разрушающего красиво. Одни и те же, переходящие из работы в работу предметы как бы живут свою жизнь и переживают свои драмы, подчиненные строгому, едва ли не геометрическому порядку композиции. Так же как подчинена уединенному порядку жизнь самого художника.

Художник
Дмитрий Красновец

Фото Б.Горва

— Скажите, Дмитрий Михайлович, в вашем искусстве никак не отражается происходящее за окном?

— Так нельзя сказать... Хотя уже три года я не выхожу на улицу, но телевизор иногда смотрю, газеты листаю. Можно, наверное, жить, полностью отгородившись от жизни, но у меня не получается. Наоборот, здесь — противостояние. Впрочем, почему художник выбирает один сюжет, а не другой, пишет так, а не иначе? Невозможно объяснить. В этом есть тайна, которая и придает прелесть искусству. Как-то раз Пикассо спросили, что такое искусство, и он ответил: если бы я знал — тут он сделал очень хитрый ход, — то я держал бы это про себя. Я бы сказал: искусство — это духовная деятельность. И ничего больше.

Да... Вообще отгородиться от жизни нельзя — это прописная истина. А вот не принимать в батальи деятельного участия

художник может.

— Вы так и делали.

— Старался.

— Поэтому вы избегали выставок?

— Я не очень к ним стремился. Я долго не был членом Союза и просто не имел на них права. В свое время я работал в области кинорекламы, зарабатывал деньги плакатами. Понемножку у меня стали покупать картинку... очень дешево, но эти два дохода постепенно сравнялись, а реклама меня очень тяготила. Тогда-то я бросил ее к чертям и, естественно, с ходу стал «тунеядцем» — ко мне можно было придираться. И я поступил в горком графиков, иногда выставлял там две-три картины.

А в мастерскую ко мне мог прийти практически любой человек с улицы. Я и не мечтал, чтобы толпы народа видели мои работы. Разве лучше, когда на выставку заходят случайные люди только из-за того, что начался дождик?

Ко мне шли те, у кого был какой-то интерес. Я не был в изоляции, как сейчас говорят, употребляя немецкое слово «андерграунд», — в подполье. Я был «на полу». И не прижимал меня никто. Один только раз вызывали в КГБ. Но я отделался так легко, что об этом нечего говорить. Так что никаких ужасов со мной не происходило. Вот к Рабину можно было придираться: грязь, нищета — разве это советская действительность?! А у меня что — нет никакой действительности...

У нас сложилось такое положение, что если художник не выставлялся, то будто бы его и нет — не состоялся. Почему? Это архитектурные проекты должны стать зданиями, пьесы надо ставить, а музыке исполнять. Художник самый счастливый из всех — нарисовал, вот и все. Поставь к стене.

— Вы рисуете для себя?

— Как вам сказать... Наверное, да. У меня нет заказчика, я сам себе заказчик, и требования идут только от меня, а не от кого-нибудь еще.

— Кстати, почему вы согласились участвовать в знаменитом русском Сотбисе?

— Это совсем недавно было, я уже состоял в Союзе художников. Знакомая дама-искусствовед сказала: «Дима, обязательно!» Я был бессилён, говорил только: не надо, не надо. Они взяли три картинку, связали и свезли. Хорошо, меня не стали связывать...

— Вас не волнует материальная сторона дела или у вас просто небольшие потребности?

— Пожалуй, небольшие. У меня есть пенсия, а если надо, то всегда можно продать картинку. Вообще-то материальная сторона всегда всех волнует. Но на книги мне пока хватает, а дачи, квартиры и машины покупать я не собираюсь.

— И вас не тяготит жизнь в «хрущобе» в Новых Черемушках?

— Тяготила, когда выселили из Центра. Я родился и жил на Остоженке в старом обшарпанном доме возле метро. Ноги тогда у меня не просто ходили, а бегали — все друзья рядом, всюду пешком. Сначала мне здешний район казался адом, думал меняться, но не получилось — я человек не энергичный. А потом привык, расставил книги, завесил окно в комнате и стал работать.

— У вас здесь удивительный порядок и все точно так, как я видела на фотографии в книге, изданной несколько лет назад.

— Да, только пыли и грязи прибавилось. Я просто заболел от беспорядка. Кто-нибудь заденет картинку на стене, не успокоюсь, пока не поправлю...

— Это есть и в ваших работах — четкость, порядок, почти геометрия.

— Если в картине нет порядка, как я его понимаю, то нет и картины.

— С этим связана ваша пластическая идея?

— Об этом трудно, страшно говорить... Моя пластическая идея, наверное, очень проста... Я родился в стране беспорядка, который преследует меня всю жизнь. И моя идея — это идея противостоящего ему порядка: будь это порядок в твоей комнате, твоих книгах, на полотне...

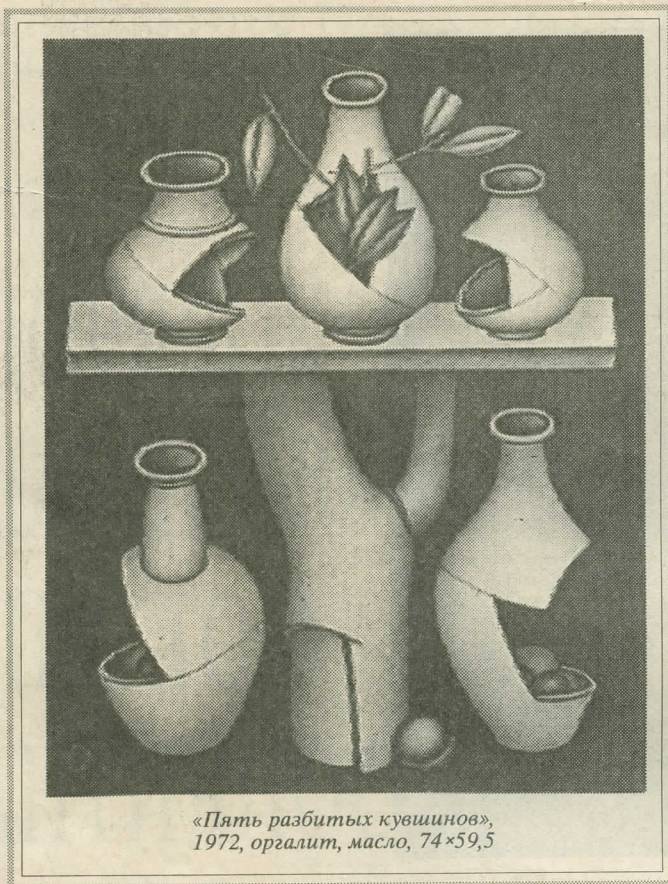
Когда я был маленьким, с нами жила бабушка — мать отца. Свою юность и раннюю молодость она провела в монастыре послушницей. Тогда это было даже модно. Потом она вернулась в мир, вышла замуж, нарожала детей... Я любил бывать у нее в комнате — там царил идеальный порядок. А у бабушки в ее бедно обставленной комнате царил благолепие порядка, которое меня просто завораживало. В конце концов это стало моей религией. Вот объяснение моих работ. Очень простое и даже биографическое. Я противопоставляю их беспорядку за окном. Пусть порядок будет хотя бы нарисованный.

— Вы никогда не пишете с натуры?

— Нет. Но писал довольно долго. Перед тем как появиться на полотне, натюрморты возникают в моем воображении. Но натура-то есть. Вот Пикассо, которого мы уже поминали, говорил: я пишу не с натуры, а с помощью натуры. А уж какая это помощь — ему видней.

— Дмитрий Михайлович, а как вы относитесь к модному ныне слову «постмодернизм», ставшему почти синонимом понятия «современное искусство»?

— Не знаю. По времени — я живу в нем, то есть

«Пять разбитых кувшинов»,
1972, оргалит, масло, 74×59,5

после модернизма. А говорить о нем как о направлении, наверное, можно лишь в связи с конкретными художниками. Вот возьмите для сравнения какой-нибудь исторический период. После революции: Кандинский работает, Малевич работает. И Шагал работает. И «Бубновый валет». А кто туда входил? Можно сказать — русские сезаннисты: Фальк со своими удивительными работами, Кончаловский — со своими. Такие разные. Уже родилось и здравствовало абстрактное искусство, но жил и работал Нестеров. И даже Илья Ефимович Репин. А сейчас художники еще больше разобщены, чем тогда. Время школ и направлений кончилось, поэтому нельзя сказать, что сейчас время одних, а не других.

— Хорошо уже то, что

никто больше никому не указывает, как рисовать.

— Да, это хорошо. Но когда художники говорят: ах, свобода, свобода. От кого свобода? От министерства культуры? Или журналистов? Но ты сам будь свободен. И художнику это легче, чем кому бы то ни было. Он обязан сам в себе содержать своего судью и только ему подчиняться. «Ты сам свой высший суд». К искусству тогда относятся как к служению, а не просто занятию. Успех, деньги, слава — все проходит...

Господи, как подумаешь, что Ван Гог — один из моих любимых художников, — я, представьте, ему когда-то подражал — продал только одну свою работу и один раз смог пообедать на эти деньги. Ни монографий, ни выставок — ни-че-го. А в XX веке он, нищий Ван Гог, побил рекорд по ценам на

картины.

— Да, но говорят, что время непризнанных гениев прошло.

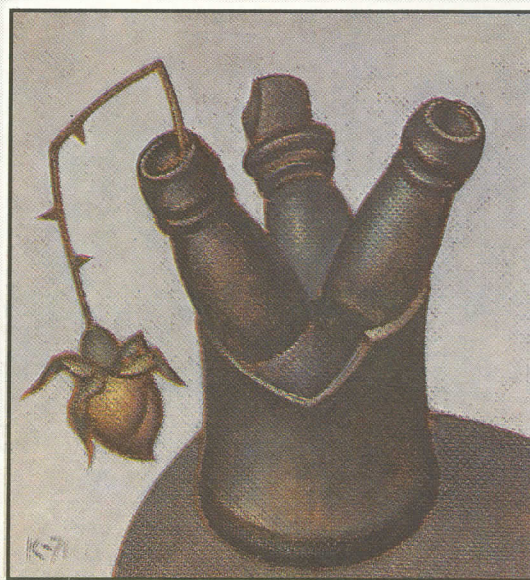
— А может быть, его никогда и не было, ведь и гениев — единицы. XX век хорош тем, что он, во всяком случае, любовно поставил прошлое на пьедестал, никто не остался обойденным. Ведь именно в XX веке заново открыли, например, Вермеера и многих других. А вот забывать художников, наверное, больше не будут... Впрочем, что мы можем сказать о времени, которое сейчас течет, — мы не в силах ничего изменить, а оно делает свое дело...

Мы еще долго разговаривали с Дмитрием Михайловичем. Это лишь небольшой фрагмент беседы. И была она, по моему, куда интереснее, потому что шла легко, переходя от смутных, тончайших материй его творчества и скользких вопросов, подразумевающих оценки кого-то из ныне работающих, в область чистого искусства: любимых Пушкина и Гоголя, Гофмана и Эдгара По, Ван Гога и Рембрандта, Микеланджело и Рафаэля, воспоминаний о встречах с Фальком и Нейгаузом, Габричевским и многими-многими другими. Слушать это все было необыкновенно — будто рассказы обладали тем же «цветом античности», что и сами работы Краснопевцева. Только записать их невозможно, как и его не существующий на бумаге словарь ассоциаций и воспоминаний, зависящий лишь от постоянного настроения. От времени. А как его остановить?

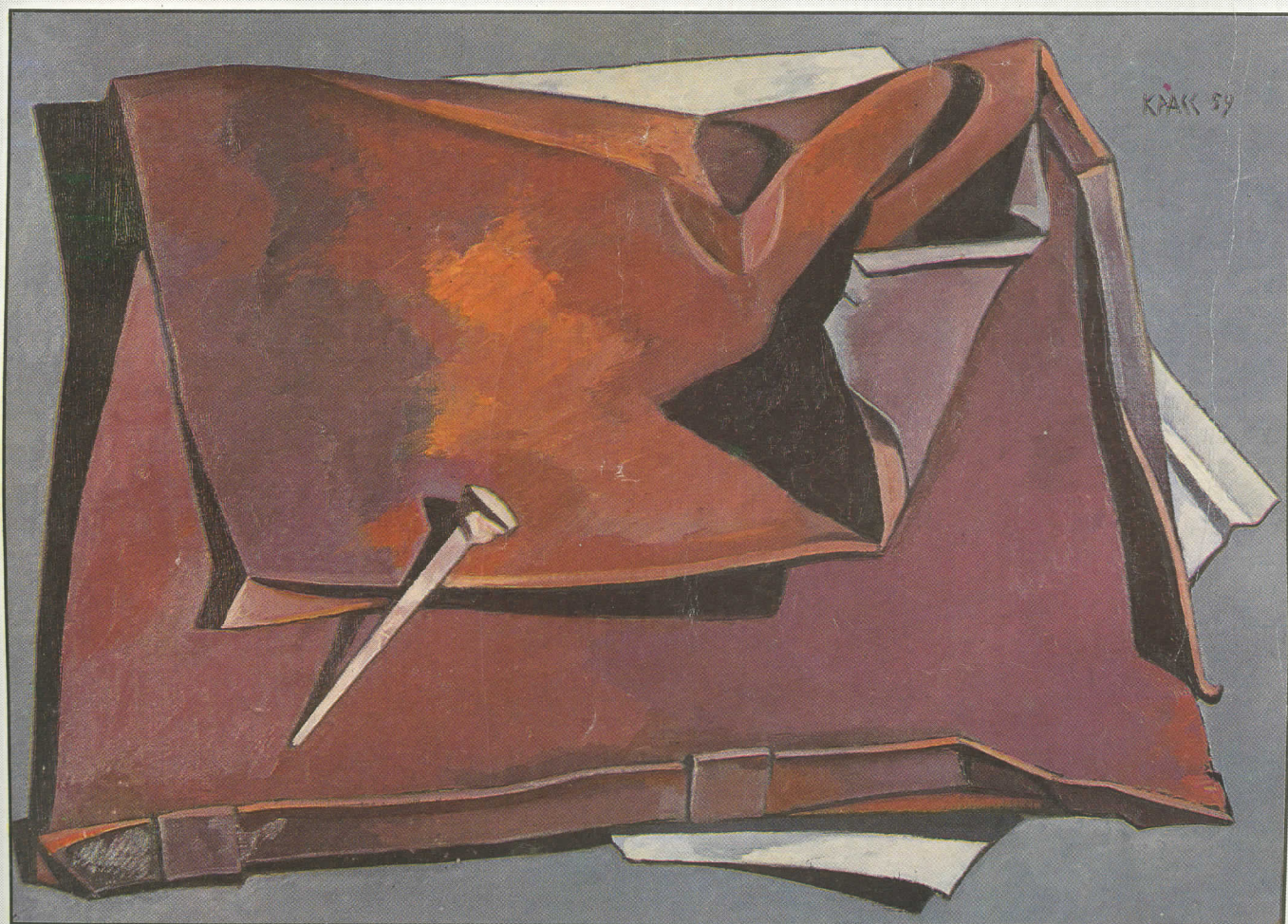
Марина КАМИНСКАЯ

Дмитрий Краснопевцев. Аптека
1974, оргалит, масло, 65×64,5

Дмитрий Краснопевцев
Осколки бутылки и засохший цветок
1971, оргалит, масло, 25×23,5

Дмитрий Краснопевцев. Лист кровельного железа, 1959, холст, 50×70

21-3-198

индекс 73746

190 PROOF

SINCE 1856

**GRAIN
ALCOHOL**

CAUTION: DO NOT APPLY TO OPEN FLAME.
KEEP AWAY FROM FIRE AND HEAT.

DISTILLED FROM GRAIN
SELECTED AND BOTTLED BY
McCORMICK DISTILLING CO.
WESTON, MO

«SUUS»

☎ (095) 393-62-09, 324-08-75, 393-65-66

предлагает со складов в Москве: **КОМПЬЮТЕРЫ PC AT 486 / 33
PC AT 386 / 40
PC AT 286 / 20**

сборка и тестирование США
сервисное и гарантийное
обслуживание

**ПРИНТЕРЫ STAR NX-1500
STAR XR-1500**

**КОПИРОВАЛЬНЫЕ АППАРАТЫ SHARP Z-57
ТЕЛЕФАКСЫ PANASONIC
ТЕЛЕФОНЫ С АВТООТВЕТЧИКОМ GENERAL ELECTRIC CONAIRPHONE
РАДИОТЕЛЕФОНЫ**

ВОДКУ И СПИРТ McCormick (USA)